

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИЯ РУССКОГО СЛОВА

ономастика и специальная лексика
Северной Руси

КР 1332932

ВОЛОГДА
2002

*Печатается по решению Редакционного совета
Вологодского государственного педагогического
университета от 15. 11. 2002 г.*

*Издание подготовлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(грант № 02-04-00054а)*

Редакционная коллегия:

д. фил. н., профессор Ю. И. Чайкина (отв. редактор),
к. фил. н., доц. С. Н. Смольников (зам. редактора),
к. фил. н., доцент Е. П. Андреева,
к. фил. н., доцент С. Б. Виноградова,
к. фил. н., доцент Л. А. Цыцылкина.

История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Межвузовский сборник научных работ /
Отв. ред. Ю. И. Чайкина. – Вологда, 2002. – 250 с.

Содержание

История русской ономастики

Антропонимика

<i>С. Н. Смольников.</i> Категория посессивности в старорусском языке и проблемы исторической ономастики.....	5
<i>Ю. И. Чайкина.</i> Женские календарные личные имена на Русском Севере во второй половине XVII–XVIII вв.....	28
<i>Н. В. Комлева.</i> Деривация мужских личных имён в вологодских памятниках официально-деловой письменности конца XVI–XVII веков	36
<i>И. Н. Попова.</i> Фамилии Вологды начала XVIII века	53
<i>И. А. Королева, А. Н. Соловьев.</i> Фамилии в историко-культурном ареале (материалы для Словаря фамилий Смоленского края)	70
<i>И. А. Кюршунова.</i> Описание словаря некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XII веков	80
<i>И. М. Ганжина.</i> Сельская неофициальная антропонимия как культурно-национальная категория (из наблюдений над прозвищами современной тверской деревни)	99
<i>Л. Г. Яцкевич.</i> <i>Китоврас</i> : Имя. Архетипы. Поэтические образы	109
<i>И. С. Урманчеева.</i> Лексико-семантическое поле 'характеристика человека по его внешнему облику' (на материале экспрессивов в вологодских говорах)	129

Топонимика

<i>А. К. Матвеев.</i> Ебрь и Вепрь	140
<i>Е. Н. Варникова.</i> Из истории формирования ойконимических микросистем на территории Среднего Посухонья (по данным источников XVII–XX вв.).....	146
<i>Е. Л. Березович.</i> «Пищевая» модель в гидронимии Русского Севера: метафора и миф	156
<i>Л. Н. Монзикова.</i> Топонимия Вологды в XVII веке.....	163
<i>М. Э. Рут.</i> Заметки о вологодской астрономии.....	169

История специальной лексики

<i>Е. П. Андреева.</i> Глагольная лексика в составе промысловой терминологии старорусского языка	179
<i>О. В. Борисова.</i> Названия трудовых операций, связанных с изготовлением, ремонтом судна и судовождением (на материале деловой письменности Русского Севера XV–XVII веков).....	190
<i>Т. В. Винниченко.</i> Наименования имитационных способов вышивания в лексике художественного шитья (на материале памятников деловой письменности XVI–середины XVIII вв.)	198
<i>Г. В. Судаков.</i> Росписи Белозерского рыбного двора 1674–1679 гг. как источник изучения специальной лексики.....	204
<i>С.Б. Виноградова, Л.А. Цыцылкина.</i> Функционирование слова <i>крест</i> в старорусской промысловой терминологии русского языка XV–XVII вв.	210
<i>Л. А. Цыцылкина.</i> Система составных наименований с опорными словами <i>церковь, храм</i> в «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.»	218
<i>И. Ю. Рыбакова.</i> Лексико-семантические зоны исторического корневого гнезда глагола <i>брать</i>	230
<i>Е. Н. Шаброва.</i> Метод гнездования слов в русской диалектологии.....	238

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ОНОМАСТИКИ

АНТРОПОНИМИКА

С. Н. Смольников (Вологда)

КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ В СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКЕ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКИ

В старорусской антропонимии деловой сферы проявляется взаимодействие различных функциональных категорий. Наиболее ярко обнаруживается связь личного именования с категорией посессивности. Понятие посессивности антропоцентрично по своей сути. В центре его лицо, связанное различного рода отношениями с предметами, явлениями, событиями, которые в совокупности образуют личную сферу человека.

Исследователи категории посессивности описывают ее в разных аспектах, предлагают различную трактовку понятия посессивности, по-разному очерчивают круг языковых средств, служащих для ее выражения [Чинчлей: 100–101].

Понятийное поле посессивности недостаточно исследовано и в лингвистических работах определяется нечетко. Общая семантика категории определяется посессивной ситуацией, предполагающей наличие посессора (лицо-обладатель), предмета обладания и отношения между ними. В современной науке сложились как узкий, так и широкий подход в описании посессивности [Бондарко: 99]. При узком подходе посессивные отношения трактуются только как отношения собственно принадлежности / обладания. При этом разграничиваются значения отторжимой и неотторжимой принадлежности. Последняя понимается как постоянное, неизменное свойство предмета, определяемое его отношением к субъекту обладания. В частности, значение неотторжимой принадлежности свойственно конструкциям с терминами родства и свойства, а также близкими к ним словами релятивной семантики [Журинская М.А.]. Как неотторжимая принадлежность рассматриваются отношения предмета к его создателю (*стихи Пушкина, стихи принадлежат Пушкину*), предмета к его постоянному пользователю (*Катина школа – школа, в которой учится Катя*),

события к его участнику (*у соседей свадьба, моя свадьба*), различные отношения и связи между людьми (*он имеет учеников, у него есть врач, наш заведующий*) и др. При широком подходе как посессивные оцениваются партитивные отношения (части/целого). Неоднозначность в трактовке посессивности во многом объясняется полисемией глаголов *быть, иметь, иметься, принадлежать, владеть, обладать*, используемых в качестве метаязыка при описании данных отношений. В одних случаях они ведут себя как лексические конверсивы (ср.: *Отец имеет дом / владеет домом – Дом принадлежит отцу / есть (имеется) у отца*), в других – подобная конверсия не возможна (*у меня есть два выхода из ситуации; он имеет двух детей; голос, который я слышу, принадлежит соседу; эта идея принадлежит другу и т. п.*).

Функциональное поле посессивности в русском языке полицентрично и структурируется в соответствии с типологией средств ее выражения. Одни исследователи разграничивают синтаксическую (синтагмы) и словообразовательную (аффиксы) посессивность [Мароевич 1989: 121], другие – предикативную и атрибутивную. Нерешенным вопросом является разграничение словообразовательных и синтаксических средств передачи посессивной семантики. Например, создатели «Теории функциональной грамматики» к двум центрам поля посессивности относят предикативные и атрибутивные конструкции, но при этом не рассматривают притяжательные аффиксы в качестве самостоятельного средства выражения посессивности [Чинчлей: 104], поскольку данные форманты не отражают категориальной ситуации, передают только наиболее общие посессивные значения (указывают на отношение) и нерелевантны к конкретным значениям собственно принадлежности / обладания, неотторжимой принадлежности и партитивности (ср.: *мамина книга, мамина сестра, мамина семья, мамина работа, мамина беда, мамина рука, мамина любовь, мамино пение* и т. д.). Данная семантика может выражаться только синтаксической конструкцией. При этом посессивное значение зависит от семантики слова, подчиняющего притяжательную форму. В какой-то степени указанное свойство сближает притяжательные образования с формами род. пад. существительного в атрибутивных сочетаниях.

К периферии функционально-семантического поля атрибутивной посессивности в современном русском языке исследователи относят производные качественные и относительные прилагательные пропозитивной семантики, которая отражена внутренней

формой слова. Таковы прилагательные с суффиксами *-ист-, -аст-, -ат-*: *плечистый, зубастый, волосатый, женатый* и др., употребляемые в сочетании с названием лица [Чинчлей: 104]. Но при характеристике ФСП посессивности остается без внимания не вписывающаяся в предложенную модель атрибутивного и предикативного поля группа названий лиц с пропозитивной семантикой отторжимой и неотторжимой принадлежности / обладания (*акционер, собственник, частник, миллионер, банкир, бесприданница, судовладелец, медалист, семьянин, купчиха, попадья, однофамилец, ясновидец, знаток, виртуоз, универсал* и др.) и партитивности (*гражданин, аристократ, мещанин, компаньон* и др.).

В существующих описаниях категории посессивности современного русского языка пока не найдено достойного места именам собственным, особенно таким, как отчества, андронимы, посессивные топонимы. Между тем, например, современные отчества, являясь именами существительными, занимают особое место в системе посессивных средств. Образованные по регулярным словообразовательным моделям и оформленные специфическими суффиксами со значением *'лицо, которое имеет родственное отношение (является сыном) к тому, кто назван мотивирующим именем существительным'* [Ефремова: 322], они по своей семантике оказываются близки терминам родства *сын, дочь*, отличаясь от них конкретнореферентной отнесенностью и идентифицирующей функцией, обусловленной мотивацией именами собственными.

Следует отметить, что в большей степени вопрос о посессивном характере отдельных групп имен собственных затрагивался в исторической ономастике. Связь древнерусских патронимов и прозваний по мужу с категорией посессивности обстоятельно описана в работах Р. Мароевича [Мароевич 1981; 1989; 1993 и др.], Б.О. Унбегауна [Унбегаун 1977] и др. В меньшей степени этого вопроса касаются исследователи истории русских отчеств и фамилий на старорусском материале. Между тем метаязык описания зависимых компонентов личного именования XVI–XVII вв. обычно использует формулы, указывающие на их посессивную природу: «именование по отцу», «именование по мужу». В последнее время высказываются мнения о посессивном статусе старорусских фамилий, являвшихся «именованием по историческому главе рода» [Королева И.А.], что характеризует их как слова, обладающие внутренней формой, а суффиксы, образующие их, как форманты, выражающие особый тип посессивных отноше-

ний. По словам С.И. Зинина, до XVII–XVIII вв. фамильные суффиксы *-ов/-ев/-ин* и *-ск(ой)* не были четко отграничены от соответствующих суффиксов притяжательных прилагательных и обладали значением принадлежности («ближайшего усвоения»), их размежевание происходит только в XVIII в. [Зинин 1972: 166]. В современном русском языке фамилии утратили свое посессивное значение, а вследствие этого внутреннюю форму и морфемную структуру.

Несмотря на регулярность высказывания подобных положений, современная наука об истории антропонимических категорий описывает патронимы, андронимы и фамилии преимущественно с формальной точки зрения. Для исследований, посвященных истории русского личного именования, свойствен атомарный подход: собственное именование часто рассматривается не как функциональное целое, а как набор отдельных самостоятельных элементов, соединенных друг с другом по определенной формальной модели. Отдельно вычленяются компоненты, оформленные патронимическими суффиксами, отдельно – номены, слова с семантикой родства и свойства, так называемые «сопутствующие термины», «вовлеченные в орбиту личного именования». Термины родства, включенные в именование, рассматриваются как формальный показатель, факультативный «довесок» полуотчества или прозвания по мужу. Основная функция этого компонента определяется как уточнение статуса антропонима [Тупиков Н.М., Чичагов В.К., Палагина В.В, Зинин 1994 и др.]. Высказывалась точка зрения, согласно которой регулярное употребление при антропониме номенклатурного слова поддерживает складывающееся разрядное значение имени собственного, особенно в случаях омонимии словообразовательных формантов антропонимов различных разрядов [Азарх 1980: 141]. Выявление и описание специфики старорусской антропонимии и ее функционирования в составе именования лица нередко в науке подменяется дискуссией о терминах (*личное имя, прозвище, прозвание, патроним, фамилия*) и о возможности их применения к историческому материалу.

Отчасти широкое использование формального подхода к описанию старорусского личного именования имеет субъективные причины, среди которых следует выделить проецирование на составные именования лица, встречающиеся в памятниках старорусской деловой письменности, свойств современного официального составного антропонима, компоненты которого связываются в одно функциональное целое способом «присоединения», «при-

клеивания» по устойчивой языковой модели. Современные официальные составные антропонимы имеют свойства составной лексемы («сложной лексии», «синтемы») и по структурным признакам похожи на составные числительные, а функционально – на устойчивые условные индексы. В отличие от современных, старорусские составные личные именованья, образовавшиеся по синтаксическим моделям, были вариативны, часто являлись речевыми номинациями и далеко не всегда обладали свойством устойчивости и воспроизводимости.

Предметом настоящей статьи является рассмотрение старорусского именованья и его компонентов в ряду сходных синтаксических конструкций с посессивным значением и конкретнореферентной отнесенностью, обусловленной их образованием на базе имен собственных, а также выявление некоторых условий, влиявших на функционирование данных единиц в деловой письменности XVI–XVII вв. Конечно же, следует оговориться, что круг описываемых в статье конструкций со значением принадлежности / обладания далеко не исчерпывает всех возможных средств выражения посессивных отношений в старорусском языке.

Для рассмотрения специфики личных именовань на фоне посессивных атрибутивных сочетаний необходимо сказать о соотношении разных способов выражения значений принадлежности в деловой письменности XVI–XVII вв.

Предикативная посессивность в старорусском языке выражалась конструкциями с посессивными глаголами, донативными глаголами, конструкциями с нулевой связкой. Предикативный признак принадлежности мог соответствовать посессивному значению, выражаемому атрибутивными конструкциями, а также служить мотивировочным признаком для образования собственных топонимических и антропонимических имен.

Деловые тексты XVI–XVII вв. различались не только содержанием, но и использованием языковых средств, по-разному отражали личную сферу человека и отношения, существующие в ней. Отчасти это проявлялось в использовании конструкций с посессивными значениями. Например, основная формула писцовых книг (описание облагаемого налогом двора) передает посессивную ситуацию и выражает предикативные посессивно-локативные отношения: посессор обозначается, как правило, формой им. пад. имени лица, предмет обладания – двор – предложно-падежной конструкцией с пространственным значением, посессивное отношение выражается нулевой связкой (формула с переменной «во

дворе Х»). Использование предикативных посессивных конструкций данного типа в писцовых книгах определялось необходимостью не только отметить отношение земельного участка к лицу, но и выразить модально-временную характеристику этого отношения (кто живет на земле и платит с нее налоги в момент переписи или кто пользовался ей раньше): *в<о дворе> Молчанко Дмитриев Шахов, колачник (...); м <есто> дворовое тяглое, что был двор стрелца Павлика Яковлева (...); д<вор> Ефремка Тимофеева, сшол безвестно от бедности, а ныне живет жена иво Овдотья з детьми* [Кн. писц. УВ 1623–1626, 186]. В том случае, когда модально-временной план не значим для документа, название двора ограничивается посессивной атрибутивной (в приведенных примерах – генитивной) конструкцией. Ср. также: *На посаде ж дворы и места дворовые пустые, а бывали черные тяглые непашенные ж, а в тягло и на оброк и на льготу не взял их никто. От реки от Мологи в переулке: д. Панфиловской, – в Пречистенской улице: д. Олешинской Вырецкого, д. Данилковской, – да на Вороже д. Нечаиковской Василева, д. Прибытковской скоморохов, д. Кузминской, д. Китаиковской Игнатова, – на площади: д. Ширяковской Курлятева, – за рекою за Мологою: д. Новичковской скорняков, д. Шестачковской Палцова, д. Шестачковской Золуцкого, да три места дворовых ж без хором* [Кн. ст. УЖ 1567, 158].

Противопоставление предикативных и атрибутивных конструкций наблюдается и при описании других объектов налогообложения в писцовых книгах. Например, при описании городских торговых построек используются генитивные конструкции со значением принадлежности, отличающие ситуацию использования земли, передаваемую предикативной конструкцией, от ситуации владения объектом, посессора-пользователя от посессора-обладателя: *лав<ка> Мишки Егупьева; он<бар> Спирки Офонасьева; 2 м<еста> лавочных, одно Ярокурские волости крестьянина Олешки Григорьева, а ныне им владеет посацкой человек Микитка Яковлев, а другое посацкого человека Богдашка Гаврилова* [Кн. писц. УВ 1623–1626, 220].

К периферии поля предикативной посессивности относятся конструкции с донативными глаголами (*взять, дать, купить, продать* и др.). В деловой письменности XVI–XVII вв. они являются атрибутом купчих, духовных, меновых грамот и других типов частно-деловых актов, фиксирующих изменение принадлежности объектов. В писцовых книгах данные конструкции употребляются в случаях изменения принадлежности / права использования объ-

екта в сравнении с предыдущими переписями: *Двор Сенькинской Белов подле Степана Колачкина дан на льготу Ивашку Павлову, место дворовое Ивановское Ватамонова, а подле Фильки Степанова дано на льготу Ивашку Шумилу Ермолину сыну Медведева. На Ивановской улице по правой стороне ко всполью меж Вялова двора да Копосова плотникова два места дворовые Ивановское Бабина да Навиковское ноугородцева даны на льготу Осипу Михайлову. <...> На Красном посаде двор Никифоровской Обрабова дан на льготу Михалку Иванову сыну Попову <...>* [Кн. ст. Каргоп. 1561–1564, 295–296].

Последовательное разграничение в актовых текстах различных синтаксических конструкций, закрепленных за разными видами посессивных отношений, свидетельствует о тщательной разработанности языка деловой сферы XVI–XVII вв. В результате этого одной формулой, включающей разные синтаксические средства, могут передаваться различные ракурсы посессивных отношений (прямого обладания, отношения к бывшему владельцу, отношения к создателю и др.), выражаемые как предикативными, так и атрибутивными конструкциями: *Д. Иванков Иванова сына мельника <...> и прежде сего было за ним же на оброке за Иванком же, с снохою его с Сенкиною женою мельника с Огрофенкою да с ее внуком з Бориском со Власовым вопче по половинам* [Кн. ст. УЖ 1567, 148]; *а у береги у тое мельницы по обе стороны речки Ижины вверх по Сенкинской Иванова ж мельницы Д. под Городищем мельников Сенкинской Иванова, а ныне жены его Огрофенкин да ее внука Бориска Власова; да к тому двору за ними ж мельница на речке на Ижине выше деверя ее Иванковы мельницы, дела Огрофенкина мужа Сенкинская* [Кн. ст. УЖ 1567, 148]; *К церквам приходным Николы чудотворца <...> даны им пожни ниже посаду Гридинская Рослякова да Лутохинская Яковлева, что были в закладе у Василя у Сивкова и у его крестьян* [Кн. ст. УЖ 1567, 145]; *...дана им пожня ниже посаду Климушинская Болотова, что была в закладе у Иванова крестьянина Арбузова к вотчине* [Кн. ст. УЖ 1567, 145].

Атрибутивная посессивность

Атрибутивные конструкции интересующего нас типа были представлены несколькими моделями. Среди них следует назвать синтагмы с опорным словом – наименованием неодушевленного предмета – и зависимым компонентом, образованным от личного именования посессора; синтагмы с опорным названием лица релятивной семантики (термины родства, свойства, хозяйственной и

правовой зависимости); синтагмы с опорным компонентом – личным именем.

1. Конструкция *сущ. + притяж. форма (-ов)*

Описательные номинации объектов, предметов или явлений, включающие притяжательные прилагательные, образованные от имени посессора, в старорусском языке могли выражать различные посессивные значения, например, собственно обладания: *направе его ж Игнашкова кожевная изба с сенми* [Кн. писц. УВ 1623–1626, 196], неотторжимой принадлежности, в том числе: отношения действия к производителю (посессивно-субъектное значение), отношения события к личной сфере конкретного человека: *... я Олферъ ...до моей Олферовы смерти ...моимъ Олферовымъ небрежениемъ* [АХУ I, 1649, 258], отношения объекта к его создателю (посессивно-креативное значение): *Продад Шанино дворишко, взял 19 алтын. Продад с Филипова дворишка избенко да банишко, взял 35 алт. /.../ Взял от двора от Осипова 20 алт. на год кортомы.* [Кн. прих.-расх. Холмог. торго 1598, 219] и др.

Общепритяжательное значение суффикса *-ов* способствовало его использованию для выражения различных отношений, в том числе свойственных патронимам и андронимам: *вдова бобылица бѣдная Оксинаца Гаврилкова жена*; *вдова Марфица Захаркова жена*; *вдова Катеринка Рюмина жена бедна*; *нищая вдова Марфица Мишкина жена* [Кн. писц. СВ 1645, лл. 13, 15 об., 16, 32 об.]. Посессивные синтагмы с опорными словами *сын*, *дочь* были специализированы в качестве прозвания по отцу, не имели самостоятельной номинативной функции, называли лицо только в аппозитивном сочетании с личным именем. Согласно мнению С.Н.Пахомовой, в аналитических патронимах, мотивированных личным именем отца и включающих слово «сын», термин выполняет роль опорного элемента, а притяжательная форма – зависимого. Такой патроним «определяет имя лица опосредованно, через апеллатив» [Пахомова: 9].

Идентифицирующие лицо старорусские полуотчества на *-ов/-ев/-ин*, деривационная модель которых сформировалась уже в праславянскую эпоху, выражали отношение именуемого к отцу и занимали в системе посессивных средств периферийное положение. Рассматривая особенности старорусских именований, построенных по модели *личное имя + полуотчество на -ов/-ев/-ин*, С.Н. Пахомова делает вывод о том, что они по всем признакам совпадали со словосочетанием, в качестве опорного компонента которого выступало личное имя. Употребление полуотчеств с

суффиксами *-ов/-ев/-ин* уже в XVI веке являлось повсеместной нормой двухкомпонентного официального именования. Патронимы при личном имени выполняли дифференцирующую функцию и до сегодняшнего дня сохранили способность идентифицировать лицо только в сочетании с личным именем, что свидетельствует об их атрибутивной природе. В речевом употреблении патронимы в разной мере реализовали посессивную семантику, степень актуализации которой определялась функцией именования.

В рассматриваемый период наблюдается конкуренция полуотчеств на *-ов/-ев/-ин* при личном имени и отыменных конструкций с опорным термином родства в качестве прозвания по отцу. Ср.: Д. Онтурова Рычково то ж на реке на Вычегде. в. Конанко *Яковлевъ* Исаевъ (...) в. Данилко *Васильевъ сын* Исаев [Кн. писц. СВ 1645, л. 109]; разбойникъ Ермолка *Семеновъ сынъ* Латка ...тотъ же Ермолка *Семеновъ* Латка [АХУ III, 1636, 183]. Составители документов разного содержания и назначения отдавали предпочтение тому или иному способу записи патронима. Так, например, в Книге записи венечных пошлин Ляменгских починков все вступающие в брак именуются при помощи аналитического патронима: попъ венчал отрока Афонася *Андрѣева сына* з дѣвкой Пелагиею *Григорьевою дочерью*; Того ж числа венчал отрока Федора *Кондратьева сына* з дѣвкой Анною *Ивановою дочерью* [Кн. венечн. Лям. XVII в., л. 2 об.]. В аналогичном документе, составленном в Вологде в 1654 г., из 170 именований мужчин и 170 именований женщин, сочетавшихся браком, только 2 женских именования включают конструкцию со словом *дочь*, остальные записываются однообразно: женился *Ерофѣи Федоров* понял *Ефросинью Михайлову*, женился *Иванъ Прокопьевъ* понял *Ирину Андрѣиву*, женился *Козма Савельевъ* первым браком понял *Каптелину Кирилову* вторым браком и т. д. [Кн. венечн. Вол. 1654, л. 1]. Крестоприводная книга Устюга Великого и уезда 1645 г. фиксирует единичные случаи записи патронима со словом *сын*, *дети* (обычно при включении в именование фамилии): Перша да *Ивашко Матѣевы дѣти* Лобановы; *Ивашко Осиповъ сынъ* Широких [Кн. крест. Уст. 1645, л. 53 об.–54]; исключительное большинство лиц, целовавших крест, именуется по модели: *Степанко Варламов*, *Васка Еремѣевъ*, *Оска Ивановъ*, *Коземка Володимиров* да сын его *Гришка* да братъ его *Ивашко Володимировъ* да сын его *Гришка Иванов* да внукъ его *Ивашко Григорьевъ* [там же, л. 40–40 об.].

2. Конструкция сущ. + прил. (-овск/-евск/-инск)

В старорусском языке функцию посессивов могли выполнять и притяжательные прилагательные с суффиксами -овск/-евск, nasledovavшие функцию притяжательных форм именного типа склонения. В отличие от форм на -ов/-ев/-ин они не выражали значений собственно принадлежности / обладания и прямого родства, указывали на относительность, условность посессивного отношения: Купили мы, Василей и Оверкей, у Еремея у Григорьева сына Онегина деревню <...> да по другой купчей купили у Тимофея Окулова же сына Хромцова яз, Василей, у брата своего <...> По еремеевской купчей досталась мне, Василью, деревня Климовская и Дубининская <...> да мне ж, Василью, из другой купчей *timoфеевской продажи* досталась деревня Кондратовская <...> да *путик* тетеревиной слопцы за Рим озером *еремеевской* <...> Да Василью же досталось *поженки* Плоской деревни Кырзовские три да и купчие *еремеевская* да Ивкушевская, а Оверкию *Тимофеевская* и купчая [Деловая Кеврол. у.1618, 136–137].

Исследователи отмечают продуктивность данных образований в севернорусской топонимии XVI–XVII вв. [Чайкина 1987: 73–76].

В антропонимии деловой сферы конструкции, включавшие такие слова, были характерны для именования женщин. Описательные андронимы с опорным словом *жена* чаще производились от личного имени мужа: ... и *Денисовскую жену* Анисью сослалъ з Денисовымъ человекомъ з Микифоркомъ [АХУ III, 1666, 336], реже – от фамилии при помощи суффикса -ск: на Устюжскую проскурницу на Овдотью на *Коркинскую жену* ...по науке безделника деверя своего старика *Коркина* [АХУ III, 1626, 11]; вдова Маринка *Филипова жена Шарина* ...лав. вдовы Маринки *Шаринские жены* [Кн. писц. УВ 1623–1626, 176, 215]. В именованиях женщин патронимы, включающие образования с суффиксом -ов/-ев/-ин противопоставлены андронимам с суффиксами -овск/-евск/-инск не только формально, но и характером выражаемых посессивных отношений: патроним указывал на кровнородственное отношение как постоянное, неизменное свойство лица, андроним – на брачное отношение, которое может быть утрачено или изменено после смерти одного из супругов (согласно Книгам записи венечных пошлин XVII в., «двоеженцы» и «троеженцы» составляли значительную часть вступающих в брак).

Наблюдения над особенностями старорусского официального именования лица, носившего посессивный характер, позволяют говорить о специфике старорусских антропонимов, традиционно определяемых как фамилии.

Включение фамилии в номинацию на правах идентифицирующего средства, с одной стороны, и зависимость ее от опорного компонента в посессивной синтагме именования лица, с другой стороны, обуславливали вариативность формы антропонима, указывавшего на принадлежность человека к семейному коллективу. Варьирование фамилий свидетельствует о том, что в рассматриваемый период, эти антропонимы сохраняли внутреннюю форму: Ср., например: Тимошка Васильивъ *Осетров* ...Тимоши Васильива *Осётра* [Кн. писц. Уст. у. 1623, лл.291, 303об.], для *Осетровского* Тимофия [АХУ III, 1632, 127]. Фамильное прозвище, передаваемое по наследству (трансонимизация по смежности), уподобляет лицо предку. Суффиксальные образования по-разному указывают на отношение, выражаемое фамилией. С другой стороны, данное явление убеждает в архаичном синкретизме понятий *предок*, *потомок*, *род*, свойственном мировоззрению жителей северной Руси в старорусский период.

Окончательное выделение фамилии в самостоятельное идентифицирующее средство официального именования наблюдается в XVIII в. В таможенной книге Устюга Великого 1751–1752 гг., в отличие от документов XVII века, например: Се язъ Огаль Кондратьевъ сынъ Поповкинской, из Ивашевы деревни... взял есми я Огаль... ему Огалу... Огалко руку приложилъ [АХУ I, 1617, 159–161] и др.; в повторном именовании лица в памятнике сохраняется не личное имя, а фамилия: Яренского купца Амоса Осколкова поверенной ево Иванъ *Мингалева* явиль... Иванъ *Мингалева* подписуюсь... оному *Мингалева* из великоустюжской таможи явчая выпись [Кн. там. УВ 1751–1752, л. 122 об.]; для досмотру посланъ целовалникъ Федоръ *Шемякинской*... Артемон Суслов подписуюсь... По досмотру означенного *Шемякинского*... оному Суслову из великоустюжской таможи явчая выпись [Там же, л. 130] и др. В это же время отмечается появление термина *фамилия*. Восприятие фамилии как особого знака, идентифицирующего лицо, обуславливает утрату ее притяжательного значения и выход за пределы категории посессивности.

Генитивные конструкции

а) Сущ. + именование лица в форме род. пад.

Генитивные конструкции были употребительны при именовании объектов по их индивидуальной принадлежности, а также для географических имен: *Д<вор> Сонки Василева... Д. Гришки Обелмина... Д. Панкинской Малцова сына Попова* был пуст [Кн. ст. УЖ 1567, 147]; *Деревни Ортемка Рослякова* [Кн. писц. Уст. у.1623, л. 246]; *пожня Юшка Лалского* [Кн. писц. СВ 1645, л. 148].

В именовании юридически зависимых лиц последовательно употреблялись конструкции, образованные от именования работодателя или хозяина. Ср.: на Михайла Иванова сына *Григорья Никитинского человека Ярославца* [АХУ III, 1627, 45]; *москвитинъ гостиной сотни Григорья Иванова сына Юдина прикатчикъ* его Якунка Егувьевъ [АХУ III, 1637, 201]. Юридически зависимыми были и крестьяне-половники. *Ивановские волости крестьянина Якунки Пермитинова половники* в. Ивашко Тетеря да Мокъико Селиванов [Кн. писц. Уст. у.1623, л.189]; в. *устюжанина посадцкого человека Исачка Плотника половникъ* Левка Офонасьевъ [Кн. писц. Уст. у.1623, л.186 об.]; *деревни Гусихи Степашки Риминского в. половник* Офонка Неронов Ташлыков [Кн. писц. СВ 1645, л.106].

Использование генитивных конструкций в документах определялось необходимостью выделить в качестве самостоятельной номинации именование лица, через отношение к которому определялось другое лицо: ...и вижу в трапезе сидеть *того дьякона Дмитрея дядя Лазарь, пономарь, да Прокопьевского прихожанина* Ивана Пантелъева сына Мокрошубова сынъ ево Михайла [АХУ III, 1666, 337]. Именование мужа в форме родительного падежа, управляемое термином "жена", могло представлять собой описательный андроним, например: устюжанка Опросиньца Тимофиева дочь, а Романа Овчинникова женишко [АХУ III, 1644, 236], Овдотьца Миниева дочи, а Насона Леонтьева сына Серебренника Белозерца жена, устюжанка посацкая [АХУ III, 1636, 200] и др. Патронимы и андронимы в писцовых и переписных книгах не только идентифицировали лицо, но и называли бывшего владельца двора, ср.: во дв. *Петрушки Коптева жена* ево Маринка Федорова, а онъ Петрушка умре во 189 г. [Кн. писц. УВ 1677, 90]; во дв. вдовы Олисавка да Соломейка Якушка да Ивашка Васильевых дѣтей жены Севастъева... Якушка Васильевъ сынъ Севастъевъ умре во 189 г. [Кн. пер. Л.1678, 67]; во дв.

прежняго владѣльца *Ивашка Семенова сына Норицына дочь Марфутка* 8 годовъ [Кн. пер. Л. 1678, 67] и др.

По генитивной модели строилось личное именование в том случае, если имя отца имело форму прилагательного: во дв. бо- был Русинко Осмово [Кн. доз. Вол. у. 1589–1590, 12]; Пашка *Девятаго Созыкина* [Росп. 1654, л. 22 об.].

В XVII в. встречаются случаи употребления при личном имени фамилии в форме ед. ч. род. п.: Федка да Микитка да Степанко *Мосенина* [Кн. писц. Уст. у. 1623, л. 493 об.]; с Марком *Собачкина* [Кн. писц. Уст. у. 1623, л. 452]. Но в целом данное явление для старорусской антропонимии не характерно. По данным устюжских челобитных, именованія указанного типа в первой половине столетия составили 1, 7% при назывании челобитчика в начальном протоколе документа, 4,8% – в самоименованиях составителей документов и рукоприкладствах. В явках второй половины столетия они не отмечены.

б) *Генитивные личные именованія с зависимым компонентом – фамилией.* Семантика старорусских фамилий имеет много общего с терминами родства, которым свойственно посессивное значение неотторжимой принадлежности. В форме единственного числа фамилия выражает партитивное значение {один из семьи, группы родственников, имеющих общего предка}. В форме множественного числа фамилия называет семейный или родствен- ный коллектив, объединенный отношением к общему коннектору – историческому главе рода. Называя семью, фамилия употреб- ляется как самостоятельная номинация: ...сена нам досталось от *Ильциных* [НКМ 1604–1605, л. 6]; живемъ на подворье у добрыхъ людей у *Караблевыхъ* [АХУ III, 1626, 24] и др.

Именование лица, включающее фамилию в форме мн. числа, строилось по генитивной модели. В генитивных конструкциях с фамилией наиболее ярко проявляется семантика партитивности: Деревни Исакова... взят салдат Матюшка Ерофѣевъ, тое же де- ревно з другого двора взят салдат Тимошка Павлов, тое же Д. с третьего двора взят солдат Алешка Патракѣевъ *всѣ Шарыповых* и др. [Гробов 1671, л. 59 об.]. Фамилия на -ых обычно распро- страняет сочетание личного имени с патронимом и не входит в прозвание по отцу, что, например, достаточно ярко проявляется в именованіях с аналитическим патронимом: Ивашко Васильевъ сынъ *Гузницевских* [Росп. 1654, л. 2 об.]; во дв. Матюшка да Ивашко Семеновы дѣти *Ощепковыхъ* [ПК Лал. 1678, 55]; Омелка Иванов *Исаковых* [Кн. пер. УВ 1677. л. 443]. Матюшка Терентьевъ

Алешковых [Росп. 1660, л. 64 об.] и др. Реже распространяется одно личное имя: Васка *Докуниныхъ* [Кн. крест. Уст. 1645, л. 29 об.]; Шестунка *Мостовскихъ* [Кн. писц. СВ 1645, л. 190 об.]; Андрюшка *Костяковых* [Росп. 1654, л. 5 об.].

Важно отметить, что формы фамилий на *-ых/-их* нашли отражение и в топонимии, где они обозначали владения той или иной семьи. Ср.: В Ягрыше и на Кивокурье *Босых* владенье [А. Уст. 2, 1678, 34]. В Устьянских волостях таким образом возникали ойконимы: Д. Дымковское за рѣчкою за Елюгою *Шадриных* то ж [Кн. пер. Устьян. 1635, л. 46 об.].

б) *Сущ. (предмет обладания) + притяж. прил. (-ов-), образованное от личного имени посессора + другие компоненты именования посессора в форме род. пад.*

Посессивная модель, первый зависимый компонент которой оформлен притяжательным суффиксом, а второй представлен в форме род. пад., является достаточно древней. Она известна праславянскому языку. Первоначально для выражения притяжательности в ней использовались суффиксы *-ьj* и *-ьп*, впоследствии вытесненные более поздним *-ов/-ев*. Уже в работах А.А. Потебни отмечалось, что специфика праславянских притяжательных прилагательных заключается в их близости именам существительным, что особенно ярко проявляется в конструкциях типа *домъ Симоновъ усмаря*, где приложение или определение относятся к притяжательному прилагательному «так, как если бы на его месте стояло существительное». Исследователи категории посессивности в праславянском и древнерусском языке (Н.С. Трубецкой, С.В. Фролова) включали образования с притяжательными суффиксами в парадигму существительного как особую притяжательную форму. Р. Мароевич предложил называть притяжательные слова, сочетающие признаки и прилагательного и существительного, посессивами, отмечая, что «принимая на себя функцию родительного принадлежности, суффиксальные посессивные категории восприняли и его синтаксическое употребление в рамках именной парадигмы» [Мароевич 1989: 124].

Конструкции указанного типа достаточно регулярны и в XVI–XVII вв. в именовании различных объектов по их принадлежности / отношению: от станowych от *Ивановых деревень Нефедьива городского члвка* [Кн. ст. УВ 1557, л. 7 об.]; в. Степанко Яковлев портной мастер, а живет в *тещине в Полагине Степановы жены дворе* [Кн. ст. УЖ 1567, 160]; Д. у речки у Ворожи по конец посаду *Богданков з братею Ивановых детей Кипреянова <...> и пашни*

Богданковы ж з братею [Кн. ст. УЖ 1567, 149]; Из *Юрьевы лоды* в первой путь отвесили соли *костогорца*, по таможенным был счет, 2024 пуд. /.../ Да из *Аврамовы лоды* отвесили соли *койдокурца* в первой путь... [Кн. прих.-расх. Унск. пр. 1597], ср.: Дал *Авраму койдокурцу* в лодейной/ наем 12 алт. 1 ден. [Там же, с. 200]; *С Володина огорода Кузмина сына Клепицына* [Кн. писц. СВ 1645, 108] и др. Они сохраняют семантическую эквивалентность предикативным конструкциям, заменяют их в номинации объектов: в. *Кортауко Гридин*; да подле тово другой двор *Кортауков же Гридина* [Кн. ст. УЖ 1567, 156]; Д. у реки Ворожи на берегу, и половина того двора на оброке за мелником за *Иванком за Ивановым сыном Загородцкого* [Кн. ст. УЖ 1567, 148]; Да к тем же церквам четверть двора да четверть мельницы на речке на Вороже подлинно в сех книгах написано с оброчною с *мелниковою Иванковою Загородского* половиною двора и мельницы [Кн. ст. УЖ 1567, 143]; выше вопчие *Иванковы Загородцкого* и церковные мельницы [Кн. ст. УЖ 1567, 149].

Атрибутивность конструкции обуславливает ее функциональную эквивалентность собственно генитивным конструкциям: *мельница на речке на Ижине* вопчая ж *Иванка Иванова сына Загородцкого да Есипка Иванова, да Порошки Федорѡва сына Голубина з братею* [Кн. ст. УЖ 1567, 149] А береги у тое мельницы по обе стороны речки Ижины вверх до *Иванковы Загородцкого* с тоvaryщи мельницы /.../ [Кн. ст. УЖ 1567, 148].

В XVII в. отмечена активность данных конструкций в именовании лиц по их правовой и хозяйственной зависимости от другого человека: в. *Иванков половник Кондратова Иванко Костин* [Сотн. Каргоп. у. 1561–1562 гг., 316]; в. *Пронкинъ половникъ Титова Осипко Терентьевъ*; в. *Гришкин половник Тимофѣева Еремка Емельяновъ* [Кн. писц. Уст. у. 1623, л. 162]. на *Давыда, на приказчика на Иванова да на Олексиева Юрьевыхъ дѣтей Усова* [АХУ III, 1627, 45].

По данной модели активно производились описательные патронимы: *Степанку Одрѣеву сыну Копника* [Кн. ст. УЖ 1567, 146]; по закладной *Онтонидки Семеновы дочери Безхлѣбникова* [Кн. писц. СВ 1645, л. 181]; д<вор> пусть дѣвки *Маланыцы* с сестрами *Прокофьевых дочерей Одрѣева* [Кн. писц. СВ 1645, л. 422].

В старорусских документах наблюдается устойчивая тенденция замены полуотчества, образованного от календарного имени отца именуемого, дескриптивным патронимом, образованным по регулярной синтаксической модели. Обладавшее референтной

неопределенностью полуотчество в связи с расширившейся сферой делопроизводства в эпоху формирования централизованного государства не могло служить средством точной идентификации лица, поэтому в официальное именование активно вовлекаются посессивные конструкции, образованные от именования отца в целом. Образуюсь на антропонимической базе и заменяя в именовании лица полуотчество, данные конструкции не обладали признаками имен собственных, сохраняли свойства синтаксически свободных словосочетаний. Именование при этом не утрачивало своей двукомпонентности, соответствуя формуле «личное имя + патроним (прозвание по отцу)». Ср.: Да к тои же церкви дер. Чесавино в споре с Васюком с *Сивковым сыном Востенского*, а подлинно та деревня с пашнею и с угоди, с оброком написано в Середцком стану в оброчных за Васюком за *Сивковым* до государева указу. [Кн. ст. УЖ 1567, 144].

По указанной модели могли производиться андронимы от именования мужа в целом: по закладной вдовы Софьицы *Денисковы жены Клишова* [Кн. писц. СВ 1645, л. 102], по купчей вдовы Василиски *Якимковы жены Короганова* [Кн. писц. СВ 1645, л. 16].

В официально-деловой речи XVI–XVII вв. достаточно часто опорным компонентом синтагмы мог выступать не термин родства /свойства, а непосредственно личное имя человека: *Жданко Коновалов – Васка Жданов Коновалова; Федка Григорьев Щапов – Поспелко Федоров Щапова* [Кн. писц. Уст. у. 1623, лл. 400, 469 об.]; *Зичко Федоров Силницына* [Кн. пер. Устьян. 1635, л. 11 об.]; *Кормилко Спиридонов Вавилова* [Кн. писц. СВ 1645, л. 418]; *Алешка Савинь Головина* [Росп. 1654, л. 10 об.].

в) *Сущ. (предмет обладания) + притяж. прил. (-овск-), образованное от личного имени посессора + другие компоненты именования посессора в форме род. пад.*

Данная конструкция в большей степени, чем другие, специализирована для именования объектов по бывшему владельцу, с характерной для него утратой значения прямого обладания и приобретением значения неотторжимой принадлежности, отношения объекта к его первому владельцу или создателю: *Д. Степановской Обелмина* был пуст и дан на оброк *Онтипке Яковлеву сыну Шишина* [Кн. ст. УЖ 1567, 148]; Месяца генваря в 15 день старец Стахия казначей продал мерин гнед *Молчановский Смолина*, денег принес 15 руб. [Кн. прих. Сп.-Прил. м. 1576, 294] Того же дни усольцу Ивану Яковлеву сыну Блинову продал *Иевлевскую килью Инокентьевскаго*, взял за нее 4 руб. денег [Кн. прих.

Сп.-Прил. м. 1576, 295]; в. Никифор Васильев прозвище Приезжей, пашни за ним полплуга, а порядился в землю Ефремовскую Иванова [ВХК I, 373]. в. Семейка Федоров, пашни четь плуга, а поряжен в Кузнецовскую землю Гришину [ВХК I, 374]. На морском берегу на Двинской стороне с слободки с Микитинские Сидорова у Гаврилка у Микитина с товарищи оброку с 7 дворов 7 алтын. [Кн. плат. Каргоп. у. 1555–1556, 288]; В Карго же поле дворы пустые, а на льготу их не взяли. На Красном посаде двор Ивановской Трапезникова, двор Маринской Петрушинской жены, двор Макарьевской Борасова, двор Игнашинской Возкова. В Пономареве улице по правой стороне ко всполью двор Спиркинской Попкова <...> двор Нечаевской Кожевников, двор Миткинской Еремина <...> д. Зычка Смертина, д. Петроковской Лобанина <...> д. Сенкинской Сметанина <...> д. Павликовской Климова <...> д. Тренкинской Оникиева <...> д. Степановской Трофимова [Кн. ст. Каргоп. 1561–1564, 295–296]; м<есто> дворовое пусто Бажъновское Сабелникова, Бажънко умеръ [Кн. писц. СВ 1645, л. 23]; да к посаду ж приписаны полянки усольцовъ посадцкихъ люди полянка Ивашевская Скороносова да Миткинская Хохлова да три полянки Морозовские [Кн. писц. СВ 1645, л. 43–43 об.] и др.

При купле-продаже новый владелец получал и все предыдущие купчие, закреплявшие за объектом имя первого владельца. Устойчивость данных номинаций определялась необходимостью точной идентификации индивидуальных объектов. Описательные посессивные конструкции указанного типа таким образом приобретали в официальном документе свойства ИС, обладали устойчивостью и воспроизводимостью, наряду с обычными топонимами: В той же волости у Турчасовского погоста за озером деревня Никольская и з двема полянками Ортемовскими Пономарева [Кн. плат. Каргоп. у. 1555–1556, 269]; С полянки Макаринские Олексеева оброку 10 денег [Кн. плат. Каргоп. у. 1555–1556, 287]; С пожни Ивановские Кузмина да с пожни с Петровские да у Соловецкого монастыря оброку 15 алтын [Кн. плат. Каргоп. у. 1555–1556, С. 287]; с пустошей Савинской да с Ермолинской у Матфеика Игнатеева оброку 10 денег. [Кн. плат. Каргоп. у. 1555–1556, 288].

Вместе с тем данные номинации сохраняли и посессивное значение, определяющее возможность их замены синонимичными предикативными конструкциями. Ср.: Да в Прилуцкой волости пожня по речке Кярнешке, что бывала за Федосеиком за Федоровым, а ныне та пожня з государевыми крестьяны з Данилком Митусовым да с Томилом Кохновым соловецкая вопче [Кн. доз. Кар-

гоп. XVI в., 153]. Да к той же половине двору на оброке ж полови-
на мельницы, *что была Борисовская Ермолина* на речке на Во-
роже <...> а *преж того была на оброце ж за Бориском за Ермо-*
линым [Кн. ст. УЖ 1567, 148]; с *пожен*, что <...> и за Пушко озер-
ком, и на дву ручях на Сенных, и на Пашковском озерке, и около
Пушковского озера *Ивановские Косова* под Парандиною горою на
Золотице ж реке, а *бывали те пожни Григоря Никитина с това-*
рыщи, у золотичан ж у *Васюка* да у *Тереха* у *Поповых* оброку
2 гривны [Кн. плат. Каргоп. у. 1555–1556, 288].

Характер синтаксически свободной атрибутивной конструкции
проявляется и в способности ее выступать в одном ряду с другой
дескриптивной номинацией с посессивным значением, например
собственно генитивным сочетанием: Д. Ляпуна Батюшкова, что
был, по прежнему писму, *Куземки Судокова*... Д. Васка Михайлова
сына Кривошеина, что был *Ларикинской Ермолина*... Д. Кондрат-
ков Давыдова Усатого, что был *Захарковской Ларина* [Кн. ст. УЖ
1567, 147]; Места дворовые пустые, а на льготу их не взяли ж.
<...> *Пятницкою улицею* по правой стороне ко *всполью м. Яки-*
мовское Долгоумово, *Михалка Верещагина место*. Тоуж улицею
по другую сторону со *всполья* в *посад м. Тимохи Коровина*, *м. Не-*
стеровское Пивоварова <...> [Кн. ст. Каргоп. 1561–1564, 296].

Единые двухкомпонентные дескриптивные номинации, обра-
зованные по данной посессивной модели, встречаются в север-
норусской ойконимии: *Дер. Ивановская Бодунова* [Сотн. Каргоп. у.
1561–1562, 332]; *Дер. Федоровская Косина* [Сотн. Каргоп. у. 1561–
1562, 333]; да на Волосове *под Кузьминскою деревнею Гришина*
[Сотн. Каргоп. у. 1561–1562, 334]. Они существенно отличаются от
двойных (вариантных) названий деревень, употребляемых, как
правило, в конструкциях с уточнением: *Дер. Гоголевская*, а *Оле-*
хова то ж; *Дер. Шатовская*, а *Тураевская то ж*; *Дер. Грехновская*
<...>, а *словет Федоровская* [Кн. доз. Каргоп. XVI в., 139].

По указанной модели регулярно производились посессивные
синтагмы с опорным названием лица с релятивной семантикой.
Термины свойства чаще всего являются опорным элементом
именований вдов по бывшему мужу: вдова *Петровская жена Го-*
рохова [Кн. писц УВ 1623–1626, 201]. По сложившимся нормам
официального именования, требовавшим называть лицо по име-
ни, описательные андронимы употреблялись в аппозитивных со-
четаниях с личным именем: *гостиной сотни торгового человека*
Никифоровская бывшая женишко Ревякина Матронка Внифанть-
ева дочь [АХУ II, 975; АХУ III, 281]; по купчей вдовы Оленки *Семе-*

новские жены Забелина; по купчей Марфицы Денисовские жены портново мастера; д. пусть вдовы Матренки Юрьевские жены Вахонина; м. было вдовы Федосьицы Пятовские жены Орефина [Кн. писц. СВ 1645, лл. 11 об., 27 об., 39, 44]. Ср. с генитивным сочетанием: на сватью свою на Марью Федорову дочь, а *Стефана Короля бывшую жену* [АХУ III, 1633, 146]. В старорусском языке отсутствовали специальные средства для номинации женщин по их отношению к мужу. Об этом свидетельствует активное использование описательных речевых номинаций, создаваемых по регулярным синтаксическим моделям. Прозвищные («уличные») андронимы на *-иха*, проникавшие в документы XVI–XVII вв. из разговорно-обиходной речи [Чайкина 1994: 72–73], языком деловой сферы приняты не были.

Рассмотрение старорусских именовании лица и их компонентов в ряду функционально и типологически близких им посессивных синтагм позволяет говорить о том, что маргинальность ИС в системе старорусского языка – явление кажущееся. В данный период развития языковой системы не существовало строгой границы, разделяющей проприальную и апеллятивную лексику. Наличие в русском языке имен собственных с посессивным значением свидетельствует о семантической негомогенности онимов.

В языке рассматриваемого периода уже сформировались и выделились полуотчества и фамилии – конкретнореферентные идентифицирующие знаки. Имена собственные рассмотренных типов, несмотря на свою специфику, образовывались по регулярным моделям с посессивными значениями, свойственными языку в целом. Полуотчества и фамилии различались не только посессивной семантикой, но и способностью к самостоятельной номинации лица или группы людей. Патронимы сохраняли функциональную близость притяжательным формам в атрибутивных сочетаниях слов. Большинство официальных патронимов XVI–XVII вв. не было вычленено из ряда посессивных конструкций и не осознавалось составителями документов как самостоятельная языковая категория. В отличие от полуотчеств, фамилии были не способны к замене атрибутивными конструкциями. С функционально-семантической точки зрения старорусские фамилии относились к периферии поля посессивности с характерным для них тяготением к выходу за пределы категории, обусловленным не характеризующей, а идентифицирующей функцией данных слов. Вместе с тем именованья, включающие фамилию, стремились к сохранению посессивной семантики, которая эксплицировалась

генитивными конструкциями с фамилиями на -ых/-их. Ср.: Ивашко Иванов *Масляных* [Кн. пер. Устьян. 1635, л. 38 об.], Тимошка Васильивъ сынъ *Масляной* [Кн. крест. Устьян. 1682, л. 21 об.]; Сухонского Черного стану крестьянинъ Фетка Ларионовъ сынъ *Ивониныхъ* ... подалъ сию явку Сухонского стану крестьянинъ Федоръ Ларионовъ *Ивонинъ* [АХУ III, 1662, 322–323] и др.

Рассмотренный материал позволяет делать вывод об ономастике официальной сферы как особой стилистически маркированной системе средств именования индивидуальных объектов, имеющей свои закономерности и тенденции развития. Антропонимия и топонимия, употреблявшиеся в обиходно бытовой речи, трансформируются в ней по устойчивым моделям и чаще всего представлены конструкциями, отвечающими задачам конкретного документа. Большинство созданных таким образом дескриптивных речевых номинаций носит искусственный характер. Дескриптивные номинации, выполняющие в именовании идентификационную функцию, выражают отношения свойственные конструкциям со значением индивидуальной принадлежности и с формально-типологической точки зрения стоят в одном ряду с номинациями различных объектов по их принадлежности или другому посессивному отношению к конкретному лицу.

ЛИТЕРАТУРА

Азарх 1980 – Азарх Ю.С. Апеллятивный и ономастический словообразовательные типы // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980. С.137–144.

Бондарко – Бондарко А.В. Посессивность: Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.

Ефремова – Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996.

Журинская М.А. – Журинская М.А. Именные посессивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности // Категории бытия и обладания. М., 1997.

Зинин 1972 – Зинин С.И. К вопросу о природе фамилиеобразующих формантов русского языка // Актуальные проблемы русского словообразования / Материалы респ. науч. конф. Самарканд, 1972. С. 165–168.

Зинин 1994 – Зинин С.И. Русские отчества // Русская ономастика и ономастика России. М., 1994. С. 191.

Королева И.А. – Королева И.А. Происхождение фамилий и отчеств на Руси. Смоленск, 1999.

Мароевич 1989 – *Мароевич Р.* К реконструкции праславянской системы посессивных категорий и посессивных производных // *Этимология.* 1986–1987. М., 1989.

Мароевич 1981 – *Мароевич Р.* Оппозиция определенных и неопределенных форм притяжательных прилагательных (К вопросу о природе имен типа *Vševjloža* в древнерусском языке) // *Вопросы языкознания.* 1981. № 5.

Мароевич 1993 – *Мароевич Р.* Патронимы в системе категорий принадлежности древнерусского языка // *ОЛА. Материалы и исследования.* 1988–1990. М., 1993, с. 103–116.

Палагина В.В. – *Палагина В.В.* К вопросу о локальности русских антропонимов конца XVI–XVII вв. // *Вопросы русского языка и его говоров.* Томск, 1968. С.83–92.

Пахомова – *Пахомова С.Н.* Русские составные личные именованья донационального периода. Автореф. канд. дисс. Одесса, 1984.

Тупиков Н.М. – *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903. С. 78.

Унбегаун 1977 – *Унбегаун Б.О.* Отчества на *-ич* и их отношение к русским фамилиям // *Исследования по славянскому языкознанию.* М., 1977.

Чайкина 1987 – *Чайкина Ю.И.* География словообразовательных топонимических моделей Русского Севера (На материале ойконимии Вологодской области) // *Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии.* Вологда, 1987.

Чайкина 1994 – *Чайкина Ю.И.* Женские имена // *Русская ономастика и ономастика России.* М., 1994. С. 66–74.

Чинчлей – *Чинчлей К. Г.* Поле посессивности и посессивные ситуации // *Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность.* СПб., 1996.

Чичагов В.К. – *Чичагов В.К.* Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959. С. 39–40.

Источники

А. Уст. 2, 1678 – *Шляпин В.П.* Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря. Ч.2. В.Устюг, 1913.

АХУ I–III – Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч.I: РИБ, Т.12; Ч.II: РИБ, Т.14; Ч.III: РИБ, Т.25. СПб, 1890–1908.

ВХК I – Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1600 гг. / Под ред. А.Г. Манькова. М.; Л., 1979.

Гробов 1671 – «Устюга Великого посадского человека Гробова съ товарищи роспись, кто имянно взяты в солдаты...1671 г.» // РГАДА, ф.137.Устюг Великий, №191.

Деловая Кеврол. у. 1618 – Материалы по истории землевладения о землепользовании черносошных крестьян Кеврольского уезда XVI–XVII вв. (Публикация Н.П. Воскобойниковой) // *Северный археографиче-*

ский сборник. Вып. IV. Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР. Вологда, 1979.

Кн. венечн. Вол. 1654 – Книга для записи бракосочетавшихся в 1654 г. // ГАВО, ф. 496, оп. 1, ед. хр. 2.

Кн. венечн. Лям. XVII в. – Книга для записи пошлин, собираемых за венчание, кон. XVII в. // ГАВО, ф. 883, оп. 1, ед. хр. 88.

Кн. доз. Вол. у. 1589–1590 – Переписная дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589–1590 гг. (Подготовлена к печати Н.И. Федышиным) // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972.

Кн. доз. Каргоп. XVI в. – Вотчинная дозорная книга («обёжная») старца Капитона на владения Соловецкого монастыря в Турчасовском стане Каргопольского уезда (подготовлена Ю.С. Васильевым) // Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере (Дооктябрьский период). Вологда, 1985.

Кн. крест. Уст. 1645 – Крестоприводная книга жителей Устюга и Устюжского уезда 1645 г. // РГАДА, ф. 137. Устюг Великий, № 68.

Кн. крест. Устьян. 1682 – Крестоприводная книга Устьянских волостей 1682 г. // РГАДА, ф. 137. Устьянские волости, № 3.

Кн. пер. Л. 1678 – Переписная книга Лальского посада 1678 г. // Сборник материалов для истории города Лальска Вологодской губернии. Сост. И. Пономарев. Т. 1. с 1570 по 1800 год. В. Устюг, 1897.

Кн. пер. УВ 1677 – Переписная книга Устюжского уезда 1677–78 гг. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 15047.

Кн. пер. Устьян. 1635 – Подлинная переписная книга дворов и людей черных деревень в волостях Шангале, Соденгской, Ростовской, Чадромской, Пежемской, Чушевицкой и Никольской переписи Дмитрия Михайловича Овцына 1635–36 гг. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 15038.

Кн. писц. СВ 1645 – Соль Вычегодская. Книга писцовая письма и меры Богдана Приклонского да дьяка Марка Баженова, 1645 г. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 447.

Кн. писц. УВ 1623–1626 – Писцовая книга Устюга Великого 1623–26 гг. // Бысть на Устюзе. Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993.

Кн. писц. УВ 1677 – Писцовая книга Устюга Великого 1676 – 1683 гг. // Устюг Великий. Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М., 1883.

Кн. писц. Уст. у. 1623 – Писцовая книга Устюжского уезда 1623–26 гг. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 506, 507.

Кн. плат. Каргоп. у. 1555–1556 – Платежная книга Каргопольского уезда, составленная около 1560 г. по книгам письма Якова Сабурова и Ивана Кутузова 1555–1556 гг. // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972.

Кн. прих.-расх. Унск. пр. 1597 – Приходо-расходная книга Унского промысла 1597 г. // Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1600 гг. / Под ред. А.Г. Манькова. М.; Л., 1979.

Кн. прих.-расх. Холмог. торго 1598 – Приходо-расходная книга Холмогорского торго 1598 // Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1600 гг. / Под ред. А.Г. Манькова. М.–Л., 1979.

Кн. прих. Сп.-Прил. м. 1576 – Приходная книга Спасо-Прилуцкого монастыря 1576 г. // Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1600 гг. / Под ред. А.Г. Манькова. М.; Л., 1979.

Кн. ст. Каргоп. 1561–1564 – Сотная из книг Н.Г. Яхонтова на город Каргополь 1561–1564 гг. // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972.

Кн. ст. УВ 1557 – Сотная с книг письма Ю.И.Александрова-Самсонова на вотчину ростовского архиепископа в Устюжском уезде 1556–1557гг. // РГАДА, ф. 1206, оп. 1, № 28.

Кн. ст. УЖ 1567 – Сотная из книг И.И. Плещеева и Григория Зубатова Никитина сына Беспятого на посад Устюжны Железнопольской 1567 г. // Социально-правовое положение северного крестьянства (Досоветский период). Вологда, 1981.

Кн. там. УВ 1751–1752 – Книга записи осмотров товаров и припасов Великоустюгской таможней (январь 1751–январь 1752) // ВУФ ГАВО, ф. 604, оп. 1, ед. хр. 17.

НКМ 1604–1605 – Приходные «сенные» книги Николаево-Коряжемского монастыря // ВОКМ, ф. 4, оп. 1, № 12, л. 6.

Росп. 1654 – Именные росписи даточных солдат 1654–69 гг. // РГАДА, ф. 137. Устюг Великий, № 109.

Росп.1660 – «Выборная» книга солдат из крестьян 1660 г. // РГАДА, ф. 137. Устюг Великий, № 135, № 136.

Сотн. Каргоп. у. 1561–1562 гг. – Сотные на волости Каргопольского уезда 1561–1562 гг. (Подготовлены к печати Ю.С. Васильевым) // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972.

**ЖЕНСКИЕ КАЛЕНДАРНЫЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА
НА РУССКОМ СЕВЕРЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII–XVIII вв.**

В современной русистике с наибольшей полнотой и последовательностью исследована история мужских личных имен как календарных, так и некалендарных. К женским именам обращались немногие ученые. обстоятельная работа по этому вопросу (как и по многим другим в русской антропонимике) опубликована В.А. Никоновым [Никонов 1971]. В ней он анализирует женские личные имена XVIII в. на территории центрального региона России. Значительную ценность имеют работы В.Д. Бондалетова, применившего количественно-качественный метод при анализе именника г. Пензы за ряд столетий [Бондалетов 1973, 1976, 1983]. Ряд интересных сведений о женских именах содержится в статьях Е.Н. Баклановой и Н.Н. Парфеновой [Бакланова 1971, Парфенова 1994]. В некоторых исследованиях рассматривается вопрос о формулах именования женщин в Северо-Восточной Руси в XVII–XVIII вв. [Наумова 1997, Чайкина 1994].

Настоящая работа посвящена анализу динамики женских личных имен в городах Русского Севера – Вологде, Великом Устюге, Устюжне Железопольской второй половины XVII–XVIII вв. Материалом послужили переписные книги этих городов*.

Начнем с рассмотрения женских личных имен второй половины XVII в. в переписных книгах Вологды (1678 г.) и Устюга Велико-го (1676–83 гг.). Речь пойдет только о календарных женских личных именах, поскольку некалендарные не отмечены. Имена выступают в форме полуимен (модификатов) с суффиксами –иц(а) и –к(а): *Ефросиньца, Натальица, Лукерьица, Ульянка, Пелагейка* и др.

* Переписная книга г. Вологды 1678 г. – РГАДА, ф. 1209, ед. хр. 14741; Книга переписная г. Вологды переписи и меры И. Шестакова и В. Пикина 1711 г. – ГАВО, ф. 2р, ед. хр. 7874; Книга переписная Великого Устюга 1676–1683 гг. // Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М., 1883; Третья ревизия по г. Устюгу Великому 1765 г. // Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М., 1883; Н.И. Баландин, В.П. Червяков. Переписная книга Устюжны Железопольской 1717 г. (РГАДА, ф. 350, д. 437, № 643) // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970.

Известно, что в документах массовой переписи населения XVIII в. (писцовых, переписных книгах) на Руси отмечены именованные владельцев дворов, т. е. по большей части мужчин и редко – женщин, вступавших после смерти мужа во владение двором, т.е. женщин-вдов. Естественно, что в источниках XVII в. перечень женских личных имен далеко не полный, но и он, однако, дает возможность выявить некоторые особенности женского именника.

Представим частотность женских личных имен (первую десятку) в Вологде (1678 г.) и Устюге Великом (1676–83 гг.) в виде таблицы. Здесь же, в третьей части, отметим частотность упоминания женских имен святых в православном календаре – святцах [ПЦК, 70–73]. Известно, что ранее ребенок получал имя святого или святой, празднование которого совпадало с днем рождения ребенка.

Вологда	Великий Устюг	Святцы
Марьица – 18	Анница – 17	Марья – 16
Анница – 17	Марьица – 12	Анна – 14
Улитка – 11	Овдотьица – 6	Ульяна – 12
Матренка – 10	Маринка – 6	Ефросинья – 9
Пелагейка – 10	Ульянка – 5	Евдокия – 6
Марфица – 9	Ксеньица – 5	Марфа – 7
Устиньица – 8	Ефросиньица – 4	Настасья – 5
Варварка – 8	Агрипенка – 4	Анфиса – 5
Овдотьица – 7	Иринка – 4	Матрена – 5
Парасковьица – 7	Матренка – 4	Фекла – 5

Как видно, самыми частотными именами в том и другом городе являлись Мария и Анна. В Вологде они были самыми активными и в первой половине XVIII в. [Наумова 1997: 584]. Их активность в два-три раза превышала частотность следующих за ними распространенных личных имен: Вологда – Улитка (11), Матренка (10), Палагейка (10), Марфица (9), Устиньица (8), Варварка (8), Федотьица (7), Натальица (7) и др.; Великий Устюг – Овдотьица (6), Маринка (6), Ульянка (5), Ксеньица (5), Ефросиньица (4), Агрипенка (4), Матренка (4) и др.

Меньшую степень активности в Вологде имели имена Маврица (2), Василиска (3), Маланьица (2), Еленка (3), Евлампьица (4), Киликьица (2), Агрофеница (2), Фетиньица (2), единичны – Агашка, Стефанидка, Феонка, Софьица, Зиновьица, Макридка, Антонида, Пестелиньица и др.; в Великом Устюге – Феклица (3), Палагейка (3), Федорка (3), Офимьица (3), единичны – Ок-

синьца, Маврушка, Натальца, Капильница, Лукерьяца, Татьяна, Агафьяца, Дарьца, Василиска, Соломонея и др.

Подсчеты убеждают в том, что репертуар женских личных имен в Великом Устюге был более разнообразен, поскольку на 115 устюжанок приходилось 43 имени (СКО – 2,5), в Вологде же на 225 горожанок – 57 личных имен (СКО – 4)*.

Сопоставление первой десятки самых активных женских имен Вологды и Великого Устюга второй половины XVII в. с частотностью упоминаемых имен в святцах дает возможность установить причину активности не только имен *Анна* и *Мария*, но и некоторых других, поскольку в переписных книгах Вологды, например, 5 личных имен (*Марья, Анна, Ульяна, Ефросинья, Авдотья, Матрена*), как и в святцах, оказались в десятке самых частых.

В то же время большинство личных имен незначительной степени активности в переписных книгах Вологды и Великого Устюга единичны и в православном календаре. К числу их относятся *Маланья, Евлампия, Киликья, Агрофена, Феона, Зиновия, Стефанида, Макрина, Епистимия, Аксинья, Наталья, Татьяна, Дарья, Соломония* и др. [ПЦК, с. 70–73].

Как видно, выбор личного имени в тот период был во многом связан с крепкими устоями на Русском Севере православной религии.

Обратимся к переписным книгам начала XVII в. – Вологды (1711 г.) и Устюжны Железнопольской (1713 г.). Третья Ревизия городского населения Великого Устюга относится к более позднему времени (1765 г.), поэтому рассмотрим личные имена устюжанок этого времени после анализа документов Вологды и Устюжны.

В переписных книгах Вологды и Устюжны начала XVIII в. представлены уже полные формы имен всех жителей, мужчин и женщин, независимо от их возраста и социального положения. Материалы этих книг дадут возможность сделать более объективные выводы.

Представим частотность женских личных имен начала XVIII в. в виде таблицы (имена, носителями которых является свыше 10 женщин).

* Деление числа именуемых на количество имен дает средний коэффициент одноименности (СКО). В.Д. Бондалетов. Русский именник, его состав, статистическая структура и особенности изменения // Ономастика и норма. М., 1976. С. 12–46. См. также: В.Д. Бондалетов. Русская ономастика. М., 1983. С. 80.

Вологда (1711 г.)	Устюжна Железопольская (1713 г.)
Анна – 70	Авдотья – 102
Авдотья – 50	Парасковья – 72
Ульяна, Пелагия – 44	Анна – 68
Ирина – 43	Марья – 59
Марья – 37	Марфа – 55
Евфимья – 33	Ирина (Орина) – 45
Парасковья, Матрена – 28	Татьяна – 40
Дарья – 27	Василиса, Ангелина, Матрена – 35
Федора – 26	Катерина, Аксинья, Наталья – 34
Наталья – 25	Федосья – 31
Елена (Олена), Каптелина, Ксения – 22	Афимья (Ефимья) – 21
Марфа – 20	Пелагея, Федора, Маланья – 24
Татьяна, Федосья, Агриппина – 19	Агрофена – 23
Фекла, Варвара – 13	Устинья, Настасья – 22
Мавра, Акулина, Василиса, Улита – 12	Степанида – 20
Степанида, Оксинья, Соломея – 11	Елена (Алена) – 18
Устинья – 10	Лукерья, Ефросинья – 13
	Марина – 11

К более редким именам (от 8 до 2) относились в Вологде – *Маремьянка, Анисья, Епистимея, Марина, Ненила, Васса, Агафья, Гликерья, Евлампия, Домна, Маланья, Елисавета, Полинарья, Феодулия, Александра, Макрида, Вера, Зиновья*; в Устюжне – *Маремьяна, Фекла, Анисья, Варвара, Улита, Февронья, Мавра, Домна*. Единичными являлись: в Вологде – *Фетинья, Любовь, Сигклида, Февронья, Евгений, Домника, Таусия, Евпраксия* и др.; в Устюжне – *Епистимья, Зиновья, Елисавет (Алисафья), Хавронья, Александра, Ненила* и др.

Репертуар женских личных имен в Устюжне Железопольской был уже, нежели в Вологде. В Вологде 890 горожанок носило 58 личных имен (СКО – 16), в Устюжне 1038 жительниц города имело 42 личных имени (СКО – 25). Именник Вологды представлен был рядом имен, отсутствующих в Устюжне. Приведем некоторые: *Каптелина, Агафья, Гликерья, Феодулия, Макрида, Вера, Фетинья, Егения, Епраксия* и др. Более широкий репертуар женских имен в Вологде объясняется, видимо, географическим и экономическим положением города, большей близостью к центру Российского государства, нахождением на важном торговом Северном речном пути, соединявшем центр России с Сибирью и зарубежными странами. Несколько столетий Вологда была перевалочным пунктом, где торговые люди разных уездов делали остановку. Устюжна располагалась несколько в стороне, хотя тоже была значительным экономическим центром.

Судя по таблице, наибольшую активность в Вологде имели имена *Анна* и *Авдотья*, в Устюжне – *Авдотья* и *Парасковья*. Кроме того, сохранили былую активность в Вологде – *Ульяна* (44), *Марья* (37), *Ефросинья* (33), *Парасковья* (28), *Матрена* (28), в Устюжне – *Анна* (68), *Марья* (59), *Марфа* (55), т.е. имена наиболее частые в православном календаре.

Показательно, что они являются наиболее активными и среди монашеских имен. В списке монахинь устюженского Новодевичьего Благовещенского монастыря имя *Марфа* носили 5 монахинь, *Анна* – 2, *Таисия* – 3, *Пелагея* – 2, *Ульяна* – 3. Единичными были *Феодора*, *Ирина*, *Ираида*, *Мавра*, *Катерина* и др. [ПК Уст. 1713 г.].

Как отмечают исследователи, эти имена в XVIII в. наиболее частые почти на всей территории России. По словам В.А. Никонова, в центральном регионе России в составе десяти наиболее частых имен *Авдотья*, *Анна*, *Парасковья*, *Арина*, *Матрена*, *Марья*; преобладают также *Дарья*, *Екатерина*, *Ксения*, *Марфа* [Никонов 1971: 128]. По данным переписных книг Тобольска, в XVIII в. к числу наиболее распространенных имен относились *Анна*, *Марья*, *Едокия*, *Парасковья*, *Матрена*, *Марфа*, *Ирина*, *Екатерина*, *Пелагея* [Парфенова 1994: 378]. По подсчетам В.Д. Бондалетова, в середине XVIII в. в Пензе наиболее частыми были имена *Анна* (46), *Евдокия* (52), *Марья* (40), *Парасковья* (36), *Пелагея* (29) [Бондалетов 1983: 116].

Однообразный репертуар активных личных имен приводил к повторяемости их в одной семье. В том случае, когда одно и то же имя имели мать и дочь, дочери разного возраста и т. д. – это в какой-то степени не могло не затруднять общение. Приведем примеры из переписной книги Устюжны (1713 г.): Во дворе бобыль Леонтей Иванов с. Болтунов 42-х... у него же сестры, *Дарья* 23-х, *Авдотья* 17-ти, *Авдотья* 9-ти лет [ПК Уст., с. 226]; Во дворе п.ч. Назарей Анкиндинов с. Серебренников 70-ти... у него 4 сына *Клим* 49-ти, у него жена *Агрофена* 47, у них дочь *Авдотья* году... *Гаврило* 42-ух, у него жена *Анисья* 32-х, у них дочь *Авдотья* году, *Назарей* 32-ух, у него жена *Авдотья* [ПК Уст., 224]; Во дворе п.ч. *Михайло* да *Петр Никифоровы* дети *Шишкина*... *Михайло*... 52-ух, у него жена *Алена* 52-ух, у него дети *Андрей* 12-ти, дочери *Анна* 17-ти, *Анна* же 13-ти [ПК Уст., с. 235] и т. д.

Такая одноименность не могла не привести к активизации имен, ранее бывших в святцах редкими или даже единичными. Этому обстоятельству способствовало и то, что в православных календарях женские имена встречаются далеко не каждый день.

В этом случае священнослужитель обычно давал новорожденной имя святой, празднование которой ближе всего стояло к дню рождения ребенка.

Указание на возраст возле каждого имени в переписной книге Устюжны Железопольской 1713 г. позволяет проследить динамику личных женских имен в этом городе в первой половине XVIII в. С одной стороны, родители продолжают именовать девочек самыми активными на Русском Севере именами: мода на них сохранилась. На первом месте имя *Парасковья*, оно было дано 13 девочкам в возрасте от 1 года до 6 лет (4, 4, 1, 5, 5, 2, 4, 4, 6, 5, 2, 3), имя *Анна* было дано 10-ти девочкам (1, 6, 2, 8, 7, 1, 1, 5, 6, 6), имя *Авдотья* имели 8 девочек (5, 1, 5, 1, 7, 7, 1, 3), имя *Марья* – 6 (5, 9, 3, 5, 1, 4). С другой стороны возрастает активность иных личных имен в Устюжне – *Ирина* (*Арина*), *Наталья*, *Афросинья*, *Татьяна*, *Катерина* и др. Незначительной остается активность *Пелагея* – только 3 девочки, *Аксинья* – 2, *Маланья* – 2, *Марфа* – 3, *Степанида* – 3 и др. Зафиксированы имена *Елисавета* и *Александра*.

В Вологде активизируются имена *Ирина* (*Арина*), *Федора*, *Наталья*, *Елена*, *Татьяна*, *Каптелина*, *Ксения*, *Дарья* и др.

Несомненный интерес с точки зрения исторической антропологии представляют данные 3-ей ревизии (1765 г.) по Вознесенской, Спасской и Пречистенской сотням г. Великого Устюга.

В пятерке самых активных женских личных имен отметим следующие: *Анна* (141), *Евдокия* (97), *Парасковья* (76), *Марфа* (59), *Марья* (67). Напомним, что в именнике Вологды 1711 г. на первом месте – *Анна*, на втором *Евдокия*, в именнике Устюжны Железопольской 1713 г. на первом месте *Авдотья*, на втором – *Парасковья*. Иными словами, и в XVIII в. активность всех этих имен на Русском Севере остается самой высокой.

Средняя степень активности наблюдается в Великом Устюге 1765 г. у имен *Екатерина* (44), *Матрена* (44), *Татьяна* (43), *Ирина* (41), *Пелагея* (39), *Наталья* (32), *Ефимья* (39), *Ульяна* (30) и др.

Редкими являются имена *Анисья* (2), *Устинья* (3), *Ефросинья* (2), *Домника* (3), *Софья*, *Мавра* (3), *Агапия* (1), *Лукия* (1), *Улита* (1), *Федора*, *Василиса* и др.

Поскольку в 3-й ревизии Великого Устюга также приводится возраст именуемых, можно сделать некоторые выводы о динамике женских личных имен во второй половине XVIII в. Некоторые самые частотные старые личные имена продолжают сохранять активность, так как ими именуются девочки в возрасте до 10 лет.

Всего именем Анна названы 141 женщина, из них 34 девочки, имя *Авдотья* имеют 97 женщин, из них 17 девочек, имя *Парасковья* у 76 женщин, из них 10 девочек. Имя *Марфа* имели 9 девочек, *Ирина* – 9, *Марья* – 8, *Екатерина* – 8, *Пелагея* – 8, *Татьяна* – 8, *Ефимья* – 6, *Ульяна* – 7 и др. Реже отмечены у девочек имена *Наталья* (3), *Федора* (3), *Ефимья* (6), *Матрена* (2), *Фекла* (2), *Фелицата* (1) и др. Зато стремительно поднялась активность ряда новых личных имен. Имя *Елисавета* дано 11 девочкам, причем в списке именуемых отсутствуют взрослые женщины, только девочки. 10 девочек получили имя *Александра*, взрослых женщин с таким именем не отмечено. Впервые у 2 девочек появилось имя *Надежда*.

Трудно сказать что-либо определенное о причинах активизации большинства имен. Выскажем мнение только по поводу частотности у девочек имени *Елизавета*. Полагаем, что она связана с влиянием имен царицы Елизаветы, дочери Петра I, правившей с 1741 по 1761 год. Имя *Елизавета* давалось девочкам или в последние годы ее царствования или сразу после кончины.

На материале женского именника Северной Руси XVIII в. можно подтвердить мысль В.А. Никонова о том, что имена других цариц (*Екатерины I* – 1725–1727 гг., *Анны Иоановны* – 1741 г., *Анны Леопольдовны* – 1741–1761 гг., *Екатерины II* – 1762–1796 гг.) очень незначительно повлияли на именник жительниц севернорусских городов [Никонов 1971: 133].

Как видно из анализа материала, в XVIII в., в начальный период формирования русского национального языка, в городах Русского Севера наряду со старыми частотными женскими личными именами активизируется целая группа имен, которые ранее были редкими или даже единичными (*Наталья*, *Катерина*, *Татьяна*, *Елена*, *Елизавета* и др.). Эти и некоторые другие имена сохранялись в русском именнике на протяжении XIX–XX вв. и являются одними из самых частотных и в настоящее время.

Процесс смены имен, по всей видимости, начинается в городах, поскольку одноименность в них была более значительной.

ЛИТЕРАТУРА

Бакланова 1971 – Бакланова Е.Н. Переписные книги 1678 и 1717 гг. по Вологодскому уезду как ономастический источник // Этнография имен. М., 1971.

Бондалетов 1973 – *Бондалетов В.Д.* Женские личные имена в конце XIX в. // Ономастика Поволжья. III. Уфа, 1973.

Бондалетов 1976 – *Бондалетов В.Д.* Русский именник, его состав, статистическая структура и особенности описания // Ономастика и норма. М., 1976.

Бондалетов 1983 – *Бондалетов В.Д.* Русская ономастика. М., 1983.

Наумова 1997 – *Наумова Е.В.* Именование жительниц г. Вологды в переписных книгах XVII–XVIII вв. // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997.

Никонов 1971 – *Никонов В.А.* Женские имена в России XVIII в. // Этнография имен. М., 1971.

Парфенова 1994 – *Парфенова Н.Н.* Историческая антропонимика как характеристика положения русской женщины (по данным деловой письменности Зауралья XVI–XVIII вв.) // Женщина и свобода: Пути выбора в мире традиций и перемен. Материалы международной конференции. М., 1994.

Чайкина 1994 – *Чайкина Ю.И.* Женские имена // Русская ономастика и ономастика России. М., 1994.

Сокращения

ПЦК – Православный церковный календарь.

ПК Уст. – Переписная книга Устюжны Железопольской 1713 г.

ПК Вол. – Переписная книга Вологды 1711 г.

ДЕРИВАЦИЯ МУЖСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЁН В ВОЛОГОДСКИХ ПАМЯТНИКАХ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ КОНЦА XVI–XVII ВЕКОВ

Антропонимическая система XVI–XVII вв. представлена большим количеством номинативных вариантов полных личных имён*.

Целью данной статьи является рассмотрение способов образования номинативных вариантов календарных и некалендарных личных имён: *несловообразовательных* (фонетико-морфологических) и *словообразовательных* (собственно деривация).

Несловообразовательные способы образования номинативных вариантов характеризуют исключительно календарный именник.

В процессе фонетической и морфологической адаптации христианских имен в русском языке возникли неканонические формы христианских личных имен. Вопрос о бытовании в русском антропонимиконе прошлых эпох канонических и неканонических форм христианских личных имен связан с вопросом о формировании официальной (литературной, светской, документальной) формы календарных личных имен.

В XVI–XVII вв. существовали две канонические традиции употребления форм христианских имен: великорусская (Московской Руси) и юго-западная (Литовской Руси), различие которых проявлялось прежде всего в акцентологическом аспекте: ю.-з. Тѣмофей – рус. Тимóфей [Успенский 1969: 181]. В результате церковных реформ XVII в. русские формы календарных имен стали заменяться формами южнославянскими (формами юго-западного извода церковнославянского языка), орфография имен значительно усложнилась. Но в народе продолжали употребляться те формы календарных имен, которые были уже хорошо освоены русским языком. В дальнейшем литературная (официальная) форма христианских личных имен формировалась под влиянием, с одной стороны, норм церковнославянского и новогреческого языка, с другой – народных (разговорных) форм [Успенский 1969: 31].

* Вариант имени – видоизменение имени или любого элемента его структуры в различных языковых ситуациях [Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., переработ. и дополн. М.: Наука, 1988. С. 43].

Установлено, что 82,0 % исследуемого календарного именника подвергнуто изменениям, вызванным фонетико-мофологическими особенностями русского именника.

Как следствие произошедших в прошлом фонетических изменений можно обнаружить преобразования качественного характера в составе имен.

1. Замена греческого звука [ф] русскими звуками: *Матвей* < *Матфей*, *Вахромей* < *Варфоломей*, *Сопрон* < *Софроний*, ср. посадский человек *Варфоломѣй* Анцифоровъ с. Щепетнякинъ [КПВ 1678: 123] и помещик *Вахрамей* Прокофьевъ с. Воронов [ПМКВу 1686: 121].

2. Изменения, связанные с действием фонетических норм русского языка и его говоров (переход инициального [je] в [o]; переход [э] в [o] в середине слова; чередования звуков [o] и [y]): *Овдоким* < *Евдоким*, *Парфѣн* < *Парфений*; *Кузьма* < *Козма* (*Косма*); ср. помещик *Евдоким* Федоровъ с. Моложениновъ [КПВу 1678, II: 309] и крестьянин *Овдокимко* Федоров [КПВу 1589: 174]; попъ *Парфеней* [ПКВ 1629: 17] и посадский человек *Парфѣнка* Калачник [ПКВ 1629: 136]; поп *Козма* [Челоб. 1689, САСК(С), № 166: 260] и крестьянин *Куземка* Самойловъ [ПОВу 1630, №7: 51].

3. Действие межслоговой ассимиляции гласных: *Гарасим* < *Герасим*, *Нестер* < *Нестор*; ср. посадские люди *Герасимко* Кузмин с. Рудин [КПВ 1678: 46] и *Гараска* Нестеровъ с. [КПВ 1678: 85].

4. Действие контактных и дистактных, прогрессивных и регрессивных ассимиляций и диссимиляций согласных: *Алистарх* < *Аристарх*, *Венедихт* < *Венедикт*, *Окатей* < *Акакий*; ср. дьякъ *Венедикт* Маховъ [Челоб. 1625, С-1, № 2: 6] и крестьянин *Венедихтко* Онтроповъ [ПОВу 1630, №2: 124].

5. Дизреза, метатеза и эпентеза согласных с целью избежать зияния гласных (*Ивона* < *Иона*, *Ивойло* < *Июиль*), устранить труднопроизносимые звуко сочетания (*Обросим* < *Амвросий*, *Оксѣн* < *Авксентий*, *Ефим*, *Елфим*, *Онфим* < *Евфимий*, *Костянтин* < *Константин*); ср. крестьяне *Родион* Филипьевъ с. [Челоб. 1629 – ГА-ВО, ф. 1260, оп. 11, № 1] и *Родивонъ* Осиповъ с. Сахаров [Поруч. 1611, ОСВ, вып. 6: 22]; дьякон *Сампсон* Титов [ПКВ 1629: 110] и крестьянин *Самсонко* Кондратьевъ [ПОВу 1630, № 12: 169].

Здесь же может быть рассмотрена потеря инициального безударного гласного: *Ларион* < *Иларион*, *Сидор* < *Исидор*, *Вар* < *Увар* (из *Уар*); ср. крестьянин *Ларион* Максимов [Поруч. 1616,

ОСВ, вып. 6: 24]; дьякъ *Сидоръ* Скворцов [Челоб. 1668, САСК(К), № 78: 146].

6. Гиперкоррекция именной формы, т.е. подлинная форма принимается за ошибочную: *Вукул* < *Вукол*, *Иев* < *Иов*, *Фрол* < *Флор*; ср. посадские люди *Флорко* Еремьевъ с. [КПВ 1678: 184] и *Фролка* Яковлев [ПКВ 1629: 108].

7. Действие народной этимологии: *Калина*, *Калинник* < *Каллиник*, *Крисан* < *Хрисанф*; ср. монах *Калинникъ* [Пам. 1685, САСК(С), № 149: 241] и крестьянин *Калинка* Мартынов с. [КПВу 1678, I: 310]; крестьяне *Хрисанко* Ананьинъ с. [КПВу 1678, VIII: 255] и *Крисанко* Миньевъ [Челоб. 1629 – ГАВО, ф. 1260, оп. 6, № 93].

С процессом морфологической адаптации иноязычных имен связано такое явление, как обнаружение в полной основе календарных личных имен формантов, сходных с русскими аффиксальными именными морфемами. Иными словами, происходило «осмысление конечных звуков календарных имен как суффиксов названий лиц» [Мирославская 1993: 76].

По подсчетам Ю.В. Алабугиной, «самым продуктивным способом возникновения морфологических вариантов полных календарных имен на территории Русского Севера является выравнивание по типу мужских личных имен на –ей (Сергей, Андрей и т. п.), ср.: Афиноген > Финадей, Иван > Иваней...» [Алабугина 1996: 94]. В наших источниках удалось зафиксировать имена: *Александр* > *Александрей*, ср. крестьянин *Александрейко* Остаевъ [КПВу 1678, III: 61]; *Иоакимф* > *Акинфей*, ср. *Акинфейко* Мартыновъ с. Будаевъ [КПВ 1678: 289] и некоторые другие. Осмысление именных формантов –ей; –ий (*Андрей*, *Василий*) как именных суффиксов приводило и к возникновению усеченных форм полного имени. Так возникает форма *Назар* при одновременно существующих *Назарей* и *Назари*, *Макар* (*Макарий* и *Макарей*), *Кондрат* (*Кондратий* и *Кондратей*), *Захар* (*Захарий* и *Захарей*), *Артем* (*Артемий* и *Артемей*) и т. п. Причем все три варианта полного календарного имени могли возникнуть и функционировать в различных сферах общения: *Макарий* и *Макария* – церковная сфера, ср. старецъ *Макария* Олтуевъ [КПВ 1678: 129]; *Макар* и *Макарей* – светская и просторечные формы, ср. *Макарка* свешник [ДКВ, 1616–1617: 357] и помещик *Макарей* Кисловский [ПОВу 1630, № 2: 85].

Осмысление конечного слога –ан как суффикса, образующего такие календарные имена, как *Митрофан*, *Степан*, *Феофан*, стало причиной присоединения неэтимологического –ан к именам *Луп*

> *Лупан*, ср. крестьянин *Лупанко* Тарасовъ [ПОВу 1630, №11: 63]; *Осип* (*Иосиф*) > *Осипан*, ср. крестьянин *Осипанко* Иванов [КПВу 1589: 146]; *Дий* > *Диян*, ср. помещик *Дъй* Матавтин [Порядн. 1695, ОСВ, вып.4: 23] и стрелец *Диян* Михъевъ [Челоб. 1667, ОСВ, вып.11: 126]. В некоторых именах конечный слог -он (*Конон*, *Тихон*) сближается с русской аффиксальной морфемой -ан (*Губан*, *Лобан*), что приводит к следующему написанию календарных имен: *Конон* > *Конан*, ср. посадский человек *Конанко* Осипов с. [КПВ 1678: 19]; *Симон* > *Симан*, ср. именование одного и того же лица в разных документах: *Симанъ* Трөвимовъ с. Швець [Челоб. 1690, САСК(С), №174: 270] и *Симонко* Трөвимовъ с. портного мастера [КПВ 1678: 190].

В целом календарные личные имена, зафиксированные в вологодских памятниках официально-деловой письменности конца XVI–XVII вв., по их отношению к каноническим формам не выходят за рамки общерусских процессов адаптации христианских имен. Отдельные изменения, произошедшие с полными формами календарных личных имен, многие ученые связывают с влиянием фонетико-морфологической системы северно-великорусских говоров [см. работы А.Н. Мирославской, В.А. Никонова, Ю.В. Алабугиной, Д.В. Семыкина и др.]

Анализ вологодских имен позволил выявить следующие особенности, обусловленные диалектной адаптацией иноязычных имен в севернорусских говорах: оканье (*Офонасей* < *Афанасий*, *Ондрейко* < *Андрей*); изменение конечных звуков -ий на -ей (*Василей* < *Василий*, *Григорей* < *Григорий*); одновременное или последовательное действие в именах нескольких процессов (*Окатей* < *Акакий*, *Онфим* < *Евфимий*). Кроме того, календарные личные имена на территории Вологодского уезда в XVII в. оказались подвержены фонетико-морфологическим изменениям, широко представленным в новгородских памятниках письменности. В первую очередь, это замена начального согласного [н'] на [м'] в имени *Николай* (*Микула*). В наших источниках формы *Микула* (*Микулка*), а также *Микита* < *Никита*, *Микифор* < *Никифор* зафиксированы в достаточно большом количестве во всех социальных слоях населения, ср.: крестьянин *Микулко* Иванов [КПВу 1589: 109], помещик *Микита* Трегубовъ [ПОВу 1630, №2: 200], поп *Микифор* [КПВу 1678, I: 432]. Во-вторых, замена конечного слога -он на -ан не только в безударном, но и в ударном слогах (*Тиханко* < *Тихон*). А.Н. Мирославская отмечала, что имена *Конон*, *Трифон*, *Симон* встречаются с гласным а в последнем слоге и в новгород-

ских кабальных книгах, и в таможенных книгах Устюга и Сольвычегодска: «Перед нами явление, убывающее с северо-запада на северо-восток» [Мирославская 1980: 157].

Словообразовательные способы образования номинативных вариантов (собственно деривация) были широко представлены как среди календарных, так и некалендарных личных имён.

Как известно, в результате словообразовательной адаптации основы заимствованных христианских имен оформлялись в соответствии со структурой русских имен, использовались уже имеющиеся в арсенале некалендарных личных имен типы, модели, способы словопроизводства и словообразующие средства, ср.: *Малец – Иванец, Десятка – Макарка, Пятунка – Петрунка, Первушка – Карпушка, Милютка – Осютка, Тюшляик – Карпик* и др.

В процессе развития русской исторической антропониими ученые по-разному определяли данные производные формы календарных и некалендарных личных имен: «бытовые варианты личных имен (полуимена)» [Сими́на 1970: 189]; «уменьшительно-ласкательные личные имена собственные» [Тагунова 1971: 81]; «формы со значением субъективной оценки – квалитативы» [Толкачев 1977: 76]; собственно «сокращенные» имена – *Гриша, Стеня* и «оценочные» имена – *Петрушка, Карпунка* [Заказчикова 1978; Данилина 1986]; «модификаты» [Смольников 1996: 46]; «деминутивная форма имени» [Королева 2000: 17].

А.Н. Мирославская, анализируя словообразовательную структуру русских календарных имен, говорит об употреблении двух разновидностей суффиксов: словообразующих суффиксов русского языка (т. е. суффиксов, которые в составе апеллятивной лексики образуют новые слова) и суффиксов субъективной оценки, которые, по мнению большинства лингвистов, являются не словообразующими, а формообразующими [Мирославская 1971: 47].

Словообразующие суффиксы русского языка (типа *-ак, -ук, -юк, -н(я), -ух(а)* и под.), присоединяясь к основам календарных имен, позволяли воспринимать их как названия лиц и осмысленно употреблять в качестве имен, причем в данном случае производные формы календарных имен были лишены какой-либо экспрессивной окраски.

К формам субъективной оценки календарных и некалендарных имен относятся образования с суффиксами *-к(о)/-к(а), -ец* и *-ик* в мужских именах, и *-к(а), -иц(а)* – в женских. «Примерно с XVI в. употребление их становится средством выражения в язы-

ковой форме сословной иерархии, в связи с чем они приобретают уничижительную окраску» [Мирославская 1971: 50].

Ю.С. Азарх, отмечая вторичность ономастического словообразовательного типа по отношению к апеллятивному с омонимичными суффиксами, подчеркивала особый характер ономастических формантов – их стремление к «семантическому нулю». Она не считала верным отнесение суффиксов *-к(о)/-к(а)*, *-ок*, *-ец*, *-иц*, указывающих на зависимое положение именуемого лица, к суффиксам, содержащим эмоционально-экспрессивную окрашенность. По ее мнению, «социальная окраска антропонимов не связана со стилистической окраской апеллятивов с омонимичными формантами. Социальная окраска антропонимов – явление вторичное, она возникает при наличии более чем одной ономастической модели с одинаковым разрядным значением» [Азарх 1981: 235].

Проанализировав данные точки зрения, приходим к выводу о том, что в отношении к производным формам календарных и некалендарных личных имен XVI–XVII вв. неправомерно употребление терминов «ласкательные», «уменьшительные» имена, «квалитативы».

Удачным представляется термин «модификаты»* личных имен, предложенный С.Н. Смольниковым для обозначения производных форм календарных личных имен. С.Н. Смольников отмечает, что модификация антропонимов являлась характерной чертой личных имен в XVII в., «модификаты были мотивированы личными именами и представляли собой их номинативные варианты» [Смольников 1996: 45].

По мере того как происходило закрепление официального статуса за полной формой личного имени, модификаты постепенно начинают исчезать из официальных документов. В XVIII в. почти все личные имена повсеместно фиксируются в полной форме, о чем свидетельствует, например, проведенный Д.В. Семыкиным сравнительный анализ крестьянских именников Чердынского и Вологодского уездов первой четверти XVIII в. [Семыкин 1998: 75].

Номинативные варианты (модификаты) личных имен создаются по деривационным моделям имен нарицательных: к основам (полным или сокращенным) личных имен присоединяются раз-

* Модификация – это такой способ образования номинативной единицы, при котором не меняется категориальный статус единицы и её отнесённость к конкретному антропонимическому денотату [Смольников 1996: 46].

личные аффиксы, омонимичные апеллятивным аффиксам с экспрессивным значением.

В основе предложенного в статье опыта анализа деривационных моделей номинативных вариантов личных имен лежит традиционный принцип цельности и отсутствия цельности производящей основы. Вслед за А.И. Толкачевым используются термины *полная* и *сокращенная* основы [Толкачев 1977: 79]. При анализе сокращенных основ учитывается их фонетическое оформление: консонантные сокращенные основы (*Пер-ша*, *Зин-я*) и вокалические (*Гри-ша*, *Тре-ня*).

Образование номинативных вариантов некалендарных личных имен рассматривается параллельно модификации имен календарных, т.к. применительно к антропонимической системе XVII в. можно говорить о взаимовлиянии деривационных типов и моделей этих видов антропонимических единиц.

В процессе анализа устанавливается ступенчатый характер модификации календарных и некалендарных личных имен: рассматривается *первичная* модификация личных имен на базе полной или сокращенной основы исходного имени (*Гаврил* > *Гавря*, *Нечай* > *Неча*) и *вторичная* модификация, когда к основам модификатов первой ступени присоединяются новые аффиксы (*Гавря* > *Гаврик*, *Неча* > *Нечка*).

I. Аффиксация на базе полных именных основ

1. Первичная модификация

В создании первичных модификатов как календарных, так и некалендарных личных имен продуктивны одни и те же суффиксы:

1. -К(О)/-К(А): *Зиновейко* < *Зиновей*, ср.: крестьянин *Зиновейко* Яковлевъ [ПОВу 1630, №6: 50]; *Степанко* < *Степан*, ср.: пономарь *Степанко* Михайлов [ПКВ 1629: 126] и др. *Баженко* < *Бажен*, ср.: посадский человек *Баженко* Ларионовъ с. Лагуновъ [ПКВ 1629: 64]; *Беляйко* < *Беляй*, ср.: крестьянин *Беляйко* Антонов [КПВу 1589: 41]; *Рудачко* < *Рудак*, ср.: крестьянин *Рудачко* Прокофьевъ [Челоб. 1652, САСК(С), № 33: 49] и др.

2. -УШ(КА)/-ЮШ(КА): *Ильюш(ка)* < *Илья*, ср.: посадский человек *Ильюшка* Дементьевъ с. Лясъ [КПВ 1678: 293]; *Карпуш(ко)* < *Карп*, ср.: крестьянин *Карпушко* Степанов [КПВу 1589: 121]. *Первуша* < *Первой*, ср.: посадский человек *Первуша* Леонтьев [ПКВ 1629: 114]; крестьянин *Первуша* Харитонов [Сотн. 1589: 179];

Вторуш(ка) < Второй, ср.: посадский человек Вторушка Кодовин [ПКВ 1629: 37].

3. -УН(КА): *Карпунка < Карп, ср.: крестьянин Карпунка Никитинъ [ПОВу 1630, № 4, 47]. Пятунка < Пятой, ср. крестьянин Пятунка Карповъ [ПОВу, 1630, № 1: 13].*

4. -ИК: *Ивойлик < Ивойло (прост. от Ивоиль или Иов), ср.: посадский человек Ивойлик Матвѣвъ [ПКВ 1629: 24]; Маноилик < Маноил (Мануил), ср.: посадский человек Маноилик Степанов с. Шапочника [ДКВ 1616–1617: 143].*

5. -ИЩЕ (только в составе модификатов календарных личных имен священнослужителей): *Прохорище < Прохор, ср.: поп Прохорище [Челоб. 1629, ОСВ, вып.1: 1]; Деонисьище < Деонисий, ср.: чернец Деонисьище [Челоб., 1662, ОСВ, вып.7: 30] и др.*

Остальные модификаты календарных и некалендарных личных имен образованы с помощью непродуктивных суффиксов на базе полных именных основ: -ОК: *Нестерок < Нестер (Нестор), ср.: крестьянин Нестерок Мартьянов [КПВу 1589: 14]; Сидорок < Сидор, ср.: посадский человек Сидорок Микитин с. Неклюдов [ПКВ 1629: 29]; Новичок < Новик*, ср.: «Новичок казак наняли в монастырь слугою» [Кн. расх., Сп.-Прил. м. 1582, XVI: 24]; -ЕЦ: *Одинец < Один, ср.: крестьянин Одинец Иванов [КПВу 1589: 61]; Иванец < Иван, ср.: писец Иванецъ Дмитриев [Каб. 1595, САСК(К), № 176]; -ИШК: Абрамишка < Абрам, ср.: дьяк Абрамишка Марковъ [Поруч. 1664, САСК(С), № 60: 124]; -ИС: *Иванис < Иван, ср.: Иванис Ивановъ с. Гнѣвашевъ [Челоб. 1627, С–І, № 4: 60].***

На базе патронимов реконструированы следующие модификаты от полной основы календарного личного имени с непродуктивными суффиксами: -ИГ(А): **Петрига < Петр, ср.: Ивашка Патракиев, с. Петригин [Челоб. 1667, ОСВ, вып. 8: 31]; -УК(А) – *Первука < Первой, ср.: Кирсанко Первукин [Челоб. 1628, С–І, № 11: 173].*

2. Вторичная модификация

Как вторичная суффиксация от основ модификатов, которые, в свою очередь, возникли на базе полных основ личных имен, может быть рассмотрена деривация антропонимов типа *Карпунка*, *Первунка* и *Карпушка*, *Первушка*, *Гневашко*, *Лукашка*. Сначала к полной основе личного имени присоединяется суффикс -УН(Я)/-УШ(А); -АШ(А) (первичная модификация): *Карпуна*, *Первуна*, *Кар-*

* Возможна онимизация: *Новичок < новичок.*

пуша, *Первуша, Гневаш, Лукаша*. Затем к данным формам присоединяется суффикс -К(О)/-К(А) (вторичная модификация): *Карпунка, Первунка, Карпушка, Первушка, Гневашка, Лукашка*.

Модификаты типа *Первуня, Карпуша* в наших источниках обнаруживаются в единичных случаях, включая их реконструкцию на базе патронимов, ср. **Левуша* < *Лев*, ср.: крестьянин Мишка *Левушин* [КПВу 1589: 15]. Номинативные варианты с данными суффиксами редко встречаются и в составе модификатов, созданных на базе сокращенных именных основ, ср.: крестьянин *Митюша* Родионов [Сотн. 1589: 180].

При изучении памятников письменности других территорий XV–XVI вв. (А.Н. Мирославской, В.И. Тагуновой и др.) рассматриваются модификаты на базе полных или сокращенных именных основ с суффиксами -УШ(А), -УН(Я), -АШ. Возможно, в XVII в. в антропонимической системе появляется тенденция к созданию сложных антропоформантов -УШК(А), -УНК(А), -АШК(А). Ряд ученых, изучающих антропонимию письменных памятников XVII в. (С.И. Зинин, Т.А. Закачкиова, Н.В. Данилина и др.), считали приемлемыми обе трактовки деривации данных форм имен: последовательная суффиксация (-УШ + -К(А) и т.п.) и сложные антропоформанты (-УШК(А) и т.п.).

II. Аффиксация на базе сокращенных именных основ

1. Первичная модификация

От консонантных сокращенных именных основ модификаты личных имён создаются с помощью следующих суффиксов:

1. Синкретичная слово- и формообразовательная морфема -А/-Я [Закачкиова 1978: 138]: *Зиня* < *Зиновий*, ср.: крестьянин *Зиня* Василев [КПВу 1589: 15]; *Сема* < *Семен*, ср.: крестьянин *Сема* Ивановъ [Челоб. 1625, С–І, № 2: 9] и др. *Володя* < *Володимер*, ср.: *Володя* Бѣляевъ [Челоб. 1625, С–І, № 2: 14] и *Поздя* < *Поздей*, ср.: крестьянин *Поздя* Никитин [Челоб. 1625, С–І, № 2: 9].

2. -Ш(А): *Конша* < *Константин*, *Конон*, ср.: крестьянин *Конша* Григорев [КПВу 1589: 59]; *Перша* < *Перфурей* (прост. от *Порфирий*), ср.: крестьянин *Перша* Прокофьев с. [КПВу1678, І: 38].

3. -ЮШ(А): *Ортюша* < *Ортем*, ср.: крестьянин *Ортюша* Леонтьев [Сотн. 1589: 180].

4. -УН(Я): *Селуня* < *Селиван*, ср.: крестьянин *Селуня* Осипов с. [КПВу1678, І: 320]; **Вахруня* < *Вахрамей* (прост. от *Варфоломей*), ср.: крестьянин Митка *Вахрунин* [КПВу 1589: 42]; **Прокуня* < *Прокофий*, *Прокл*, ср.: крестьянин *Шадра Прокунин* [КПВу 1589: 9].

5. -УХ(А)/-ЮХ(А): *Инюха < Иннокентий*, ср.: крестьянин *Инюха* Козлов [КПВу 1589: 131]; *Труха < Трифон*, ср.: крестьянин *Труха* Андриев с. [Каб. 1581, САСК(К), № 173].

6. -АК, -АК(А): *Семак < Семен*, ср.: крестьянин *Семак* Истомин [КПВу 1589: 15]; *Ивака < Иван*, ср.: крестьянин *Ивака* Прохоров [КПВу 1589: 89].

7. -ЫК(А): *Созыка < Созонт*, ср.: крестьянин *Созыка* Лукин [КПВу 1589: 130].

8. -Х(А): *Терех < Терентий*, ср.: крестьяне *Терех* Давыдов и *Терех* Онтонов [Сотн. 1589: 181]; *Тимоха < Тимофей*, ср.: крестьянин *Тимоха* Онфилофеев с. [Сотн. 1589: 180].

От вокалических сокращённых именных основ модификаты личных имён создаются с помощью следующих суффиксов:

1. -Н(Я): *Митроня < Митрофан*, ср. крестьянин *Митроня* Петровъ [Челоб. 1625, С-І, №2: 9]; *Останя < Остафей*, *Остал* (прост. от *Евстафий*), ср.: крестьянин *Останя* Еремиевъ [Челоб. 1625, С-І, №2: 9]. *Треня < Третей*, *Третьяк*, ср.: крестьянин *Евтихейко* Володимиров с. прозвище *Треня* [КПВу1678, І: 421 об.]*.

2. -Ш(А): *Гриша < Григорий*, ср.: крестьянин *Гриша* Павлов [КПВу 1589: 88]; *Елеша < Елисей*, *Алексей*, ср.: крестьянин *Елеша* Григоров с. [КПВу1678, І: 311] и др.

Речь идет о двух омонимичных суффиксах -Ш(А). Первый, более древний по происхождению, участвует в создании модификатов календарных личных имен от сокращенных основ на согласный. Подобные модификаты широко представлены в русских народных говорах. Ср. также современные ойконимы Вологодской области: д. *Коншино* Вологодского района [ВО: 115], д. *Паршино* Грязовецкого района [ВО: 155] и др.

Вероятно, в какой-то период времени от одного и того же имени модификаты с помощью суффикса -Ш(А) могли создаваться как от сокращенной основы на согласный, так и от сокращенной основы на гласный, ср.: *Обакша < Обакум (Аввакум)* – крестьянин *Обакша* Тарасов [КПВу 1588: 107] и *Обашко < Обаша < Обакум* – бобыль *Обашко* Павловъ [ПОВу 1630, № 11: 64]. В современном русском литературном языке образование модификатов личных имен с суффиксом -Ш(А) отмечено только от сокращенных основ

* А.И. Толкачев отмечал крайнюю редкость сокращенных некалендарных личных имен на -А/-Я в древнерусской антропонимии. Вероятно, и в антропонимической системе XVI–XVII вв. модификаты -А/-Я, -Н(-Я) относились к непродуктивным словообразовательным типам.

на гласный, причем данная модель относится к числу наиболее активных в современной антропосистеме [Данилина 1969: 159; Суперанская 1969: 137].

Модификаты некалендарных личных имен от сокращенных основ на гласный с суффиксом -Ш(А) принципиально возможны, ср.: *Богдашка* < *Богдаша* < *Богдан* – каменщик *Богдашка* Григорьев [ПКВ 1629: 136]; *Трешка* < *Треша* < *Третьей* – сырейщик *Трешка* Пахорик [ПКВ 1629: 161]; но в наших источниках не зафиксированы. Ср. также название деревни *Мстишино* Вологодского района [ВО: 104]: *Мстиша* < *Мстислав*, где с помощью суффикса -Ш(А) модификат произведен от первой основы композита.

3. На основе патронимов реконструированы модификаты календарных личных имен с суффиксами -Д(Я) и -ХН(О) /-ХН(Е), которые к XVII в. давно уже утратили свою продуктивность: **Гридя* < *Григорий*, ср.: крестьянин Тимошка *Гридин* [КПВу 1589: 15]; ср. также название деревни *Гридино* в Грязовецком районе Вологодской области [ВО: 170]; **Юхно* < *Ефим*; возможно, *Юрий*, ср.: посадский человек Дениска *Юхнов* [ДКВ 1616–1617, 364]; *Вахне* < *Василий*; ср.: деревня *Вахнево* Вологодского района [ВО: 120].

Суффиксы -АК(А), -ХН(О), будучи новгородскими по своему происхождению [Мирославская 1980: 156], свидетельствуют о былой миграции ильменских славян на территорию Вологодского края.

Отдельно следует рассмотреть формы с продуктивным суффиксом -К(О) /-К(А). Оказывается сложным вопрос о характере производящей базы, к которой присоединяется данный суффикс в случае образования модификатов от сокращенных именных основ.

Некоторые модификаты некалендарных личных имен образованы по следующей модели «сокращенная именная основа на согласный + суффикс -К(А)»: *Нечка* < *Нечай*, ср.: крестьянин Зиновей а прозвище *Нечка* [Кн. окл. Сп.-Прил. м. 1598: 384]; *Грязка* < *Грязной*, ср.: каменщик *Грязка* Васильев с. Огрызков [ПКВ, 1629: 113]; *Шумка* < *Шумило*, ср.: крестьянин *Шумка* Иванов [КПВу 1589: 95] и др. Кроме того, в одном случае суффикс -К(А) присоединяется к сокращенной именной основе, оканчивающейся на гласный звук: *Трека* < *Третий*, *Третьяк*, ср.: Ивашко *Трека* [ДКВ 1616–1617: 354].

Что касается модификатов календарных личных имен, построенных по этой же модели, то многие из них создаются через ступень «сокращенная именная основа + синкретичная морфема -А/-Я», т.е. суффикс -К(А) присоединяется в результате вторичной

модификации: *Афонка* < *Афоня* < *Афанасий*, ср.: крестьянин *Афонка* Титов с. [КПВу 1678, I: 307]; *Васка* < *Вася* < *Василий*, ср.: пономарь *Васка* Прокофьев [ПОВу 1630, № 1: 3].

В связи с этим можно предположить существование таких форм некалендарных личных имен, как *Неча* (от *Нечай*), *Смиря* (от *Смирной*) и т.п. Присоединение к ним суффикса -К(А) являлось также результатом вторичной модификации: *Нечка* < *Неча* < *Нечай*. Но следует отметить, что «промежуточные звенья» данных словообразовательных цепочек редко встречаются в документах конца XVI–XVII вв, поэтому возникают трудности при их реконструкции, ср.: *Гурка* < *Гуря?* < *Гурий* – *Гурка* Иосифов [Челоб. 1662, ОСВ, вып. 7: 20]; *Садка* < *Садя?* < *Садокей* – крестьянин *Садка* Пантелеев с. [КПВу 1678, I: 374] и т.п.

А.И. Толкачев обращал внимание на то, что и в более ранних памятниках «до нас дошло гораздо больше суффиксальных образований (нежели типа *Володя*) от разных основ: *Мирошко*, *Станило*, *Милята*, *Ярьць* и т.п.», в связи с чем ученый допускал предположение, что «именно суффиксальные качественные древнерусских дохристианских имен вызвали к жизни аналогичные образования от заимствованных греческих имен, а в последних выделились в результате обобщения конкретных суффиксальных образований их сокращенные производящие основы. Эти основы были двух типов: 1) с твердым конечным согласным без флексии (*Спиридь*); 2) с мягким (реже твердым) согласным и с конечным -а (*Федя*, *Костя*, *Грига*)» [Толкачев 1975: 117].

Вероятно, в антропонимии XVII в. модификация календарных и некалендарных личных имен происходила не только по сходным деривационным моделям, но во многих случаях модификаты некалендарных личных имен создавались уже по типу модификатов имен календарных. По аналогии с деривационным типом модификатов календарных личных имен *Степан* > *Степа* > *Степка* появились модификаты некалендарных личных имен: *Нечай* > *Неча* > *Нечка*.

2. Вторичная модификация

Самым продуктивным, как и при модификации от полных основ личных имен, является суффикс -К(А)/-К(О). Он присоединяется к первичным модификатам на:

1. -Н(Я): *Галанка* < *Галаня* < *Галактион*, ср.: посадский человек *Галанка* Фефилатов [ДКВ 1616–1617: 358]; *Оленка* < *Оленя* < *Олександр*, *Олексей*, ср.: крестьянин *Оленка* Михайлов [ПОВу

1630, № 1, 14]. *Тренка* < *Треня* < *Третьяк*, ср.: молотчей *Тренка* Воробей [ДКВ 1616–1617: 346]; *Тренька*, казак [Кн. расх. 1582, XVI: 24].

2. -Ш(А): *Алешка* < *Алеша* < *Алексей*, ср.: крестьянин *Алешка* Обрамовъ [ПОВу 1630, № 8: 52]; *Гришка* < *Гриша* < *Григорий*, ср.: Гришка Ивановъ с. Беловецково [Челоб. 1630, С–I, № 26: 433]; *Ерошка* < *Ероша* < *Ерофей*, ср.: посадский человек *Ерошка* Ивановъ с. Суботинъ [КПВ 1678: 137].

Вновь следует отметить, что не все промежуточные формы на -Ш(А) удастся зафиксировать по вологодским памятникам официально-деловой письменности, но они либо отмечались другими исследователями по письменным источникам других территорий страны, либо могут быть восстановлены по данным ойконимии современной Вологодской области. Так, например, самое большое число модификатов с суффиксами -Ш + -К(А) имеет календарное личное имя *Иван*, ср. *Ивашко* Григорьевъ, россылщикъ [ПКВ 1629: 98], однако формы *Иваша* или *Иваш* в наших источниках не встретились. Тем не менее о существовании подобных форм в деловой письменности XVI–XVII вв. мы можем судить по результатам исследований, проведенных А.Н. Мирославской [Мирославская 1955], Т.А. Заказчиковой [Заказчикова 1978] и другими учеными.

О наличии модификатов *Иваша* (*Иваш*) в живой речи вологжан прошлых столетий свидетельствует современная фамилия *Ивашовы*, ср. также название деревни *Ивашево* Нефедовского сельсовета Вологодского района [ВО: 120].

3. -УШ(А)/-ЮШ(А): *Андрюшка* < *Андрюша* < *Андрей*, ср.: пономарь *Андрюшка* Максимовъ с. [КПВ 1678: 243]; *Якушка* < *Якуша* < *Яков*, ср.: площадной подъячий *Якушка* Алексѣевъ [Поступн. зап. 1673, ОСВ, вып.4: 14].

4. -УН(Я)/-ЮН(Я): *Ярунко* < *Яруня* < *Ярило*, *Ярослав*, ср.: крестьянин *Ярунко* Дементьев [КПВу 1589: 43]; *Овдюнка* < *Овдюня* < *Овдей*, ср.: крестьянин *Овдюнка* Васильевъ [Челоб. 1610, С–I, № 23: 23].

5. -УТ(А)/-ЮТ(А): *Полутка* < *Полута* < *Полиект*, ср. крестьянин *Полутка* Василев [КПВу 1589: 132]; *Осютка* < *Осюта* < *Осип*, ср.: крестьянин *Осютка* Осипов [КПВу 1589: 41].

На основе патронимов были реконструированы также следующие вторичные модификаты от сокращенных имен на -А/-Я: **Гаврик* < *Гавря* < *Гаврила*, ср.: крестьянин Володка *Гавриковъ* [Челоб. 1681, ОСВ, вып.12: 69]; **Мичура* < *Митя* < *Дмитрий*, ср.: посадский человек *Тренка* *Мичурин* [ПКВ 1629: 34]; **Митюк* <

Митя < Дмитрий, ср.: посадский человек Жданко *Митюков* [ДКВ 1616–1617: 368]; **Федча < Федя < Федор*, ср.: посадский человек Ондрюшка *Фетчин* [ДКВ 1616–1617: 367]; ср. также название деревни *Ванчино* Сидоровского сельсовета Грязовецкого района [ВО: 170].

От сокращенных имен на -Ш(А) реконструированы модификаты: *Паршюк < Парша < Парфен, Парамон*, ср.: крестьянин *Паршюк* Дементьев [КПВу 1589: 146]; **Олешута < Олеша < Олексей*, ср.: каменщик Малафейка *Олешутин* [ПКВ 1629: 122]; ср.: также название деревни *Пашиково* Воробьевского сельсовета Сокольского района [ВО: 244]; *Пашик < Паша < Павел*.

От сокращенного имени на -Х(А): **Ивахта < Иваха < Иван*, ср.: крестьянин Васка *Ивахтин* [КПВу 1589: 38].

3. Модификация третьей ступени

Суффикс -К(О)/-К(А), являющийся наиболее продуктивным в деривации модификатов личных имен, мог присоединяться к основе вторичных модификатов, образуя в данном случае модификаты третьей ступени.

Модификаты третьей ступени отмечены в составе календарных личных имен, при этом в качестве производящих баз используются основы модификатов второй ступени с суффиксами: -УШ(А)/-ЮШ(А): *Кирюшка < Кирюша < Киря < Кирилл*, ср.: посадский человек *Кирюшка* Ивановъ с. Поповъ [КПВ 1678: 77]; *Федюшка < Федюша < Федя < Федор*, ср.: крестьянин *Федюшка* Иванов [Сп. пр.-расх. 1665, САСК(К), № 65: 132] и др.; а также с суффиксами -УН(Я)/-ЮН(Я): *Евстюнка < Евстюня < Евтя < Евтихий*, ср.: крестьянин *Евстюнка* Кондратьев с. [КПВу 1678, I: 420]; *Костюнка < Костюня < Костя < Константин* – крестьянин *Костюнка* Харламов [Челоб. 1629, ГАВО, ф. 1260, оп. 10, № 49].

В результате изучения фонетико-морфологической и словообразовательной структуры личных имён вологжан в конце XVI–XVII веков приходим к следующему выводу.

В XVII в. продолжается активный процесс освоения календарных личных имен. Неканонические формы имен значительно преобладают над каноническими, из чего можно заключить, что формирование будущей официальной (документной) формы имени в большой мере испытывало влияние живой речи.

Специфика модификации личных имен в XVII в. состоит в том, что данный процесс в рассматриваемый период имел двусторонний характер. С одной стороны, модификаты календарных личных имен продолжают использовать деривационные типы и модели

исконно русских имен, с другой – некалендарные личные имена, сохранившиеся к XVII в. в незначительном количестве, создают словообразовательные номинативные варианты своих полных форм по новым деривационным моделям календарных имен, ср. *Неча < Нечка < Нечай*.

В течение всего XVII в. сохраняют продуктивность общерусские антропонимические форманты: -К(О)/-К(А); -Ш(КА); -УШ(КА)/-ЮШ(КА); -УН(КА)/-ЮН(КА); -Н(КА). Их продуктивность в значительной степени определяется жанром документа (социальная дифференциация полных и модифицированных форм личных имен в писцовых и переписных книгах; особый стиль челобитных грамот). В связи со стилистической окраской данных форм имен начинает развиваться их эмоционально-экспрессивная окраска, которая в последующие периоды развития русской антропонимической системы надолго закрепится в неофициальном употреблении за формами типа *Ивашка, Петрушка*.

Непродуктивные антропоформанты относятся либо к исчезающим деривационным моделям (-УТ(А)/-ЮТ(А); -АК(А); -Х(А); -Д(Я); -ХН(О); -ИК; -ЫШ), либо к формирующимся новым в истории языка (-Ш(А); -А/ -Я; -Н(Я)).

Отдельные аффиксы, относящиеся к непродуктивным деривационным моделям, обнаруживают наличие локальной окраски (например, антропоформанты новгородского происхождения). Их анализ позволяет сделать вывод о былых миграциях населения на территории Русского Севера.

ЛИТЕРАТУРА

Азарх 1981 – Азарх Ю.С. Данные ономастики как источник исторической диалектологии (на материале русского именного словообразования) // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. М., 1981. С.221–242.

Алабугина 1996 – Алабугина Ю.В. Календарное имя в севернорусских говорах // Ономастика и диалектная лексика: Сб. науч.трудов. Екатеринбург, 1996. С.91–96.

Данилина 1969 – Данилина Е.Ф. Категория ласкательности в личных именах и вопрос о так называемых «сокращенных» формах имен в русском языке // Ономастика. М.: Наука, 1969. С.149–161.

Данилина 1986 – Данилина Н.В. Нижегородская антропонимия XIV–XVII веков: Дис. ...канд. филол. наук. Горький, 1986.

Заказчикова 1978 – Заказчикова Т.А. Русская антропонимия XVI–XVII вв. (на материале памятников деловой письменности): Дис. ...канд. филол. наук. Пенза, 1978.

Зинин 1969 – *Зинин С.И.* Русская антропонимия XVII–XVIII веков (на материале переписных книг городов): Дис. ...канд.филол. наук. Ташкент, 1969.

Королева 2000 – *Королева И.А.* Становление русской антропонимической системы: Авт. реф. дис. ...докт. филол. наук. М., 2000.

Мирославская 1955 – *Мирославская А.Н.* Собственные имена в «Новгородских записных кабальных книгах 100–104 и 111 годов»: Дис. ...канд. филол. наук. Калининград, 1955.

Мирославская 1971 – *Мирославская А.Н.* Особенности словообразовательной структуры русских календарных имен // Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький, 1971. С.47–51.

Мирославская 1980 – *Мирославская А.Н.* Диалектизмы в антропонимах (на материале памятников письменности XVI–XVII вв.) // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда: ВГПИ, 1980. С.154–160.

Мирославская 1993 – *Мирославская А.Н.* Морфологическая характеристика имен календарных и некалендарных XV–XVII вв. // Российский этнограф. Ономастика. Ч. 2. М., 1993. С.71–78.

Семыкин 1998 – *Семыкин Д.В.* Сравнительный анализ крестьянских именников Чердынского и Вологодского уездов I четверти XVIII века // Проблемы русской лексикологии и лексикографии: Тезисы докладов межвузовской научной конференции 13–15 октября 1998 года. Вологда: «Русь», 1998. С.74–76.

Сими́на 1970 – *Сими́на Г.Я.* Бытовые варианты личных имен // Антропонимика / Под ред. В.А. Никонова, А.В. Суперанской. М., 1970. С.189–194.

Смольников 1996 – *Смольников С.Н.* Антропонимическая система верхнего Подвинья в XVII в. (на материалах памятников местной деловой письменности) / Дис. ...канд. филол. наук. Вологда: ВГПУ, 1996.

Суперанская 1969 – *Суперанская А.В.* Структура имени собственного. Фонология и морфология. М.: Наука, 1969.

Тагунова 1971 – *Тагунова В.И.* Категория уменьшительности и ласкательности в диалектной антропонимии // Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький, 1971. С.281–284.

Толкачев 1975 – *Толкачев А.И.* К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. // Этимология 1973. М.: Наука, 1975.

Толкачев 1977 – *Толкачев А.И.* К истории словообразования форм со значением субъективной оценки... // Историческая ономастика. М.: Наука, 1977. С.72–130.

Успенский 1969 – *Успенский Б.А.* Из истории русских канонических имен (история ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам). М., 1969.

Принятые сокращения

ВО – Вологодская область. Административно-территориальное деление на 1 янв. 1979 года. Северо-Зап. кн.изд 1974.

ВФ – Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии: Этимологический словарь. Вологда: ВГПИ, 1995.

ГАВО – Государственный архив Вологодской области.

ДКВ – Дозорная книга Вологды князя П.Б. Волконского и подьячего А. Софонова. 1616–1617 г. (Публикация Ю.С. Васильева) // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. I. Вологда: Русь, 1994.

Каб. – кабала.

Кн. окл. – Книга окладная Спасо-Прилуцкого монастыря // Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1600 гг. // Под ред. доктора историч. наук А.Г. Манькова. М.; Л., 1979.

КПВ – Книга переписная г. Вологды 1678 года стольника Петра Голохвастова и подьячего Ивана Саблина. – РГАДА, ф. 1209, ед. хр. 14741.

КПВу 1589 – Переписная дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589–1590 гг. (Подготовлена к печати Н.И. Федышиным) // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы. Вып. II. Вологда, 1972.

КПВу 1678 – Книга переписная Вологодского уезда 1678 года стольника Петра Голохвастова и подьячего Ивана Саблина Заозерские половины поместные. – РГАДА, ф. 1209, ед. хр. 14733 (Кн. I), 14740 (кн. VIII), 14734 (кн. II), 14735 (кн. III).

ОСВ – Описание свитков Вологодского Епархиального Древнехранилища. Вып. I–XVIII. Вологда, 1899–1917.

Пам. – Память.

ПКВ – Список с писцовой книги г. Вологды 1629 года // Источники по истории Вологды. Вып. I. Вологда, 1904.

ПМКВу, 1686 – Писцовая и межевая книга князя Осипа Федоровича Борятинского 1686 года. – РГАДА, ф. 1209, ед. хр. К 14743, л. 1–259.

ПОВу – Писцовое описание Вологодского уезда 1630 года // Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. Вып. II. Петроград, 1918.

Поруч. – Поручная.

Поряdn. – Порядная.

САСК(К) – Колычев А.А. Сборник актов Северного края XVII в. Вологда, 1927.

САСК(С) – Суворов Н. Сборник актов Северного края XVII в. Вологда, 1925.

С–I – Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. Вып. I. СПб., 1906.

Сотн. 1589 – Сотная на дворцовое село Турунтаево Вологодского уезда 1588–1589 гг. (Подготовлена к печати Ю.С. Васильевым) // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы. Вып. II. Вологда, 1972.

Челоб. – Челобитная.

ФАМИЛИИ ВОЛОГДЫ НАЧАЛА XVIII ВЕКА

Исследование фамилий является одной из актуальных проблем современной антропониимики.

Затрагивая проблему формирования фамилий, В.Д. Бондалетов писал: «Вопрос о времени возникновения фамилий, их признаках (обязателен ли такой признак для фамилии, как ее наследование?), методика определения фамилий, в частности, отграничения их от внешне сходных с ними отчеств и дедичеств (названий по деду) – один из сложнейших в русской ономастике» [Бондалетов 1983: 66].

С необходимостью разграничения прозвищ, прозваний и фамилий приходится сталкиваться каждому исследователю антропониими того или иного периода. С.И. Зинин отмечает: «Обычно не проводят разницы между *прозвищем* и *прозванием*, между *прозванием* и *фамилией*. Между тем *прозвания* более строго и однообразно морфологически оформлены, чем *прозвища*, и определяют имя семьи, рода. Несмотря на общность функции, *прозвания* не могли переходить по наследству, а распространялись на лиц одной семьи в пределах одного поколения, чем принципиально отличались от *фамилий*. Но достаточно было *прозванию* перейти на именование лиц второго, третьего и последующих поколений, как оно становилось *фамилией*» [Зинин 1970: 25].

Проблемой изучения фамилий занимались такие ученые, как Н.М. Тупиков, А.М. Селищев, В.К. Чичагов, О.Н. Трубачев, В.А. Никонов, С.И. Зинин, Ю.И. Чайкина, А.В. Суперанская, Е.Н. Полякова, И.М. Ганжина, Н.Н. Парфенова и др.

Русские фамилии появились позже других именовании людей (имен, отчеств, прозвищ) и складывались на протяжении многих веков [Полякова 1997: 3]. В.А. Никонов уточняет: становление фамилий как антропониимической категории растянулось в России на шесть столетий [Никонов 1970: 91].

По вопросу времени образования фамилий для разных слоев населения в антропониимике существуют разные мнения. Так, например, В.К. Чичагов полагает, что «процесс образования фамилий в русском литературном языке к началу XVIII века закончился» [Чичагов 1959: 124]. Большинство же антропониимистов говорят о позднем образовании фамилий (А.М. Селищев, С.И. Зинин, В.А. Никонов, Г.Я. Сими́на, Л.М. Щетинин и др.). Так, В.А. Никонов

считает, что к началу XVIII в. завершилось становление фамилий только для привилегированных слоев населения [Никонов 1967: 38]: для князей, бояр, дворян и меньшинства горожан, то есть ничтожной доли населения страны [Никонов 1970: 91]. Того же мнения придерживается и С.И. Зинин, считая, что «в XVII–XVIII вв. основная масса крестьян и бедных горожан была бесфамильной» [Зинин 1969: 15].

Поднимая вопрос о статусе третьего компонента именования горожан в Вологде начала XVIII века, обратимся к данным Переписной книги Вологды 1711 года (далее – ПК Вол.).

Такие особенности Переписной книги Вологды, как именование полными формулами не только владельцев объектов описания, но и их родственников, а также включение в статью формулы именования предыдущего землевладельца, во-первых, представляют именник города намного шире, чем в других городах, во-вторых, позволяют не только собрать статистические данные по именнику данного города начала XVIII века, но и дать анализ антропонимии в диахронии: в период со второй половины XVII века до начала XVIII века.

При анализе богатого антропонимического материала вологодского источника выявляются единичные факты, свидетельствующие о том, что антропонимическая система еще не совсем устоялась, например:

а) Один и тот же человек в разных статьях может именоваться как с помощью фамильного прозвища, так и с помощью фамилии: *Двор п.ч. Никифора Яковлева сына Куска* [ПК Вол.: л. 189] – *Двор п.ч. Никифора Яковлева сына Кускова* [ПК Вол.: л. 193 об.]; *владеют ... по поступной же Семена Матфеева сына Красильника* [ПК Вол.: л. 11] – *владеет по закладной кабале п.ч. Семена Матвеева сына Красильникова* [ПК Вол.: л. 11].

б) Родственники изредка, но могут иметь разные фамилии: *М.о. порозжее п.ч. Михайла Анофриева сына Аргунова ... дал деду ево Ждану Михайлову сыну Нефедову* [ПК Вол.: л. 64 об.].

в) Фамилии родственников могут иметь не одинаковые, а сходные основы: *Двор п.ч. Ивана Герасимова сына Дьяконова ... владеет по купчей братьей своих града Вологды с посаду церкви Димитрия Чудотворца, что на Наволоке, дьякона Дмитрея Герасимова да п.ч. Якима Герасимова сына Дьякова* [ПК Вол.: л. 160 об.]. Причем в другой статье тот же Яким Герасимов (Герасимов) имеет уже фамилию **Дьяконов**: *Двор п. людей Якима Герасимова да Василия Дмитриева Дьяконовых* [ПК Вол.: л. 161].

г) Фамилии родственников могут оформляться с помощью разных суффиксов: *Двор отставного солдата Григорья Игнатьева сына Величкова ... По скаске брата ево Луки Величкина* [ПК Вол.: л. 91 об.].

Неустойчивость третьих компонентов именования отмечается исследователями и в письменных памятниках других городов (такие факты, например, Н.Н. Парфенова, считает типичными [Парфенова 1993: 91]). Однако, в отличие от данных других территорий, факты морфологического варьирования вологодских фамилий единичны. Большинство же данных показывает, что фамилии городского населения в Вологде имеют сложившуюся морфологическую структуру и становятся уже устойчивым компонентом имени, выполняя функцию родового именования (фамилии). Так, в Переписной книге Вологды 1711 года зафиксированы случаи, когда одну фамилию имеют не только отец и сын, но и дед и внук, например: *Двор п.ч. Василья Потапова сына Арменинова ... дал деду ево Емельяну Семенову сыну Арменинову* [ПК Вол.: л. 163–163 об.]; *Двор осадной вологодского помещика Федора Монастырева ... дал деду ево Ивану Григорьеву сыну Монастыреву* [ПК Вол.: л. 85 об.]; *Двор п.ч. Максима Киприянова сына Маталындина ... отцу ево Киприяну Денисову сыну Маталындину* [ПК Вол.: л. 158 об.–159] и др. Кроме того, именования родственников в некоторых случаях отражают процесс перехода фамильного прозвища в фамилию, оформленную уже с помощью традиционных суффиксов, например: *Двор п.ч. Михайла Иванова сына Дышева ... владеет по поступной отца своего Ивана Андреева сына Дыша* [ПК Вол.: л. 99]; *Двор салдат Алексея да Андрея Матвеевых детей Иконниковых ... по сказке матери их вдовы Авдотьи Ларионовы дочери ... дала деду их Архипу Акинфиеву сыну Иконнику* [ПК Вол.: л. 70]; *Двор п. бобыля Матфея Григорьева сына Калашникова ... по сказке бабки ево, вдовы Катерины Козмины дочери Федоровской жены Сумкина ... она дала отцу ево, а своему зятю Григорью Калашнику* [ПК Вол.: л. 163].

Устойчивое оформление именований не только у крупных бояр, землевладельцев и купцов (например, *Монастыревых*), но и подавляющего числа горожан позволяют утверждать, что к началу XVIII века в Вологде в качестве третьего компонента именования горожан функционируют уже не фамильные прозвания, а фамилии.

Фамилии, входящие в состав трехчленных именований, в Переписной книге Вологды 1711 года отмечены только у мирского

населения. Духовенство в Вологде к началу XVIII века фамилий не имеет.

Для создания вологодских фамилий начала XVIII в. используется восемь разновидностей антропоформантов. Наиболее распространенными среди них являются суффиксы *-ов-* (279 фамилий) и *-ев-* (78 фамилий), например: *Двор п.ч. Ивана Никулина сына Швецова* [ПК Вол.: л. 147 об.]; *двор п.ч. Бориса Ермолина сына Мякишева* [ПК Вол.: л. 68 об.].

Преобладание фамилий, оформленных антропоформантами, позволяет говорить о том, что к началу XVIII века в именнике Вологды принцип семейного именования стал нормой и в основном произошло оформление морфологического облика фамилий.

Фамилии могли образовываться от некалендарных личных имен, прозвищных и внутрисемейных, или от календарных личных имен.

Анализ фамильных основ показывает, что большинство фамилий, зафиксированных в Перечисной книге Вологды, мотивировано некалендарными прозвищными именами. Причем большая часть из них (30%) восходит к профессиональным прозвищам. Две трети фамильных основ непосредственно связаны с именованием лица по профессии, а одна треть опосредованно, через именование орудий и средств труда, а также результатов труда.

Большое число фамильных основ восходит к профессиям кожевенного и скорняжного промысла: *лавка п.ч. Петра Назарова сына Кожевникова* [ПК Вол.: л. 211]; *крепости на тот двор положены на сбережение Ивану Никитину сыну Пушникову* [ПК Вол.: л. 29] (*пушник* 'скорняк' [ВФ: 84]); *место дворовое и огородное, пустое, п.ч. Ивана Дмитриева сына Сырейщикова* [ПК Вол.: л. 114 об.] (*сырейщик* 'тот, кто выделяет кожи и торгует ими, сыромятник' [ВФ: 100]); *двор п.ч. Федора Степанова сына Мешинникова* [ПК Вол.: л. 157] (*мешинник* 'ремесленник, обрабатывающий овечьи или козьи шкуры на мешину или изготавливающий изделия из нее' [СлРЯ XI–XVII, IX: 140]). Возможно, к данной группе фамилий могут примыкать те, основы которых указывают на опосредованную связь с кожевенным промыслом: *двор п.ч. Василья Осипова сына Мошонкина* [ПК Вол.: л. 24] (*мошонка* уменьшит. к *мошна* 'сумка или мешок для хранения денег, мелких ценных предметов; кошелек' [ВФ: 64–65]); *двор матроса Ивана Семенова сына Кишенина* [ПК Вол.: л. 67 об.] (*кишень* 'мешок, карман для денег, кошелек' [СлРЯ XI–XVII, VII: 144]); *двор п.ч. Осипа Меркурьева сына Сумкина* [ПК Вол.: л. 125]; *двор воло-*

годского кузнеца Семена Осипова сына **Козицина** [ПК Вол.: л. 54] (*козица* 'мешок из шкуры, снятой как чулок (для денег; для мехов)', а также 'волынка, в которой используется в качестве меха козья шкура' [СлРЯ XI–XVII, VII: 223]).

Большое количество фамильных основ восходит к профессиональным прозвищам, связанным с изготовлением одежды и обуви: двор п.ч. *Ивана Никулина сына Швецова* [ПК Вол.: л. 147 об.]; место огородное подъячего *Дмитрея Петрова сына Шапошникова* [ПК Вол.: л. 110]; двор вологодского записного каменщика *Афонася Петрова сына Шубникова* [ПК Вол.: л. 21]; двор пуст п. бобыля *Ивана Михайлова сына Ногавикова* [ПК Вол.: л. 187 об.]. Сюда также относятся фамилии *Подшивалов* (*подшивала* 'кто подшивает что-либо', а также 'остряк' [Даль, III: 217]); *Рукавишников*; *Лапотников*; *Сапожникова*; *Кропачев* (*кропач* 'неискусный портной или сапожник' волог. [СРНГ, XV: 279]). Опосредованно могут указывать на связь с данной профессией следующие фамильные основы: двор вологодского солдата *Сергия Иванова сына Чекменева* [ПК Вол.: л. 112 об.] (*чекмень* вост. 'крестьянский кафтан' [Даль, IV: 587]); двор п.ч. *Никифора Федотова сына Шапкина* [ПК Вол.: л. 18 об.]; двор п.ч. *Сергея Филипова сына Япанчина* [ПК Вол.: л. 155 об.] (*японча* 'род плаща' [Даль, IV: 678]); двор п.ч. *Ивана Ларионова сына Лапотина* [ПК Вол.: л. 176].

Среди фамилий, восходящих к профессиональным прозвищам, довольно широко представлены те, фамильные основы которых относятся к профессиям, связанным с приготовлением еды и продуктов питания, например: лавка п.ч. *Михайла Нефедова сына Крупеникова* [ПК Вол.: л. 206] (*крупеник* 'тот, кто готовит на продажу кушанья из круп; торговец этими кушаньями' [СлРЯ XI–XVII, VIII: 87]); двор салдата *Дмитрея Агафонова сына Витушешникова* [ПК Вол.: л. 196 об.] (*витушечник* 'тот, кто печет и продает витушки (плюшки)' [ВФ: 22]); двор п. бобыля *Матфея Григорьева сына Калашникова* [ПК Вол.: л. 163]; двор канцелярского сторожа *Петра Гаврилова сына Хлебникова* [ПК Вол.: л. 123]. Встречаются фамильные основы, которые могут быть связаны с профессиональными прозвищами данной группы через указание наименований еды или исходных продуктов питания, например: место дворовое пустое бывшего соборного звонаря *Афонася Осипова сына Пшенишникова* [ПК Вол.: л. 27 об.] (*пшеничник* прм., влгд. 'пшеничный пирог или хлеб' [Даль, III: 546]); двор п.ч. *Федора Григорьева сына Тестова* [ПК Вол.:

л. 43]. А также фамилии *Горохов, Стрепнин, Сычугов* (сычуг один из четырех желудков жвачных животных', сычуг с кашей свинной, начиненный желудок' [Даль, IV: 378]). Кроме того, зафиксированы фамильные основы, связанные непосредственно или опосредованно с приготовлением муки и крупы, например: *место дворовое и огородное порозжее п.ч. Ивана Денисова сына Овсянникова* [ПК Вол.: л. 56] (овсяник 'тот, кто делает из овса муку, крупу (?)' [СлРЯ XI–XVII, XII: 227]); *харчевня п.ч. Василья Никитина сына Крупинина* [ПК Вол.: л. 49 об.] (крупина 'зерно крупы, зернышко, крошка' [Даль, II: 202]).

Три фамильные основы восходят к наименованиям профессий, связанных с изготовлением вина, пива и кваса: *двор п.ч. Козмы Гаврилова сына Винокурова* [ПК Вол.: л. 162]; *двор п.ч. Василья Дементьева сына Пивоварова* [ПК Вол.: л. 165]; *двор п. бобыля Семена Семенова сына Квасникова* [ПК Вол.: л. 168 об.].

Две фамильные основы восходят к профессиональному прозвищу маслодела. Одна из них является непосредственным названием человека по профессии: *двор п.ч. Алексея Харитонова сына Масленикова* [ПК Вол.: л. 96 об.]. Другая – связана с профессиональным прозвищем через именование результата труда: *двор п.ч. Никиты Никитина сына Пахтусова* [ПК Вол.: л. 180 об.] (пахтус 'ком масла, спактанного в один прием' [Даль, III: 26]).

Распространены фамилии, восходящие к сфере торговли: *двор п.ч. Ивана Аникиева сына Луковикова* [ПК Вол.: л. 138 об.] (луковик 'торговец луком' [СлРЯ XI–XVII, VIII: 303]); *двор пуст п.ч. Василья Терентьева сына Медовщикова* [ПК Вол.: л. 74 об.] (медовщик 'продавец меда' [СлРЯ XI–XVII, IX: 62]); *владеет п.ч. Евлампий Филатов сын Москотилников* [ПК Вол.: л. 156 об.]; *двор п.ч. Ивана Савельева сына Росторгуева* [ПК Вол.: л. 169]; *двор п.ч. Якова Леонтьева сына Ягодникова* [ПК Вол.: л. 119 об.] и др. На связь с торговлей может указывать фамилия *Розживин* (разжива 'прибыль, нечаянный доход, приобретение' [Даль, IV: 30]); *двор салдата Григорья Иванова сына Розживина* [ПК Вол.: л. 108].

Плотницкое дело отражено в следующих фамилиях: *двор п. бобыля Ивана Степанова сына Плотникова* [ПК Вол.: л. 124 об.]; *лавка п.ч. Михайла Анофриева сына Аргунова* [ПК Вол.: л. 203 об.] (аргунь 'владимирский плотник' [Даль, I: 21]). Возможно, опосредованно через фамилию *Драницын*: *двор п.ч. Михайла Яковлева сына Драницына* [ПК Вол.: л. 60] (драница 'длинная сосновая дощечка для крыши, получаемая расщеплением отрезка

древесного ствола', возможно также *драница* 'высокий, худощавый человек' [ВФ: 31]).

Кирпичный промысел представлен фамилией **Черепанов**: двор кирпичика Евдокима Михайлова сына **Черепанова** [ПК Вол.: л. 75] (черепан влгд., прм., вят., сиб. 'горшечник, гончар' [Даль, IV: 593]).

Занятие изготовлением посуды нашло отражение в следующих фамилиях: двор п.ч. Алексея Трифанова сына **Котелникова** [ПК Вол.: л. 53 об.] (котельник 'ремесленник, изготавливающий и чинящий котлы и медную посуду; медник' [СлРЯ XI–XVII, VII: 380]); двор п.ч. Ивана Оксенова сына **Оловеникова** [ПК Вол.: л. 41 об.] (оловянник 'тот, кто делает и продает оловянную посуду' [ВФ: 73]); двор п. бобыля Григорья Козмина сына **Медникова** [ПК Вол.: л. 148 об.]. Возможно, к данной группе примыкает фамилия **Корцов**: двор п.ч. Ивана Афонасьева сына **Корцова** [ПК Вол.: л. 34 об.] (корец 'ковш' [СлРЯ XI–XVII, VII: 312]).

Коневодство и скотоводство представлено следующими фамилиями: келья п. бобыля Евдокима Ильина сына **Коновалова** [ПК Вол.: л. 201]; двор салдата Дмитрия Иванова сына **Колог-ризова** [ПК Вол.: л. 107] (кологрив 'служитель, ходивший у гривы, при коне, во время царских выездов' [Даль, II: 138]); двор п.ч. Василья Дмитриева сына **Коровникова** [ПК Вол.: л. 126]; двор п.ч. Трифона Лаврентьева сына **Пастухова** [ПК Вол.: л. 82]. Опосредованно связь с занятием скотоводством могут отражать следующие фамилии: место дворовое пустое салдата Костянтина Иванова сына **Мясникова** [ПК Вол.: л. 171]; двор пуст отставного солдата Алексея Матфеева сына **Порозова** [ПК Вол.: л. 147 об.] (пороз 'бык' [СВГ, 7: 165]); двор п.ч. Алексея Дмитриева сына **Телицына** [ПК Вол.: л. 74 об.] (телица 'молодой бык или корова' [Даль, IV: 396]); две лавки п.ч. Ивана Кондратьева сына **Супоросина** [ПК Вол.: л. 214] (супороса 'свинья с приплодом, перед опоросом' [ВФ: 99]). Вместе с тем отметим, что прозвища *Пороз*, *Телица*, *Супорос*, от которых возникли фамилии, могли даваться и по какому-то внешнему сходству именуемого с животным.

Ювелирный промысел: двор п. бобыля Василья Артемьева сына **Золотарева** [ПК Вол.: л. 124]; двор п.ч. Ивана Филипова сына **Золотилова** [ПК Вол.: л. 58]; двор п.ч. Ивана Мартынова сына **Серебряникова** [ПК Вол.: л. 65 об.].

Кроме того, в основах фамилий отражены такие занятия населения, как производство конной упряжи (*Уздеников*, *Хомутин-*

ников), производство войлока (*Войлошников*), крашение тканей (*Красильников*), ткачество (*Холщевников*), кузнечный промысел (*Кузнецов*), мыловарение (*Мыльников*), изготовление оконниц (*Оконишников*), тележный промысел (*Санников*), извозный промысел (*Извозчиков*), судостроение (*Судоплатов*), свечной промысел (*Свешников*), солодовенный промысел (*Солодеников*), военное дело и укрепление города (*Капранов*, *Городчиков* (*городчикъ* «должностное лицо, ведающее целостью городских укреплений» [СлРЯ XI–XVII, IV: 94]) и др.

В основах фамилий отмечены также занятия, отражающие уровень бытовой культуры населения, например: изготовление зеркал (*двор салдата Ивана Тиханова сына Зеркалникова* [ПК Вол.: л. 105]), иконопись (*двор п.ч. Федора Иванова сына Иконикова* [ПК Вол.: л. 150]), музыка (*место дворовое и огородное п.ч. Дмитрия Гарасимова сына Цынбальщикова* [ПК Вол.: л. 149]).

Ряд фамилий образован от наименований церковных профессий, например: *двор п.ч. Ивана Гарасимова сына Дьконова ... владеет по купчей ... п.ч. Якима Гарасимова сына Дьякова* [ПК Вол.: л. 160 об.]; *двор вологжанина Ивана Фокина сына Звонарева* [ПК Вол.: л. 101]; *двор кузнечного дела подъячего Ивана Васильева сына Игумнова* [ПК Вол.: л. 98]; *двор Степана Андреева сына Пономарева* [ПК Вол.: л. 89 об.]; *место дворовое п.ч. Алексея Иванова сына Протопопова* [ПК Вол.: л. 42 об.] и др.

На втором месте по степени частотности стоят фамилии, восходящие к некалендарным прозвищным личным именам XVII века, образованным от имен существительных, указывающих на характер и поведение человека (на их долю приходится 24% от общего числа фамилий с ясной семантикой). Как отмечает Ю.И. Чайкина, слова со значением личностной характеристики относятся к разряду экспрессивов, поскольку денотативный аспект их лексического значения дополняется коннотативным. Денотативная сторона лексического значения экспрессивов нередко оказывается смещенной на второй план за счет более яркого проявления коннотативных сем [Чайкина 1995: 43 – 44].

Только в единичных случаях в основу фамилии заложена характеристика по положительным качествам человека. В именнике начала XVIII века таких фамилий только пять. В их основу положены такие качества, как работоспособность (*двор Преображенского полку салдата Алексея Козмина сына Ломова* [ПК Вол.: л. 175 об.] < *лом* 'о сильном, здоровом человеке, способном много и долго работать' волог., ряз., костр., ярс. [ВФ: 58]), неутомимость

(двор ... *Ивана Григорьева сына Ходякова* [ПК Вол.: л. 76] < *ходакъ* нвг. 'кто много, хорошо, быстро или охотно ходит, легкий на ногу, неутомимый на ходу', возможна также связь с другими значениями: 'рассыльщик, посыльный, пеший гонец'; 'частный стряпчий, ходатай по делам, в судах'; арх. 'нищий'; сиб. 'волокита' [Даль, IV: 556]), трудолюбие (*две лавки пустые п.ч. Ивана Васильева сына Корегина* [ПК Вол.: л. 216 об.] < *корёга* 'трудолюбивый крестьянин, трудолюбивая крестьянка' ярсл., а также 'человек без ног или с другими физическими недостатками' костр. [СРНГ, XIV: 314]), бодрость (*двор осадной Василья Семенова сына Готовцова* [ПК Вол.: л. 106] < *готовец* 'человек бодрый, быстрый, готовый и поспевающий всегда к сроку' [Даль, I: 388]), проворство и ловкость (*двор п. бобыля Дмитрея Иванова сына Споркина* [ПК Вол.: л. 156] < *споркой* 'проворный, ловкий, способный' [ВФ: 96]).

Подавляющее же большинство фамилий данной группы основаны на характеристиках человека, имеющих отрицательную оценку.

Отрицательно характеризуется, в частности, несоблюдение человеком морально-этических норм. Отсюда выделение таких качеств во второй половине XVII века, как распутство, бесстыдство, пьянство, бродяжничество, разгульность, нечестность, подлость и т.д., например: *двор салдата Андрея Ярофиева сына Петухова* [ПК Вол.: л. 199 об.] (*петух* 'распутник' арх. [СРНГ, XXVI: 332], а также 'муж, принятый в дом жены' арх. [ВФ: 77]); *двор осадной Семена Петрова сына Бестужева* [ПК Вол.: л. 91 об.] (прозв. *Бестужей* < др.-рус. *бесстудный* и *бесстужий* 'бесстыдный', 'постыдный, заслуживающий осуждения' [ВФ: 15], возможно также древнерусское имя *Бестуж* произошло от *безстужий* 'наглый', *безстуже* работать 'с большим старанием' [Суперанская 1998: 132]); *двор п.ч. Федота Иванова сына Качалова* [ПК Вол.: л. 45 об.] (*качала* 'кутила или мот, пьяница и беззаботный гуляка' [Даль, II: 99], а также *качал* 'о смелом, отчаянном человеке' [ВФ: 43]); *лавка п.ч. Ивана Федорова сына Кочурина* [ПК Вол.: л. 207] (*кочура* 'гуляка, кутила, выпивоха' влад., моск., а также 'хилый болезненный человек' череп. [ВФ: 52], 'дылда, верзила' твр. [Даль, II: 100]) и др.

Отрицательно характеризуется неуравновешенность и несдержанность человека. Отсюда характеристика по таким качествам, как непоседливость, вспыльчивость, суетливость, болтливость, крикливость и т.д., например: *двор п.ч. Якова Корнилова*

сына **Сверчкова** [ПК Вол.: л. 160 об.] (сверчок 'вертлявый, быстрый человек, непоседа', а также 'баловник, шаловливый ребенок' [ВФ: 90]); двор *осадной Ивана Андреева сына Гневашева* [ПК Вол.: л. 103] (гневаш 'сердитый, вспыльчивый человек' [Суперанская 1998: 159]); двор *п.ч. Карпа Гаврилова сына Тюшляева* [ПК Вол.: л. 43 об.] (**тюшляй*; ср. в говорах *тюшиться* 'суетиться' костр. [ВФ: 104]); двор *осадной Ивана Андреева сына Верещагина* [ПК Вол.: л. 103 об.] (верещага 'резкий болтун, говорун, трещотка', а также 'брюзга, сварливый человек' [Даль, I: 180]) и др.

Кроме того, в людях отмечалось и порицалось отсутствие трудолюбия, излишняя болтливость, вялость, неловкость, несообразительность, несамостоятельность, например: место *осадное Тимофея Васильева сына Вараксина* [ПК Вол.: л. 112] (варакса 'болтун, пустомеля, плохой работник' [Суперанская 1998: 141]); место *огородное п.ч. Петра Иванова сына Непряхина* [ПК Вол.: л. 17 об.] (непряха 'плохая пряжа, неумеющая или пенивая; неработающая женщина, а иногда о мужчине: лентяй, шатун, нерадивый' [Даль, II: 532]); двор *Владимирской церкви попа Гаврила Семенова сына Бовыкина* [ПК Вол.: л. 113 об.] (**бовыка*, ср. в говорах *бавуша* 'медлительный, вялый человек' пск., твр.; *бавить* 'продолжать, продлевать, медлить, медленно что-н. делать' [ВФ: 17]); двор *п.ч. Егора Тимофеева сына Ханжина* [ПК Вол.: л. 175] (ханжа 'попрошайка, любящий просить, выпрашивать' волог. [ВФ: 107], а также ханжа 'притворно набожный; лицемер, двуличный', нвг., вят.; 'шатун и попрошайка' [Даль, IV: 542]); двор *протодьякона Стефана Автамонова сына Карташова* [ПК Вол., л. 157] (карташ 'кто картавил'; *картать* 'плохо работать' [Суперанская 1998: 205]) и др.

Отмечалось и порицалось высокомерие человека и такие, вытекающие отсюда качества, как гордость, заносчивость, самодовольство, хвастовство, насмешливость, дерзость, например: двор *пуст п. бобыля Петра Романова сына Кичина* [ПК Вол.: л. 179 об.] (кича 'спесивый' череп. [ВФ: 44]); место *огородное п.ч. Алексея Тимофеева сына Козлова* [ПК Вол.: л. 141] (козел 'глуповатый, самодовольный щеголь' [Даль, II: 131]); две лавки *дворцового села Фрязинова крестьян Ивана Тимофеева сына Гурелева с сыном Семеном* [ПК Вол.: л. 213] (ср. в говорах *гурлить* влгд. 'хвалиться, хвастаться', а также сар. 'болтать' [Даль, I: 408 – 409]) и др.

Кроме того, пейоративная оценочность присуща таким качествам человека, как упрямство, недружелюбие, угрюмость, неласковость, скупость, жадность и т.д., например: двор *пуст п. бобыля*

Степана Семенова сына Немирова [ПК Вол.: л. 184 об.] (*немиръ* 'вражда, раздор; война' [СлРЯ XI–XVII, XI: 171]); *двор осадной Федора Тиханова сына Суханова* [ПК Вол.: л. 104] (древнерусское имя *Сухан* возможно 'скучный, неласковый, невнимательный' [Суперанская 1998: 305]); *седит п.ч. Иван Григорьев сын Сухин* [ПК Вол.: л. 202] (*сухой* – о человеке и его действиях 'суровый, малословный, холодный, безучастный, неласковый; или скучный, невнимательный' [Даль, IV: 365]); *двор п.ч. Гаврила Савельева сына Щербакова* [ПК Вол.: л. 114] (*щербакъ* 'неправедный стяжатель или наживатель, хапун', а также 'парень без одного или нескольких зубов', кстр. 'одноконный извозчик', 'растение цикорий' [Даль, IV: 656]); *двор п.ч. Гарила Афанасьева сына Буркалова* [ПК Вол.: л. 182] (*буркало* 'человек брюзга, бормотун' [Даль, I: 143]); *двор п.ч. Семена Филипова сына Жулина* [ПК Вол.: л. 105 об.] (*жила* 'неправедный стяжатель, охотник присваивать себе чужое' [Даль, I: 542]); *двор осадной думнаго дворянина Василья Семенова сына Змеева* [ПК Вол.: л. 90 об.] (*змеи* 'злой человек, скрытный и злобный' [Даль, I: 686]) и др.

Третье место по активности употребления занимают фамилии, образованные от прозвищ, характеризующих человека по внешнему виду (на их долю приходится 15% от общего числа фамилий с ясной семантикой).

Причиной возникновения таких прозвищ может быть внимание к каким-либо внешним особенностям человека: белолицый, смуглый, рыжий, веснушчатый, румяный и т.д. В данном случае причина возникновения прозвища и фамилии могла быть обусловлена либо интегральной семой (здесь простое выделение человека по внешним характеристикам), либо актуализацией дифференциальных или коннотативных сем (то есть румянец может свидетельствовать о хорошем здоровье, цвет волос и кожи об этнической принадлежности человека и т.д.). Приведем примеры фамилий данной группы: *двор п. бобыля Дмитрея Иванова сына Балашова* [ПК Вол.: л. 95 об.] (древнерусское имя *Балаш* – вариант имени *Белаш* 'белый', однако возможна мотивация словом *балаш* 'родо-племенное название' [Суперанская 1998: 129, 131]); *место пустое дворовое п. бобыля Гаврила Елизарова сына Белоусова* [ПК Вол.: л. 113 об.]; *двор подьячего Андрея Герасимова сына Рудина* [ПК Вол.: л. 97 об.] (древнерусское имя *Руда* от *рудой* 'рыжий' [Суперанская 1998: 285]); *место пустое Григорья Михайлова сына Румянцева* [ПК Вол.: л. 98]; *двор пуст п.ч. Ивана*

*Иванова сына **Смурова*** [ПК Вол.: л. 25 об.] (*смурый* 'темного цвета' [Даль, IV: 238]) и др.

Фамильное прозвище или фамилия могут быть обусловлены вниманием к каким-либо физическим недостаткам человека, например: *двор вологодского солдата Семена Михайлова сына **Кривошеина*** [ПК Вол.: л. 98 об.]; *живут ... п. бобыль Иван Никифоров сын **Лупандин*** [ПК Вол.: л. 134 об.] (*лупанда* 'пучеглазый' [Даль, II: 274], а также *лупанда* 'толстая, неповоротливая женщина' [СРНГ, XVII: 198]); *двор п.ч. Ивана Яковлева сына **Прелова*** [ПК Вол.: л. 21 об.] (*прел* 'прелое место на теле, особенно у младенцев' [Даль, III: 531]); *двор п.ч. Ивана Семенова сына **Борозкина*** [ПК Вол.: л. 22] (*борозка* < *бороздка* 'морщина, складка, шрам' [СлРЯ XI–XVII, I: 296]) и др.

Некоторые физические характеристики человека отмечены потому, что они могут стать помощью или помехой в труде. Сюда можно отнести такие качества, как крепость, могучее сложение, высокий рост или, напротив, чрезмерная худоба, тучность или низкий рост, что также может быть обременительным в работе, увечье, горбатость и т.д., например: *кузница Якова Флорова сына **Беспалова*** [ПК Вол.: л. 58]; *двор п.ч. Григорья Федорова сына **Бехтерева*** [ПК Вол.: л. 43 об.] (древнерусское имя *Бехтерь* мотивировано апеллятивом *пехтерь*: *пехтерить* 'набивать брюхо; полный человек' [Суперанская 1998: 133], в тверском говоре *пехтерь* также имело значение 'толстый, обжорливый ребенок' [Даль, III: 107]); *двор канцелярского сторожа Михайла Иванова сына **Бутусова*** [ПК Вол.: л. 106] (*бутус* череп. 'невысокий полный человек' [СРНГ, III: 314], а также нвг., прм. 'упрямец', 'угрюмый человек, глядящий исподлобья', влгд. 'бодливая скотина' [Даль, I: 145]); *двор п.ч. Якова Селиванова сына **Горбунова*** [ПК Вол.: л. 69 об.]; *двор п. бобыля Анисима Флорова сына **Жирякова*** [ПК Вол.: л. 44 об.] (*жиряк* 'жирный, тучный человек', а также 'богач' [Даль, I: 543]); *двор записного каменщика Ильи Дмитриева сына **Мякишева*** [ПК Вол.: л. 168 об.] (*мякиш* в вологодских, псковских, тверских говорах 'толстый человек' [СРНГ, XIX: 78]); *место огородное п.ч. Алексея Матфеева сына **Пятышева*** [ПК Вол.: л. 136 об.] (древнерусское имя *Пядыш*, разговорный вариант *Пятыш* от *пядь* 'пядь, пядка' – расстояние между растопыренными большим и указательным пальцами; переносно: 'маленький' [Суперанская 1998: 278]); *двор п.ч. кузнеца Автамона Иванова сына **Рогачева*** [ПК Вол.: л. 79 об.] (*рогач* 'человек могучий', а также 'упрямый', 'обманутый женою' [Даль, IV: 100]) и др.

Кроме того, часто отмечаются особенности внешнего вида человека, отражающие эстетический вкус носителей языка. Отсюда возникают фамильные основы с семами 'красота' и 'неопрятность', например: *место огородное п.ч. Михаила Сергеева сына Королева* [ПК Вол.: л. 143] (король 'красивый, видный человек' калуж. [ВФ: 50]); *двор п.ч. Матвея Дмитриева сына Замаараева* [ПК Вол.: л. 198] (замарай 'неряха, грязнуля' [ВФ: 36]); *двор п.ч. Леонтья Иванова сына Мурзина* [ПК Вол.: л. 153 об.] (мурза мск., ярс. 'замарашка', а также твр. 'ребенок, который упрямится' [Даль, II: 360]); *двор п.ч. Луки Ефремова сына Рожина* [ПК Вол.: л. 170 об.] (рожа 'уродливый, некрасивый лицом', а также 'воспаление кожи, erysipelas', 'растение Malva' [Даль, IV: 101]) и др.

Далее по степени частотности следуют фамилии, мотивированные оттопонимическими прозвищами (на их долю приходится 5% фамилий), например: *двор п.ч. Михаила Родионова сына Каргополова* [ПК Вол.: л. 151 об.]; *двор п.ч. Ивана Иванова сына Колмогорова* [ПК Вол.: л. 73]; *двор архиерейского певчего Тихона Дмитриева сына Муромцева* [ПК Вол.: л. 99 об.]; *по сказке ... стряпчего Якова Иванова сына Ростовцова* [ПК Вол.: л. 1]; *двор п.ч. Ивана Семенова сына Усолицева* [ПК Вол.: л. 163 об.]; *по сказке Ивана Федорова сына Ярославцева* [ПК Вол.: л. 202 об.] и др.

Несколько фамилий мотивировано некалендарными личными именами, образованными от имен существительных со значением личностных или социальных отношений, например: *двор ... Федора Володимерова сына Межакова* [ПК Вол.: л. 130] (межак 'сосед' [СлРЯ XI–XVII, IX: 66]); *двор п.ч. Ивана Сергеева сына Новикова* [ПК Вол.: л. 69] (новик 'тот, кто недавно поступил в какое-либо состояние, должность, общество или место; новичок' [СлРЯ XI–XVII, XI: 395]); *двор п. бобыля Дмитрия Тимофеева сына Привалова* [ПК Вол.: л. 171] (привал 'муж, принятый в семью жены, живущий в доме жены', а также 'постоялец' [СВГ, 8: 41]); *место огородное п.ч. Ивана Степанова сына Холуева* [ПК Вол.: л. 148] и др.

Этнические фамилии в именнике Вологды начала XVIII века немногочисленны: *анбар о два житья п.ч. Василья Потапова сына Арменинова* [ПК Вол.: л. 215]; *со внуком ея Федором Васильевым сыном Корелиным* [ПК Вол.: л. 35].

Небольшое количество фамилий мотивировано названиями птиц, рыб, животных, насекомых и растений, например: *двор дворянина Леонтья Иванова сына Чеглокова* [ПК Вол.: л. 97] (чеглок 'малый сокол, Falco subbuteo' [Даль, IV: 586]); *двор прядилицы Ивана Михайлова сына Белокрылова* [ПК Вол.: л. 37] (бело-

крыл 'птица с белыми крыльями', возможно, что фамилия восходит к названиям пород голубей [ВФ: 14]); двор вологодского солдата *Никулы Иванова сына Язвикова* [ПК Вол.: л. 52] (язвик 'животное, Meles, схожее со свиньей и с медведем', а также стар. 'кролик' [Даль, IV: 674]); двор *Петра Никифорова сына Слепушкина* [ПК Вол.: л. 97] (слепушка влгд. 'мелкая рыбка, в роде сетков?' [Даль, IV: 229]); двор вологодского салдата *Прокофья Федорова сына Тяпугина* [ПК Вол.: л. 96] (тяпуга ол. 'мелкая рыбка, плотвичка' [Даль, IV: 456]); двор *подьячего Василья Васильева сына Калинина* [ПК Вол.: л. 104] (Калина – древнерусское имя по названию растения калина, возможно, однако, это народный вариант церковного имени *Каллиник* [Суперанская 1998: 202, 203]); место пустое порожнее *Тихона Григорьева сына Волкова* [ПК Вол.: л. 96] (данная фамилия восходит к прозвищу *Волк*, которое, как отмечает А.В. Суперанская, у древних славян символизировало силу и долгую жизнь и давалось как пожелательное [Суперанская 1970: 9]*) и др. Подобного рода фамилии являются отражением духовной культуры народа. Как отмечает Л.А. Ивашко, эстетическое восприятие мира проявляется в народных сравнениях: «В характеристиках человека, его внешности, красоты, силы, здоровья широко используются образы растительного и животного мира, как традиционные, получившие отражение в фольклоре, так и менее распространенные» [Ивашко 1995: 64]. Например, фамилия *Дубов* (двор вологодского солдата *Федора Назарова сына Дубова* [ПК Вол.: л. 75]) отражает сравнение высокого, здорового, сильного человека с дубом [Ивашко 1995: 64].

Помимо прозвищных личных имен, в основу фамилий в ряде случаев легли некалендарные внутрисемейные личные имена. В Переписной книге Вологды отмечено 15 таких фамилий, например: двор салдата *Якова Степанова сына Моленина* [ПК Вол.: л. 178] (малена 'ребенок, дитя', 'младший в семье, последний сын или дочь, брат, сестра', а также 'малорослый человек' [Даль, II: 294]); двор п. ч. *Ивана Яковлева сына Нечаева* [ПК Вол.: л. 117 об.]; двор п. ч. *Степана Яковлева сына Третьякова* [ПК Вол.: л. 40 об.]; двор помещика *Ивана Григорьева сына Шестакова* [ПК Вол.: л. 88] и др. Возможно, к данной группе можно отнести фамилию: по сказке ... *Ивана Иванова сына Собинина* [ПК Вол.,

* Говоря о названиях животных, с которыми связаны фамилии, нужно отметить, что данные имена образуют вокруг себя широкие ассоциативные поля и являются средством выражения оценки человека [Уфимцева 1986: 114].

л. 84] (*собина* 'милый, дорогой, желанный; наследство' [Суперанская 1998: 299]) и др.

В Переписной книге Вологды 1711 года зафиксировано также 58 фамилий, образованных от календарных личных имен. В 64% фамилии мотивированы неканонической формой календарного имени, например: *место порозжее посад. человека Ивана Михайлова сына Вахромеева* [ПК Вол.: л. 76 об.]; *двор п.ч. Алексея Федорова сына Денисова* [ПК Вол.: л. 46 об.]; *двор п. бобылей Максима да Ивана Осиповых детей Макаровых* [ПК Вол.: л. 139]; *по сказке ... дяди ж своего Федора Симанова сына Манойлова* [ПК Вол.: л. 167]; *двор п. ч. Федора Дмитриева сына Сидорова* [ПК Вол.: л. 174]; *двор п.ч. Ивана Иванова сына Федорова* [ПК Вол.: л. 194] и др.

В 36% фамилии мотивируются канонической формой имени, например: *пол-двора п.ч. Михаила Леонтьева сына Амосова* [ПК Вол.: л. 174 об.]; *внук ея вологоцкой россыльщик Степан Семенов сын Аристов* [ПК Вол.: л. 142 об.]; *двор вологодского помещика Дмитрия Иванова сына Борисова* [ПК Вол.: л. 85]; *двор осадной Федора Петрова сына Глебова* [ПК Вол.: л. 109 об.]; *двор архиерейского сына боярского Ильи Степанова сына Наумова* [ПК Вол.: л. 94]; *двор п. бобыля Ивана Нестерова сына Никонова* [ПК Вол.: л. 137]; *анбар п.ч. Ильи Яковлева сына Пудова* [ПК Вол.: л. 205 об.] и др.

Этимология 88 фамилий неясна, например: *Битяговский, Денгин, Дышев, Налобин, Ногин, Носков, Рынин, Тайнов* и др.

Таким образом, по семантике производящих основ на первом месте по степени употребительности находятся фамилии, мотивированные некалендарными прозвищными личными именами, образованными от названий профессий, на втором месте – мотивированные некалендарными прозвищными личными именами, восходящими к именам существительным со значением личностных характеристик человека, на третьем – мотивированные топонимами и этнонимами, на четвертом – мотивированные внутрисемейными некалендарными личными именами, указывающими на обстоятельства появления нового члена семьи.

Как отмечалось, профессионально-должностные фамилии составляют значительную группу в составе вологодских фамилий, причем в основу фамилий Вологды начала XVIII века положено более 30 наименований профессий. Данное своеобразие именника обусловлено тем, что «с давних пор профессия или должность – важные признаки человека, определяющие его место в обществе».

ве. Распространенность такого рода фамилий в Вологде тесно связана с особенностями социально-экономической жизни этого крупного торгового центра Северо-Восточной Руси. Известно, что Вологда была расположена на важном торговом пути, соединявшем центральные уезды Московского государства с Архангельском и Сибирью, ... что обусловило высокую степень ремесленной дифференциации городского населения» [Чайкина 1984: 130–131].

Если говорить об актуализации понятий, связанных с обозначением лица по внешним признакам и морально-этическим качествам, то наиболее активное языковое выражение нашли понятия, характеризующие лицо по морально-этическим качествам. Таким образом, мы видим преобладание сублимированных оценок, к которым относятся оценки этические и эстетические [Арутюнова 1984: 14]. Это говорит о высоком уровне развития духовной культуры человека.

Преобладание морально-этических оценок свидетельствует о высоких требованиях к нравственным качествам, выдвигаемых языковым коллективом. Семейные основы с названиями-характеристиками положительных качеств занимают незначительное место. В этом случае отмечаются такие достоинства, как работоспособность, неутомимость, трудолюбие, бодрость. Подавляющее большинство составляют фамилии, имеющие пейоративную аксиологическую маркировку. При этом наибольшее порицание заслуживают такие качества человека, как лень, жадность, высокомерие, пьянство, бесчестье, обман.

Анализ фамилий, мотивированных характеристиками человека по внешним признакам, показывает, что неодобрение вызывали главным образом такие внешние признаки, как тучность, неуклюжесть, медлительность, физическая слабость, то есть то, что мешало производительной работе.

Период XVII–XVIII вв. считается многими исследователями переходным в образовании русских фамилий. Он характеризуется неустойчивостью морфологического образования фамильных прозваний. Такие факты наблюдаются и в Переписной книге Вологды. Однако единичность явлений морфологического варьирования фамилий говорит о том, что фамилии в Вологде начала XVIII века стали уже устойчивым компонентом именованного лица и выполняли функцию родового имени.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова 1984 – Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. 1982. М.: Наука, 1984. С. 5–23.

Бондалетов 1983 – Бондалетов В.Д. Русская антропонимия с XI по XVII в. // Эволюция и предыстория русского языкового строя. Горький, 1983. С. 55–68.

ВФ – Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии: Этимологический словарь. Вологда, 1995.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1978–1980.

Зинин 1969 – Зинин С.И. Русская антропонимия XVII–XVIII вв. (на материале переписных книг городов России). Дис. канд. филол. наук. Ташкент, 1969.

Зинин 1970 – Зинин С.И. Из истории антропонимической терминологии // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 24–26.

Ивашко 1995 – Ивашко Л.А. Эстетика народной речи // Севернорусские говоры. Вып. 6. СПб., 1995. С. 64 – 66.

Никонов 1967 – Никонов В.А. Личное имя – социальный знак // Советская этнография. 1967. № 5.

Никонов 1970 – Никонов В.А. До фамилий. // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 83–94.

Парфенова 1993 – Парфенова Н.Н. Русские фамилии Зауралья XVII–XVIII вв. // Русская историческая лексикология и лексикография: результаты, проблемы, перспективы. Красноярск, 1993. С. 90–92.

Полякова 1997 – Полякова Е.Н. Введение // Полякова Е.Н. К истокам пермских фамилий: Словарь. Пермь, 1997. С. 3–12.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1–8. Вологда, 1983–1999.

СЛРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–25. М.: Наука, 1975–2000.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–27. СПб.: Наука, 1966–1992.

Суперанская 1970. – Суперанская А.В. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 7–17.

Суперанская 1998 – Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М., 1998.

Уфимцева 1986 – Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принципы семиологического описания лексики. М.: Наука, 1986.

Чайкина 1984 – Чайкина Ю.И. История профессионально-должностных фамилий Вологды // Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, 1984. С. 127–148.

Чайкина 1995 – Чайкина Ю.И. Семантика экспрессивов со значением личностной характеристики в лексико-семантической системе говора. // Севернорусские говоры. Вып. 6. СПб., 1995. С. 43–49.

Чичагов 1959 – Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). М., 1959.

**ФАМИЛИИ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ АРЕАЛЕ
(материалы для Словаря фамилий Смоленского края)**

Каждый русский человек обязательно имеет личное имя, отчество и фамилию; набор этих компонентов и составляет современную структурную формулу именованного лица. В настоящее время главной единицей является именно фамилия, которая идентифицирует и выделяет человека в обществе, а также определяет его принадлежность к той или иной семье. Юридически значимым и официально различительным знаком для каждого из нас становится его ФИО – фамилия, имя, отчество: такой порядок следования антропонимов закреплён административно, обусловлен экономическими, социальными, культурными традициями и носит исторический характер. Таким образом, фамилия – это главный выделительный элемент в именовании, наследственное семейное имя, прибавляемое к личному имени и переходящее от отца (или матери) к детям. Это, по образному выражению известного исследователя русских фамилий В.А. Никонова, «флаг семьи», то, под чем объединяются члены семьи, и то, чем семьи отличаются друг от друга.

Далеко не все задумываются о происхождении своих фамилий. Привычное, обыденное, миллионы раз повторяемое с детства кажется простым, естественным, не нуждающимся в объяснении. Однако каждая, буквально каждая фамилия – это целый мир, заключённый в одном слове. Хозяйственная деятельность и духовная жизнь наших предков, сам человек и окружающая его среда, географические названия, наименования профессий, орудий и предметов труда, взаимоотношения людей, словом, вся «палитра красок нашего бытия» – все нашло отражение в основах русских фамилий. Многие слова, уже ушедшие из языка, продолжают свою «жизнь» в наших семейных именовании.

Например, мы не знаем, кто такой *Бонтяй*, но точно знаем, что он был, ибо существует фамилия БОНТЯЕВ, отмеченная только на Смоленщине. Скорее всего, она диалектная, следовательно, наиболее яркая и колоритная, так как именно фамилии с диалектными основами содержат в себе богатейшую лингвистическую, историческую, этнографическую и культурологическую информацию: это своеобразные маленькие памятники истории и культуры народа. Так, в частности, изучая основу приведенной

выше фамилии, мы найдем в Словаре смоленских говоров слово *бонт* «перекрытие на реке из связанных и закрепленных бревен» [ССГ, 1: 225] и можем предположить, что *Бонтяй* – это «человек, ставящий *бонты* на реке или изготавливающий их». Название профессии в древности стало прозвищным именем *Бонтяй*, от которого и образовалась редкая фамилия БОНТЯЕВ, выявленная нами в Дорогобужском районе Смоленской области. Кстати, в XVII веке в этом регионе памятники засвидетельствовали прозвищное имя *Бонтяй Занин*, и примеры с современным диалектным существительным *бонт* относятся также к Дорогобужу. Помимо Смоленщины, *бонт* «заграждение реки из нескольких бревен» в настоящее время известно в России только пермским говорам, то есть в местах вторичного заселения [СРНГ, 3: 96]. Может быть, смоленский *Бонтяй* в свое время переехал на Урал и стал делать *бонты*? И, может быть, в будущем уральские антропонимисты выявят фамилию *Бонтяев* и заинтересуются ее историей?

До сих пор не подсчитано – да это и невозможно! – сколько фамилий существует на Руси. Но тем не менее некоторыми антропонимистами ставится вопрос о составлении Сводного словаря русских фамилий и фамилий, бытующих в России (С.И. Зинин, В.А. Никонов и др.). Выходят в свет отдельные словари современных фамилий: «Словарь русских фамилий» В.А. Никонова (1993 г.), «Русские фамилии: популярный этимологический словарь» Ю.А. Федосюка (1996 г., 3-е издание), «Словарь современных русских фамилий» И.М. Ганжиной (2001г.) и др. И в то же время исследователи не сомневаются, что для того, чтобы детально представить складывание и функционирование системы русских фамилий в общегосударственном масштабе, составить по возможности наиболее полный и объемный Сводный словарь, необходимо всесторонне рассмотреть региональные фамильные системы, ибо, несмотря на известную общность фамилий в России, в каждой местности имеются определенные особенности и отличия: действуют различные структурные модели фамилий, встречаются именованья с диалектными основами, наблюдается различная частота бытования типов фамилий и отдельных наиболее распространенных фамилий.

В некоторых регионах ведется серьезная работа по изучению местных фамилий. Так, в Вологде Ю.И.Чайкиной издан Словарь вологодских фамилий (1995 г.), в Перми Е.Н. Полякова при поддержке Международного научного фонда Сороса опубликовала

Словарь пермских фамилий (1997 г.); исследуются тверские, поволжские, донские, сибирские фамилии.

Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ) и Администрация Смоленской области поддержали работу по составлению и изданию Словаря фамилий Смоленского края, в котором описывается фамильная система Смоленщины – одного из самых сложных в языковом отношении регионов России, имеющего яркий и колоритный корпус фамилий, во многом схожих с белорусскими.

Публикацию Словаря предварило издание двух монографий И.А. Королевой: «Из истории фамилий Смоленского края. Материалы для словаря» (Смоленск, 1996) и «Фамилии Смоленского края в прошлом и настоящем» (Смоленск, 1999). Кроме того, в печати вышел целый ряд работ того же автора, посвященных особенностям смоленских фамилий, в специальных научных изданиях и в журнале «Русская речь». Всего же собранная картотека, послужившая базой для Словаря, составляет 19880 единиц.

Для настоящей статьи мы предлагаем часть материалов, включенных в подготовленный к печати Словарь и описывающих фамилии, образованные от этнонимов и этнотопонимов.

Этноним – это название народа, нации, племени либо группы племен или народов, то есть название этноса в широком смысле, причем среди всех этнонимов выделяются автоэтнонимы (само-названия) и названия этноса, данные ему представителями других народов. Так, *English* – автоэтноним народа, который русские называют *англичане*. Этнотопоним мы можем определить как название человека, семантически восходящее к названию – автоэтнониму народа, но фактически являющееся географическим конкретизатором именованного лица (*литвин* – выходец из Литовского княжества, по национальности он может оказаться и русским, и поляком или принадлежать к одному из литовских племен). Этнотопонимы характерны для феодального общества, где они отражают идею подданства. В настоящее время примерами этнотопонимов могут служить наименования людей не по этнической принадлежности, а по их гражданству (*россияне* – не обязательно русские, а и татары, калмыки, чуваш и т.д.). Интересно, что современные этнотопонимы указывают на существующую связь человека и государственного образования. Этнотопонимы Средневековья подчеркивают некий разрыв традиции: *литвин* скорее проживал в Литве, чем живет там в момент номинации. Общая направленность на указание происхождения лица явилась причи-

ной того, что данный лексический разряд слов лег в основу фамилий.

Мы можем назвать три источника появления «этнических» фамилий.

1. Фамилия образована от этнонима, называющего человека, переселившегося в иноэтническое окружение. Фамилии **МОРДВИН** / **МОРДВИНОВ** не могли возникнуть в Мордовии (или, по крайней мере, в мордовском селе), так как там подобное именование не поможет идентификации лица. Еще одно условие: миграция инородцев в данный населенный пункт должна быть единичной.

2. Фамилия образована от этнотопонима. Например, человек действительно выехал из Литвы, назвался *литвином*, а его потомки стали именоваться **ЛИТВИНОВЫМИ**, но они не были этническими литовцами, а являлись лишь подданными литовского князя.

3. Фамилия образована от некрестильного личного имени или прозвища, совпадающего с этнонимом. Такие имена даются человеку либо при рождении, либо в более позднем возрасте и употребляются в официальных документах. Подобные имена встречаются и сейчас у различных народов: болгар (*Литвин*), чувашей (*Калмак* – «калмык»), нанайцев (*Гаоликан* – «кореец»), чеченцев (*Арби* – «араб»). А в прошлом имена, образованные от этнонимов, употреблялись и у русских: *Чудин* – «эстонец», *Козарин* – «хазар», *Угрин* – «венгр», *Рахманин* – «индус» и другие. Ныне они встречаются в составе фамилий.

На территории Смоленской области нам встретились разнообразные фамилии, образованные от этнонимов и этнотопонимов, причем по происхождению не только русские, но и украинские, белорусские, польские, литовские, грузинские, татарские, финно-угорские и некоторые другие.

АБХАЗИ. Фамилия грузинского происхождения, образованная от этнонима *абхаз*. Абхазы – народ на Северном Кавказе, основное население Абхазии. Фамилия зафиксирована в Смоленске.

АРГУНОВ. Фамилия происходит от древнерусского личного имени *Аргун*. Имя образовано от этнонима *аргун* (*аргын*) – родоплеменная группа касимовских татар. *Аргунами* называли иногда плотников из города Владимира [Суперанская].

АРНАУТОВ. Фамилия происходит от этнонима *арнаут*: так в средние века русские называли албанцев.

БАШКИРОВ. Этноним *башкир*, легший в основу фамилии, восходит к тюркскому *башкорт* (<*баш* – «главный» и *корт* – «волк»). Этноним известен с IX века.

БЕРЕНДЕЕВ. Фамилия образована от русского некрестильного имени *Берендей*. Имя происходит от древнетюркского этнонима *берендеи*. *Берендеи* жили на юго-восточной окраине Киевской Руси, как легендарный народ упоминаются в пьесе А.Н. Островского «Снегурочка».

БЕССАРАБОВ. Фамилия происходит от этнопонима *бессараб* – житель исторической области *Бессарабии*, включавшей современную территорию Молдавии и юг Одесской области Украины.

ВАРЯГОВ. Фамилия образована от этнонима *варяг*: так в Древней Руси называли скандинавов.

ВОЛОХОВ, ВОЛОШЕНКО, ВОЛОШИН. Эти фамилии восходят к средневековому этнониму *влах/волох* – житель *Валахии* (Южной Румынии). *Влах* <древнегерманское *walha* – «римлянин» [Агеева].

ВОЛЫНЦЕВ. *Волынец* – житель *Волыни*, исторической области на северо-западе Украины.

ВОТИНЦЕВ. *Вотинец* – вариант дореволюционного этнонима *вотяк* (современное название этноса – удмурты). Этноним *вотяки* означает «луговые люди» (<удмуртск. *от /од* «луг» и русск. суффикс -ЯК) [Агеева].

ГОРВАТ. Фамилия, видимо, представляет собой вариант этнонима *хорват* (*хърватъ* < древнеиранск. «страж скота») [Фасмер].

ГОРЯИНОВ, ГОРЯЙНОВ. Фамилия образована от русского некрестильного имени *Горяин* «горец». Подобные именованья первоначально являлись этнопонимами.

ГРЕКОВ, ГРЕЦКИЙ, ГРЕЧКО, ГРЕЧКОВ. Эти фамилии происходят от этнонима *грек*. Первоначально *греками* называлось одно из эллинских (древнегреческих) племен, живших на северо-западе *Греции*, в Эпире. Впервые перенесли название племени на весь народ римляне в начале нашей эры.

ГРУЗИН, ГРУЗИНОВ. Фамилия образована от этнонима *грузин* неизвестного происхождения.

ДЖАВАХИШВИЛИ. Грузинская фамилия, зафиксированная в Смоленске. Она образована от названия этнической группы грузин *джавахи* и форманта –ШВИЛИ (грузинск. «ребенок», «рожденный от»).

ДИКОПОЛЬЦЕВ. Фамилия происходит от этнонима *дикополец* – житель Дикого поля. *Дикое поле* – историческая область, засе-

ленная русскими к концу XVI века (ныне – территория Воронежской, Белгородской, Липецкой и др. областей).

ДОНЦОВ. Этнотопонимом *донец* назывались донские казаки.

ЕВРЕИНОВ. Фамилия образована от этнонима *евреин* – «еврей». Этноним имеет церковнославянское происхождение и восходит к древнееврейскому *иври* «перешедший через что-либо» [Агеева].

ЖМУД. Древнерусский этноним *жмудь*, легший в основу фамилии, восходит к названию литовского племени *жемайты* «люди низины», «нижние люди» [Агеева].

ЗАПОРОЖЕЦ. Этнотопонимом *запорожец* назывались украинские казаки, жители Запорожской Сечи. Фамилия вряд ли связана с названием города Запорожье, т.к. этот топоним существует лишь с 1917 года.

ЗЫРЯНОВ. Фамилия происходит от этнонима *зыряне* (<финское «край», «жители окраины»). Так до революции называли народ коми [Агеева].

ИНОЗЕМЦЕВ. Название или прозвище *иноземец* – житель других земель – видимо, можно считать своеобразным этнотопонимом, восходящим к эпохе, когда человек еще не мог различать окружающих его другие народы.

КАЗАРИН, КАЗАРИНОВ. *Казарин* – древнерусское личное имя, образованное от этнонима *хазар*. *Хазары* жили в VII–X веках в междуречье Дона и Волги.

КАЛМЫК, КАЛМЫКОВ, КОЛМАКОВ, КОЛМЫЧКОВ. Эти фамилии происходят либо от личного имени *Калмык*, либо от этнонима. *Калмыки* – монголоязычный народ, с XVII века заселивший степи в низовьях Волги. Этноним происходит от калмыцк. *хальмг*, восходит к тюркскому «остаток»; словом *калмык* называли калмыков-ойратов, не принявших ислам. Это неприятие и вызвало переселение народа из юго-западной Монголии в Россию.

КАРЕЛА, КАРЕЛИН. Фамилии образованы от этнонима *карел*, *карела* – карел, финн или вообще жители Ладоги и Прионежья. Происхождение этнонима неясно.

КИРГИЗОВ. Фамилия происходит от этнонима *киргиз* – русское дореволюционное название казахов.

КИТАЕВ, КИТАИН, КИТАЙКИН. Эти фамилии ведут свое начало от личного имени или прозвища *Китай* – китаец. Русский этноним *китайцы* происходит от названия тюркского племени *кидани*. Имя *Китай* могло произойти и от названия одного из пле-

мен казанских татар – *катай*. Б.Унбегаун считает, что имя *Kutai* является народным вариантом канонического имени Тит.

КОШКАРОВ. Севернорусская фамилия, зафиксированная в Смоленске. В 1452 году войска московского князя сожгли Кокшаров Городок на реке Кокшеньга (бассейн Северной Двины). Этнотопонимом *кокшары* назывались потомки жителей этого средневекового поморского городка. Фамилия происходит от этнотопонима [Никонов].

КАРАТАЕВ, КОРОТ, ЭВ. Фамилии образованы от древнерусского личного имени *Коротай*. *Коротай* – «человек в короткой одежде» [Суперанская]. Но эти фамилии могут восходить и к этнониму *каратай* (самоназвание группы мордвы в Татарии).

КУРШЕВ. *Курши* – древнелитовское племя. Этноним происходит от литовского *kurtj* «разводить огонь» [Агеева].

КРИВИЧЕВ. Фамилия образована от восточнославянского этнонима *кривичи*, который, видимо, представляет собой патронимическое образование от имени *Крив*. *Кривичи* жили в верховьях Западной Двины, Волги и Днепра. «Повесть временных лет» называла Смоленск городом *кривичей*. Интересно, что древний этноним жив и сейчас в составе фамилий, а также в литовском языке, в котором Россия и сейчас называется *Krievija* «страна кривичей» [Агеева].

ЛАТЫШЕВ. Фамилия происходит от этнонима *латыш*, восходящего к прибалтийскому гидрониму *Late* [Агеева]. Между Латвией и Смоленщиной были тесные связи, и еще в начале XX века в Смоленской области существовали компактные поселения латышей, например, Велино в Смоленском районе, Кошжурино в Демидовском районе и др.

ЛИТВИН, ЛИТВИНЕНКО, ЛИТВИНЕНКОВ, ЛИТВИНЕЦ, ЛИТВИНОВ, ЛИТВИНОВ, ЛИТВИНЦЕВ, ЛИТВИНЧУК, ЛИТВИНЧУКОВ, ЛИТОВЧЕНКО, ЛИТОВЧЕНКОВ. Эти фамилии своим происхождением обязаны очень распространенному средневековому этнотопониму *литвин*. Этимологически этнотопоним восходит к литовскому *lieti* «лить». Река *Leituvā* – «плюющаяся» – дала название стране *Литва*. Относительно значения этнотопонима единого мнения нет. Под *литвинами* понимались литовцы, белорусы, русские. Мы считаем, что этнотопоним *литвин* фиксирует принадлежность лица к территориям Великого княжества Литовского, но не обязательно указывает на национальность носителя.

ЛИТВЯК, ЛИТВЯКОВ, ЛИТВЯЧЕНКО. Фамилия происходит от этнонима *литвак* – литовский еврей.

ЛОПЫРЕВ, ЛОПЫРЬ. Фамилии образованы от прозвища *Лопырь*. Оно может происходить от этнонима *лопарь* – «лапландец, саам». Древнерусское название народа саами *лопь* восходит к финскому *Loppi* «житель конца земли». Прозвище *Лопырь* может иметь и не этнонимичное происхождение [Агеева].

ЛЯХИМЕЦ, ЛЯХОВ, ЛЯХОВЕЦ, ЛЯХОВИЧ, ЛЯХОВКО, ЛЯХОНИН, ЛЯШЕНКО, ЛЯШЕНКОВ, ЛЯШЕНОК, ЛЯШКЕВИЧ, ЛЯШКО, ЛЯЩУК. Фамилии происходят от этнонима *ляхи*. Первоначально *ляхами* (<древнеславянское *lech/lach* «человек пустоши») называлось одно из польских племен в Силезии [Агеева]. В средние века на Руси этноним *лях* стал использоваться для обозначения поляков вообще. В.А. Никонов считает, что этноним *лях* часто использовался в качестве прозвища, например, для человека, перенявшего какую-либо польскую черту в одежде. Также *ляхами* называли не только энических поляков, но и всех подданных Польского государства, то есть именование могло служить и этнотопонимом.

МАЖАР, МОЖАР, МОЖАРОВ. Если эта фамилия не является обрусевшим вариантом украинской фамилии МАЖАРА («телега») [Унбегаун], то она может быть образована от этнонима *мажар*. *Мажарами* называлась группа татар в Касимовском ханстве (существовала до конца XVII в.).

МАЗУР, МАЗУРЕК, МАЗУРЕНКО, МАЗУРИН, МАЗУРКЕВИЧ, МАЗУРОВ. Фамилии восходят к этнониму *мазур* – житель области *Мазурия* на северо-востоке Польши. Возможно и другое происхождение отдельных фамилий ряда: *мазурек* «карманный вор» [Даль].

МАСКАЛЕВ, МОСКАЛЕВ, МОСКАЛЕНКО, МОСКАЛЕЦ, МОСКАЛЬКОВ. Фамилии происходят от украинского этнотопонима *москаль* – житель Московского государства, как правило, русский, но возможно и другое истолкование этнического происхождения: смешанный русский, представитель какой-либо народности, проживающей в России. Слово *москаль* отмечено и с более узким значением – «москвич», и с переходным экспрессивным – «плут, мошенник» [Даль].

МЕЩЕРЯКОВ. *Мещеряк* – житель исторической области *Мещера*. Она располагалась в среднем течении реки Ока, восточнее Рязани. В Мещере проживал одноименный народ, родственник мордвы и марийцам (финно-угорская группа языков). В XV–XIX веках *мещера* постепенно слилась с татарами, мордвой, русскими.

МИШАРИН. Фамилия, вероятно, восходит к этнониму *мишари* – этническая группа казанских татар.

МОРАВСКИЙ. Фамилия топонимического происхождения, но топоним *Моравия* (историческая область Чехии) образовался от этнонима *моравы* – древнее западнославянское племя.

МОРДВИН, МОРДВИНЕНКО, МОРДВИНОВ. Этноним *мордвин*, легший в основу этих фамилий, произошел от восточнофинского *морд/морт* «люди» и русского суффикса -ВА со значением собирательности [Агеева].

НАГАЕВ, НОГАЙЦЕВ. Фамилии образованы от этнонима *ногаи/ногайцы*. *Ногайцы* – тюркоязычный народ, живущий в Ногайской степи на стыке Дагестана, Чечни и Ставропольского края. В русских акающих говорах использовалась форма *нагаи*.

НЕМТИНОВ, НЕМЦЕВ, НЕМЦЕВИЧ, НЕМЦОВ, НЕМЦОВИЧ, НЕМЧЕНКО, НЕМЧЕНКОВ, НЕМЧУК, НЕМЧУКОВ. Данные фамилии восходят к этнонимам (или этнотопонимам) *немтин/немец*. *Немцами* первоначально на Руси называли не только жителей Германии, но и всех иностранцев, людей, говорящих неясно. Этимологически этноним восходит к слову *немой* [Агеева].

Далее материал (по алфавиту) по фамилиям, образованным от этнонимов и этнотопонимов, представлен в названном Словаре фамилий Смоленского края. В корпусе современных фамилий Смоленщины фамилии «этнической» группы немногочисленны, но они весьма познавательны и информативны: по их основам в определенной мере можно представить себе состав населения края в прошлом и миграционные процессы среди жителей старой России.

ЛИТЕРАТУРА

Агеева – Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990.

Ганжина – Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий. М., 2001.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. I–IV.

Никонов – Никонов В.А. Словарь русских фамилий. М., 1993.

Полякова – Полякова Е.Н. К истокам пермских фамилий: Словарь. Пермь, 1997.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., 1965–2001. Вып. I–29.

ССГ – Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1975–2001. Вып. I–9.

Суперанская – Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М., 1998.

Унбегаун – Унбегаун Б.О. Русские фамилии. Изд. 1-е. Лондон, 1972; изд. 2-е. М., 1995.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод и дополнения О.Н. Трубачева. М., 1964–1973. Т. I–IV.

Федосюк – Федосюк Ю.А. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. М., 1981 (2-е издание); 1996 (3-е издание).

Чайкина – Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии: Словарь. Вологда, 1995.

**ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ НЕКАЛЕНДАРНЫХ ЛИЧНЫХ ИМЕН,
ПРОЗВИЩ И ФАМИЛЬНЫХ ПРОЗВАНИЙ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ XV–XVII ВЕКОВ**

В настоящее время имеется целый ряд работ по этимологии фамилий (Н.А. Баскаков, М. Войтович, С.И. Зинин, В.А. Никонов, О.Н. Трубачев, Б.О. Унбегаун, Ю.А. Федосюк, Ю.И. Чайкина и др.). Однако, как справедливо замечают исследователи, таких работ еще явно недостаточно.

Практически нет региональных этимологических словарей именований, функционировавших в донациональный период (некалендарных личных имен, прозвищ, фамильных прозваний). А между тем такие словари дают возможность выявить динамику изменения именника определенной территории, вхождения в него новых имен, определить в нем постоянные составляющие на протяжении столетий, изучить основы именований и др.

Исторические ономастические материалы, относящиеся к территории Карелии XV–XVII веков и сопредельным с ней областям, еще не были представлены для целей ономастической лексикографии. Источником сбора материала послужили опубликованные местные деловые документы северо-западной средневековой Руси – это писцовые книги Обонежской пятины 1495 г., 1563 г., 1582–1583 гг. и Водской пятин 1539 г., 1568 г., дозорные книги Лопских погостов конца XVI века, а также различного рода акты – грамоты, челобитные, дела, описи и пр. документы, поступавшие в Олонецкую приказную избу, в Соловецкий монастырь, Строкину пустынь от жителей Карелии в XV–XVII веках.

Всего в картотеке более 17 тысяч карточек. По материалам картотеки составлен ономастикон; в него включено более 2500 некалендарных имен, прозвищ, фамильных прозваний. Ономастикон и послужил базой для создания данного словаря.

Неоднородность ономастического материала, его уникальность потребовали индивидуального подхода к составлению практически каждой **словарной статьи**.

Материал располагается в алфавитном порядке. **Заглавное слово** стоит в форме именительного падежа единственного числа и представляет собой **патронимную форму** с формантами **-ов, -ин, прозвище** или **некалендарное личное имя**. В ряде случаев заглавное слово дано со звездочкой (*). Это значит, что фамиль-

ное прозвание или прозвище на территории Карелии не зафиксировано, но оно представлено в посессивном ойкониме, который следует за заглавным словом в квадратных скобках, например: ***Колтырев [Колтыревская]** (дер. на Горке словес Микитинская Килмашка да *Колтыревская*, п. Важинский, 1563 г., ПКОП, 90). Варианты именований (фонетические, словообразовательные, морфологические) располагаются в круглых скобках: **Лобоев (Лобуев), Ногаткин (Нагаткин), Ровдуженин (Ровдуженинов), Колюбакин (Кулебакин), Дягилев (Дягилин)** и др.

Вслед за заглавным словом идет цепочка. Если заглавное слово является фамильным прозвищем, то далее следуют 1) прозвище, апеллятив (**КОРЕПАНОВ ← Корепан ← корепан**); 2) некалендарное личное имя, апеллятив (**ПЕРВУШИН ← Первуша ← Первый ← первый**). Если заглавное слово является прозвищем, то далее следует апеллятив (**ЛУСТА ← *луста**). Затем из ономастикона приводятся конкретные носители некалендарного личного имени, прозвища или патронима; дается указание на социальное положение, профессию именуемого (если в памятниках письменности содержится такая информация), ареал распространения именования (по погостам), дату упоминания в местных письменных документах, источник, например:

ЗАЖОГИН ← Зажога ← *зажога

Ср.: Васюк да Лашук Ивановы дети *Зажогина*, крестьяне, п. Толвуйский, 1563 г., ПКОП, 141

или

КАПШАКОВ ← Капшак ← *капшак

Ср.: Исачко Ондреев сын *Капшаков*, 1587 г., грамота, Гейман, 299.

Наряду с фамилиями, известными на территории Карелии с XV века, используются материалы по другим регионам Древней Руси, в данном случае используются сведения из ономастиконов Н.М. Тупикова и С.Б. Веселовского и работ ономастов, посвященных исторической региональной антропонимии. Например:

БАЕВ ← Бай ← *бай-

Ср. Карп Бает, мастер, обыск, 1663г., Мюллер, 156.

Именования *Бай* и *Бает* известны в XIV–XVII вв. в Новгороде, Москве [Веселов. : 19; Житников 1989: 132].

Затем приводится этимология онима. С этой целью привлекаются материалы исторических, диалектных, этимологических сло-

варей, словарей современного русского литературного языка, используются работы диалектологов, этимологов, фольклористов, а также ономастов, которые представили внутреннюю форму того или иного именованного в статьях или в лексикографических ономастических источниках (например, см. словари Н.А. Баскакова, В.А. Никонова, Ю.И. Чайкиной, Б.О. Унбегауна, Ю.А. Федосюка и др.). Если для объяснения появления именованного используются только данные современных говоров или русского литературного языка, а данные из памятников письменности донационального периода отсутствуют или имеются лишь косвенные подтверждения существования нарицательного имени в прошлом, то над апеллятивом, который послужил основой именованного, ставится звездочка (*). Считается, что такой апеллятив восстановлен для лексико-семантической системы языка прошлого. Современные диалектные лексемы, омонимичные именам собственным, отмеченным в памятниках письменности, одновременно являются внутренней формой того или иного антропонима. При этом мотив именованного следует считать гипотетическим, поскольку имя собственное, взятое из памятников письменности, и диалектный апеллятив разделены значительным временным промежутком (5–6 столетий). Например,

БИБИКОВ ← **Бибик** ← ***бибик**

Ср. Михаил **Бибиков**, грамота, п. Пиркинический, 1598 г., Гейман, 361.

В XV веке в Твери зафиксирован Федор Микулич **Бибик**, от него – **Бибиковы**, в XVI–XII вв. жили в Арзамасе (Веселов., 38).

В современных *псковских* говорах **бѹбиком** называют человека, имеющего какой-то физический недостаток [СРНГ, 2: 289]. В прошлом мог существовать подобный мотив именованного.

Довольно часто антропоним соотносится с многозначным современным диалектным апеллятивом. Практически каждое из значений такого апеллятива считается возможной внутренней формой антропонима. В этом случае каждый мотив именованного дается под номером. При этом в первую очередь учитываются данные, зафиксированные в русских говорах Карелии. Например, патроним **Базлов** соотносится в конечном итоге с апеллятивом **базлѹ**, который в современной диалектной лексической системе представлен следующими лексико-семантическими вариантами, характеризующими морально-этические качества лица: 'крикун, горлодер, плакса' *твер.*, *ярос.*, *перм.*, *свердл.*, *обск.*, 'врун, об-

манщик' *олон.*, *пуд. Карелия, новг.*; 'злой человек, злюка' *самар.* и др. [СРНГ, 2: 50; Фасмер, I: 106; Веселов.: 20]. Думается, что любое из названных значений могло служить внутренней формой имени собственного. Однако в первую очередь антропоним связываем с региональным значением слова **базл** 'врун, обманщик', известным русским говорам Карелии, ср. также с *пудожским базловать* 'хвастаться' [СРНГ, 2: 50]. Но в то же время не следует сбрасывать со счетов и другие значения этого апеллятива, не связанные с территорией Карелии.

В конце словарной статьи указывается на сохранность данного именованья в основах современных фамилий.

Приведем примеры подобных словарных статей:

БАСАРГИН ← Басарга ← *басарга

Ср.: **Басарга** Федоров с. Леонтиев, Сумская вол., запись, 1569/70 г., отпись, 1569 г., АСМ, 213, 216; Иван **Басарга**, Ивановский трапезник, Строкина пуст., 1582 г., ИОИОГ, 1914 г., № 6–7, 50.

В 1520 году в Переяславльских документах упоминается старец Чудова монастыря Тихон **Басарга**, в XVI–XVII веках зафиксированы в Переяславле и Владимире вотчинники **Басаргины**, в Белеве – крестьяне [Веселов.: 26].

1. В современных говорах находим **басарга** 'пугливая, неприрученная овца' *нижегор.*, 'овца' *Ср. Урал* и **басарга** 'глупый или несерьезный человек' *нижегор.*, *свердл.* [СРНГ, 2: 128].

2. Кроме того, известно слово **басарга** в значении 'проворный и ловкий человек' *елад.*, 'прозвище проворной женщины' *орл.* [СРНГ, там же].

3. В.А.Никонов соотносит фамилию Басаргин, записанную на Онеге, с известным *архангельским* говорам апеллятивом **басарга** 'трава, негодная на корм' [Никонов 1988: 49, 56].

Фамилия сохранилась в современной ономастической системе [АК: 78].

КЕРЕЖА ← кережа

Ср.: Васюк **Кережа**, кр-н, л. Венецкий, 1563 г., ПКОП, 243.

1. В русских говорах Карелии **керэжа** 'брюхан, обжора; толстый, неповоротливый человек' *медв.*, *канд.* [СРГК, 2: 340; СРНГ, 13: 185], ср.: «Этакой *кережы* ня накормишь» (*медв.*). Апеллятив **керэжа** образован способом нулевой суффиксации от глагольной основы **керэжить** 'жадно есть' [Доля, Кривонкина 1976: 4], ср. с *карел. kero* 'пасть, глотка, горло' [Фасмер II: 224]. Кроме того, в

говорах находим **керэжий** 'некрасивый' *медв. Карелия* [Карт. ПГУ], вероятно, производное от **кережа** 'о толстом, неповоротливом человеке'.

2. Возможна связь с известным севернорусским говорам апеллятивом **кэрежа, керёжа, керэжа** 'сани в виде узкой лодочки на одном полозе, иногда крытые' *арх., олон., белом., кем. Карелия, онеж. арх.* [Подвыс.: 65], *мурм.* [СРНГ, 13: 185], *пудож.* [Куликов.: 36], близкое значение зафиксировано в памятниках письменности [СлРЯ XI–XVII, 7: 118], заимствованное из *саамск. п. kierres* 'сани' [Фасмер, 2: 224].

3. Ср. также: **керёжа** в *беломорских* говорах Карелии это еще и 'рыболовная снасть', значение известно с древности [СРНГ, 13: 185; СлРЯ XI–XVII, 7: 118; Карт. ПГУ].

Фамилия сохранилась в современной ономастической системе [АК, с.123].

Часть именований, описываемых в Словаре, образована на ономастическом уровне, в основном это некалендарные личные имена.

Например, фамильное прозвание **БЕССОНОВ** ← **Бессон**. **Бессон** – распространенное некалендарное личное имя, которое могло возникнуть на ономастическом уровне. Так могли прозвать беспокойного младенца, который не давал спать по ночам. Ср. в др.-русск. **бессоние** 'отсутствие, лишение сна', **бессонный** 'недремлющий', 'страдающий бессонницей' [СлРЯ XI–XVIII, 1: 171]. В наших материалах зафиксированы **Безсон** Агапитов с., кемлянин, закладная, 1581г., Гейман, 276, 277 (вероятно, о нем же – в послухах **Безсонец** руку приложил, Кемская вол., закладная, 1581 г.); отмечены также **Безсонец** Иванов с., каргополец, вол. Водлозерская, купчая, 1578 г., там же, 265; Якуш **Безсонов**, кр-н, п. Кижский, 1563 г., ПК ОП, 125; Суторма Васильев с. **Безсонов**, ключник, 1571 г., АСМ, 238 (он же – Суторма **Безсоньев**, государев ключник, память, п. Выгозерский, 1573 г., Гейман, 224). С.Б. Веселовский приводит интересный факт – во второй половине XV века в Переяславле жил мелкий вотчинник Иван **Безсоньев**, его потомки писались сначала **Безсоньевыми**, а потом **Безсоновыми** [Веселов.: 33].

Именование **Бессонец** образовано также на ономастическом уровне от имени **Бессон**. Цепочка после заглавного слова будет заканчиваться именем **Бессон (Бессонов ← Бессон)**.

На ономастическом уровне могли быть образованы и некоторые прозвища. Так, патроним **Балакшин**, зафиксированный в па-

мятников письменности Карелии XVI века, восходит к прозвищу **Балакша**, которое, по нашему мнению, образовалось сразу на ономастическом уровне от антропонима **Балака** путем присоединения к основе на твердый согласный суф. *-ша*: *Балак- + -ша* (ср.: *Бак-ша, Нел-ша, Марак-ша* и др. некалендарные именованья, построенные по той же словообразовательной модели; см. [Толкачев 1977: с.110]. Мотив именованья, следовательно, связан с лексическим значением апеллятива **балáка** 'болтун, говорун, болтунья, говорунья' *ярос., влад., ряз.*; 'шутник, балагур' *смол.* [СРНГ, 2: 69], образованным от глагола **балáкать** 'болтать, молоть чепуху' без указ. места [Фасмер I: 112], 'говорить хорошо, толково, правильно' *арх.* [СРНГ, 2: 70]. Ср. также с однокоренными **балáкирь** 'шутник, веселый рассказчик' *калуж.*, **балáкарь** 'болтун, говорун' без указ. места, 'шутник, балагур' *калуж., курск.*, **балакúха** 'болтунья' *курск.* [СРНГ, 2: 69–70].

Для части прозвищ мы не находим в различных лексикографических источниках омонимичных им названий лиц. Памятники письменности и современные говоры сохранили лишь экспрессивные глаголы, которые помогают сделать предположение о мотиве именованья. В этом случае степень гипотетичности мотива именованья более низкая, нежели у именованья, имеющих соответствующее нарицательное существительное в памятниках письменности или в говорах. Например, в документах XVI века отмечены Ондрейко **Брыкин** (кр-н, п. Важинский, 1563 г., ПКОП, 91); Якуш **Брыкин** (кр-н, п. Никольский в Ярославичах, там же, 248). С уверенностью можно утверждать только то, что в основе патронима находится прозвище **Брыка**, а предполагаемый апеллятив **брыка** ни в исторических документах, ни в современных диалектах не зафиксирован. В говорах отмечен только экспрессивный глагол **брыкать** 'беспорядочно бросать, разбрасывать что-либо' *самар.*, 'бросать с пренебрежением' *пенз., тамб.*, 'упасть, свалиться с ног' *калуж., ворон., тамб.*, 'слечь в постель, умереть' *ворон.* и др. [СРНГ, 3: 215]. Кроме того, памятникам письменности с 1641 года известно слово **брыкаться** в значении 'брыкаться' [СлРЯ XI–XVII, 1: 341]. В современном просторечии известно слово **брыкливый** 'имеющий свойство, обыкновение брыкаться'. Можно сделать предположение 1) о возможности существования в прошлом названия лица **брыка**, которое имело значение, прямо отражающее действия лица – 'тот, кто делает резкие движения ногами', не исключается, что название отражало качества характера человека, так могли назвать неуживчивого

человека, драчуна, спорщика. Название лица по каким-то причинам пока не зафиксировано в современной диалектной системе. 2). Прозвище **Брыка** возникло от экспрессивной глагольной основы. Следовательно, и цепочка после заглавного слова должна выглядеть следующим образом **Брыкин ← Брыка ← *брык-**.

Причины возникновения ряда именований пока не имеют объяснения. На наш взгляд, при их описании следует различать термины «*этимология именования*» и «*мотив именования*». Под «этимологией» имени или прозвища подразумевается тот апеллятив, к которому восходит имя собственное. Так, вполне очевидно, что фамильное прозвание **ДЫМОВ** (Иван **Дымов**, Микита **Дымов**, крестьяне, ружники, п. Шуньгский, челобитная, 1664 г., Мюллер, 177) образовано от прозвища **Дым**, которое в свою очередь восходит к нарицательному **дым**, т.е. этимология имени прозрачна. А вот почему человеку дано такое прозвище, т.е. какой мотив именования стоит за ним, выяснить не удалось. Мы можем построить множество предположений о мотиве именования, но вряд ли он был связан с известными в др.-русск. языке **дымъ** 'дым', 'очаг, дом, двор как окладная единица' [СлРЯ XI-XVII, 4: 394]. Возможно, именование отражало какие-то внешние особенности лица (например, курчавые волосы, седые волосы) или качества характера (ср. с выражением *разругаться в дым*). Может быть, это было охранный имя, которое отражало языческие верования: дым, как и огонь, был призван хранить домашний очаг, семейную жизнь, мир и счастье членов семьи и самого именуемого и прочие и прочие предположения. На неясность мотива именования указывает и В.А. Никонов [Никонов 1993: 37].

По сходным причинам непонятен мотив именования у прозвищ **БАНЕВ, ДУНАЙ, Желоб** (→ **ЖЕЛОБОВ**), **Завалиша** (→ **ЗАВАЛИШИН**), **Искра** (→ **ИСКРИН**) и под. В этом случае в статье Словаря указывается, что мотив именования неясен.

Для именований **БЕБЕНЯ, БИРЛЮГИН** (← **Бирлюга**), **ВАЛХА, ВАЛЫГИН** (← **Валыга**), **ВЕЛЕДЕЙКО, ВИГЛОХА, ВОШНЯК, ДОПАЖАНИК, ЕЛТА, ЗЕЛ, ИЗВИУРОВ** (← **Извиур**) и под. невозможно выяснить этимологию имени. Предполагаемые соответствующие антропонимам апеллятивы (**бебенья, бирлюга, валыга, виглоха, вошняк, допажаник, елта, жулеба, извиур**) нигде не зафиксированы. Возможно, некоторые имевшиеся в древности названия лиц уже навсегда утрачены языком. Кроме того, экспрессивные названия лиц – наиболее трудный объект диалектологических изысканий, поэтому можно предположить, что некото-

рые экспрессивы хранятся в говорах, но пока не зафиксированы в соответствующих словарях. Не исключается в данном случае и описка писца (в наших документах *Вериган* вместо *Веригин*) или неверное прочтение слова в документе современными исследователями. В этом случае в статье дается указание, что этимология имени не выяснена.

Подчеркнем, что составление таких словарей актуально по ряду причин.

Прежде всего, они являются своеобразной «энциклопедией русской души», поскольку помогают сделать предположения о жизненных ценностях наших предков. Отапеллятивные прозвища выполняли в прошлом не только индивидуализирующую и характеризующую функции, но и, возможно, являлись средством магической профилактики. Этим можно объяснить большое количество именований с «отрицательной» внутренней формой, именований с обидными названиями лиц в основе. Такие именования характеризуют при этом не только носителя имени, но и самого номинатора.

Для ряда именований мы можем сделать предположение о национальной принадлежности лица. Опорой в данном случае являются материалы исторических и современных диалектных словарей. Например, именование **Кеттуев** (Василей Родионов сын **Кеттуева**, 1571 г., АСМ, 235) мог носить только карел, так как соответствующий апеллатив активно употребляется только в прибалтийско-финских языках и диалектах, ср. *фин.* *kettu* 'лиса' или *карел.* *kettu* 'пленка' [СКЯ, Ливв.: 136; Мамонтова 1988: 226]. В русских говорах Карелии апеллатив отсутствует. Именование **Кеттуев** имеется в современной ономастической системе Карелии [АК: 123, 352]. Имеется и в финском ономастиконе – **Кеттунен** (*Kettunen*) [Uusi Suomalainen nimikirja 1988: 421]. Именование **Гуйкиев** мог носить как русский, так и прибалто-финн. Ср. с апеллативом **гуйка**, к которому восходит антропоним. Эта основа отмечена и в *карел.* *guikk* 'птица нырок', *ливв.* *kuikku* 'гагара', *фин.* *kuikka* 'то же' [СКЯ, Ливв.: 161; Фасмер II: 403]; известно слово **гуйка**, **гуёк**, **куйка**, **куёк** в русских говорах Карелии и сопредельных областях [Фасмер II: 403]. Фамилия **Гуйкина** отмечена в современной ономастической системе Карелии [АК: 100].

Определенная часть фамильных прозваний, зафиксированных в письменных документах, сохранилась до наших дней в именовании современных жителей г. Петрозаводска и Карелии.

Сравните фамилии современных жителей Заонежья в Карелии с именованиями, отмеченными в памятниках письменности:

Современные фамилии, их фиксация	Именования в памятниках письменности
Воронцовы – Толвуя, Шуньга	Иванко Федоров <i>Воронец</i> , кр-н, п. Толвуйский, 1563 г., ПКОП, 143
Клубовы – Толвуя	Васюк Иванов <i>Клуб</i> , кр-н, п. Толвуйский, 1563 г., ПКОП, 141; Сидорко <i>Клубов</i> , 1582-1583 гг., КЗПОП, 168
Мурашovy – Толвуя	<i>Мураш</i> Федко Семенов, кр-н, п. Толвуйский. 1582-1583 гг., КЗПОП, 171
Огарковы – Шуньга	<i>Озарок</i> Остафьев, п. Шуньгский, Дозорная кн., 1593 г., Гейман, 341, 343
Овчинниковы – Толвуя, Шуньга	Гридка <i>овчинник</i> , п. Шуньгский, 1496 г., ПКОП, 6; Иванко да Онисимко Панфеловы <i>Овчинниковы</i> , кр-не, п. Шуньгский, 1563 г., ПКОП, 148
Рубцовы – Толвуя	Васька <i>Рубец</i> , кр-н, п. Шуньгский, отдельные кн., 1594 г., Гейман, 342–343; Миронко <i>Рубцов</i> , Васюк <i>Рубцов</i> , кр-не, Толвуйский, 1563 г., ПКОП, 141, 142
Хабаровы – Толвуя	Ефремко <i>Хабар</i> , кр-н, п. Толвуйский, 1563 г., ПКОП. 141
Чугин – Шуньга	Михайло Федоров <i>Чюгин</i> , п. Кижский, челобитная, 1677 г., Мюллер, 240

Словарь предназначен для специалистов в области ономастики, лексикологии, а также и для более широкого круга читателей, которые интересуются этимологией своего имени, истории рода.

Приведем образцы некоторых словарных статей.

БАЧУРИН ← Бачура ← Бача ← *бача

Ср. Коска **Бачюрин**, кр-н, п.Оштинский, 1496 г., ПКОП, 32; Фетко **Бачюрин**, кр-н, п. Кижский, 1563 г., там же, 127; Павелко **Бачюрин**, кр-н, п.Городенский, 1568 г., ПКВП, 85; Истома **Бачюрин**, отпись, 1569 г., запись, 1569/70 гг., Сумская вол., АСМ, 213, 216; Васюк **Бачюрин**, грамота, 1543 г., АСМ, 61.

Прозвище **Бачура** упоминается в новгородских документах XVI века [Веселов.: 30].

1. Фамильное прозвание **Бачурин** образовано от квалитатива **Бачура**, который в свою очередь восходит к прозвищу **Бача** (ср.: **Бача**, холоп, 1539г., Новгород [Веселов.: 29]). Непродуктивный суф. -ур(а) используется обычно в образовании форм от календарных имен, например, *Нюра* (от *Анна*). Мотивом именования могло послужить значение 'болтливый человек', ср. с однокорен-

ным **бáчить** 'говорить, болтать' *новг., костр., вят., ряз.* [Даль; Фасмер I: 138].

2. Другую версию образования этой фамилии дает Б.О. Унбегаун. По его мнению, фамилия связана с тюркским *bajcura* 'богатый, могущественный' [Унбегаун 1989: 292].

Фамилия сохранилась в современной ономастической системе Карелии [АК: 78].

ВАРАКСИН ← Варакса ← *варакса

Ср.: Прокофий **Вараксин**, помещик, челобитная, 1643 г., Мюллер, 51.

По другим территориям известны Лева и Никита Ивановичи **Вараксины**, помещики, 1498 г., Новгород; **Варакса** Онисимович Карцов, 1559 г., Звенигород; **Вараксины**, XVI – XVII вв. [Веселов.: 62].

1. Ср. с апеллятивом **варакса**, зафиксированным в современных говорах: Во *владимирских* говорах **варакса** 'неряха, пачкун, пачкунья' [СРНГ, 4: 43], **варакать**, **варакать** 'марать, писать каракули' без указ. места [Фасмер I: 273–274], **варакосить** 'делать небрежно' *олон.* Карелия [Куликов.: 8; Фасмер I: 274]. Ю.С. Азарх отмечает, что девербатив **варакса** (как и *плакса*) с суф. -с- входил в разряд слов общего рода старорусского языка [Азарх 1981: 127].

2. Мотив именования мог быть связан со значением 'ленивый человек', ср. **варакса** 'тот, кто плохо работает' без указ. места, Даль [СРГК, 4: 43], **варакосить** 'делать небрежно' *олон.* [Куликов.: 8; Фасмер I: 274].

Фамилия сохранилась в современной ономастической системе [АК: 87].

***ВАРЛЫГИН Варлыгино ← Варлыга ← *варлыга**

Ср.: дер. **Варлыгино**, п. Сакульский, 1568 г., ПКВП, 140.

Ср. **варлыга** 'ленивый человек, лентяй, лентяйка' *волог., вят., твер., барнаул.* говоры [СРНГ, 4: 55].

ВОМИН ← Вома

Ср: Фефилко **Вомин**, кр-н, п. Выгозерский, 1563 г., ПКОВ, 161.

Этимология неясна.

ВЯНЬГИН ← Вяньга ← *вяньга

Ср.: Кузма **Вянгин**, п. Шуерецкий, 1563 г., ПКОВ, 116.

1. Ср. **вяньга** 'нытик, плакса' ладож., петерб., нижегор. [СРНГ, 6: 79], производящей основой которому послужил глагол **вяньгать** 'ныть, хныкать, жаловаться на судьбу, надоедливо просить о чем-л.' *олон., перм., вят., иркут., забайк.* [СРНГ, 6: 79]. Глагол

заимствован из *фин. vinkua, карел. vungua* или *фин. vānkyä* 'плакать' [Фасмер I: 292].

2. Кроме того, **вяньгать** 'говорить вяло, невнятно, растягивая слова как бы неохотно' *олон., новг., свердл., юж.-сиб.* [СРНГ, 6: 79].

3. В русских говорах Карелии известен также глагол **вянькать** 'болтать, пустословить' *кирил.* [СРГК, 1: 320].

ГУНДОРОВ ← Гундор ← *гундор

Ср.: Яков **Гундор**, купчая, 1555 г., АСМ, 124; Иван Васильевич **Гундоров**, князь, грамота, 1564 г., там же, 182.

По другим территориям – **Гундор** Васильевич Тетерин, 1530 г., Ростов; Федор Федорович **Гундор** Мичурин, 1531 г., Галич; **Гундор** Михайлович Братцев, 1545 г., Новгород; князя Иван и Андрей Федоровичи Пестрого-Стародубские, оба **Гундоровы**; кн. Иван Федорович **Гундор** Палецкий [Веселов.: 91].

1. Ср. в говорах **гундора** 'толстый, неповоротливый, с тяжелой походкой человек' *новг., моск.* [СРНГ, 7: 232].

2. Ср. **гундора** 'болтун, болтуня' без указ. места, Даль [СРНГ, 7: 232] и **гундорить, гундорить** 'говорить, болтать' *твер.* [СРНГ, там же].

3. Мотив именования мог быть связан со значением 'назойливый человек', ср. в говорах **гундорить** 'клянчить, ное, надоедая' *свердл.* [СРНГ, там же].

Фамилия Гундорина сохранилась в современной ономастической системе [АК: 100].

ДЕРЯГА ← *деряга

Ср.: **Деряга** да Миронко да Третьячко, п. Выгозерский, 1563 г., ПКОП, 164.

1. В памятниках письменности **дерязивый, деряживый** 'дерзкий' [СлРЯ XI–XVII, 4: 231], ср. в говорах **деряга** 'вздорный, сварливый человек' *волог.*, 'тот, кто громко ругается' *вят.*, 'несговорчивый человек' *перм.*, 'драчун, драчуня, сорванец, забияка' *перм.* [СРНГ, 8: 32], *шексн., кирил.* [СРГК, 1: 456].

2. Ср. также **деряга** 'плаксивый ребенок' *вят., киров.* [СРНГ, 8: 32].

Фамилия сохранилась в современной ономастической системе [АК: 103].

ЗАЛОМАЕВ ← Заломай ← *залом-

Ср.: Иванко Иванов **Заломает**, кр-н, п. Пудожский, 1563 г., ПКОП, 187.

Известны по другим регионам Василий Иванович **Заломай** Татищев, Дмитрий Михаил Иванович **Заломаев**, 1571 г., Кашин [Веселов.: 119].

Ср. с однокоренным **залом** 'гордый человек' волог., 'несговорчивый человек' ряз. [СРНГ, 10: 219]; **заломить** 'заязниться' ярос. [ЯОС, 4: 82]. Известно и именование **Залом**, ср. Григорий **Залом**, крестьянин, 1550 г., Пошехонье; Алферий Григорьевич **Заломов**, 1522 г., Углич; **Заломов** Петр, сын боярский в Подмосковном ополчении 1611 г. [Веселов.: 119].

Трудно понять, как связан мотив именованья с др.-русск. **заломь** 'отворот, загиб у шапки', 'преграда, образуемая упавшими деревьями и валежником или скоплением льдин' [СлРЯ XI–XVII, 5: 235]. Вероятно, появление имени связано с какими-то качествами характера лица.

Фамилия отмечена в современной ономастической системе Карелии [АК, с.282].

ЗАЛЯКИН ← Заляка ← *заляка

Ср.: Гридка **Заляка**, кр-н (он же – Гридка **Залякин**), п. Выгозерский, 1563 г., ПКОП, 161, 163; Васка **Залякин**, 1587/88 гг., Кн.сбора... Лопск.п., 184; Иван Васильев с. **Залякин**, Строкина пуст., 1598 г., ИОИОГ, 1914 г., № 8, с. 73.

Возможно, **заляка** 'гордец', 'кичливый человек' или 'кривляка', ср. **залякать** 'закидывать голову назад' пск., **залякать голову** 'ходить задрав голову, с гордостью' пск., **залякаться** 'кривляться во время ходьбы, задирать голову, капризничать (о детях)' пск., 'гордиться, кичиться' пск. [СРНГ, 10: 228].

ИГРОКОВ ← Игрок ← *игрок

Ср.: Васка **Игроков**, староста, п. Пудожский, отписка, 1693 г., Мюллер, 342.

Данное именование следует считать региональным, так как и именование Игроков и нарицательное игрок, к которому данное именование восходит, отмечены только в русских говорах Карелии, ср.: **игрок**, **играк** 'парень, ухаживающий за девушкой; ухажер, кавалер' медв., тихв., заон., луд. [СРНГ, 12: 73; СРГК, 2: 265–266; КСРГК].

Фамилия сохранилась в современной ономастической системе [АК: 117].

КУБАЧ ← кубач

Ср.: **Кубач**, кр-н, п. Никольский в Пелгушах, 1496 г., ПКОП, 26.

Ср. в др.-русск. **кубачь** 'сноп; большая связка соломы из нескольких обмолоченных снопов' [СлРЯ XI–XVII, 8: 102], это значе-

ние известно и современным говорам – *прион., медв., конд. Карелия; онеж. КАССР, новг., пск., ленингр., калин.* [СРНГ, 15: 380; СРГК, 3: 45]. Слово заимствовано из *карел. kubo, фин. куро* 'сноп, связка' [Фасмер II: 395–396; Мамонтова 1988: 224]. Русские говоры развивают и переносные значения, ср. *кубач* 'о неповоротливом, неуклюжем человеке': «Такой он был, что **кубач** соломенный, неповоротливый» *пест.*; *кубача* 'полная женщина': «А Марина вышла замуж, вон **кубача** какая» *прион. Карелия* [Карт. ПГУ; см. также: СРГК, там же].

Фамилия **Кубачев** сохранилась в современной ономастической системе [АК: 136].

КУНЖИН ← Кунжа ← кунжа

Ср.: Грибанко Матфеев **Кунжин**, средний человек, п. Толвуйский, 1563 г., ПКОП, 146.

1. На севере **кунжа, кумжа** – род лосося, лососевая форель, *севмор.* [СРГК, 3: 58], арх. [Фасмер II: 416]; слово заимствовано через *фин. kumsi, карел. kumži* или прямо из *саам. п. ku dža, кильд. kuūtšä* [Фасмер II: 416].

2. Ср. также **кунджа** 'длинная стелющаяся трава, растущая в воде' *выт.* [СРГК, там же].

Фамилия **Кунжин** сохранилась в современной ономастической системе [АК: 139].

КУРИКОВ ← Курик ← курик

Ср.: Сенька **Курик**, п. Панозерский, 1597 г., ДКЛП, 217; дер. **Куриково**, п. Шуньгский, 1563 г., ПКОП, 150.

В русских говорах Карелии **курик** – многозначное слово: 'деревянная кувалда, род деревянного молотка, которым бьют по забитому в полено топору при колке дров' *белом., конд., медв., лод.*; 'деревянный молоток, кувалда, используемая в строительстве' *конд., лод., медв., пуд.* и другие значения, связанные с названием деревянного, большого орудия труда, на основе которых могло возникнуть переносные 'о голове' *медв., конд.* и далее – 'о бестолковом, несообразительном человеке' *медв., подп.* [СРГК, 3: 64–65].

Фамилия **Куриков** сохранилась в современной ономастической системе [АК: 140].

ЛОХ ← *лох

Ср.: **Лох** Матфеев, кр-н, п. Толвуйский, 1582–1583 гг., КЗПОП, 171.

1. Ср. в др.-русск. **лохъ** 'отощавший после нереста в реках лосось' [СлРЯ XI–XVII, 8: 287–288], значение известно и современ-

ным говорам Карелии, **лох** 'исхудалая рыба', "лох во время метания икры" (без указ. точной географии) [Алатырев 1948: 37]. Апеллятив заимствован из *фин., карел. lohi* 'лосось', *эст. lõhi* от *лит. lāšis* – то же [Фасмер II: 524]. Вероятно, **лох** – это еще и 'тощий, исхудавший (как лох после нереста) человек'.

2. Известно также, что **лохами** прозвали жителей Пижмы, которые считаются плохими рыбаками, так как ловят только отоцвавшую после нереста семгу, лосося, то есть лохов (*печер.*) [СРНГ, 17: 159–160].

3. Мотив именования мог быть связан с омонимичным значением **лох** 'лентяй' *волог., 'ротозей, простофиля, дуралей' пск.* [СРНГ, 17: 159–160]. Ср. при этом: **лоха** 'дура' *пск., твер.*, по мнению М. Фасмера, от ***лошь** 'плохой' [Фасмер II: 524].

4. Ср. также **лох** 'ротозей, простофиля, дуралей' *пск.* [СРНГ, 17: 159].

Фамилия **Лохов** сохранилась в современной ономастической системе [АК: 146].

МЯНДА ← **мянда**

Ср.: Гридя Июдин **Мянда**, кр-н, п. Выгозерский, 1563 г., ПКОП, 162 (ср. он же – Гридя **Мянда**, там же, 163).

Ср. в др.-русс. **мянда** 'болотная сосна, редкослойная, рыхлая, не смолистая' [СлРЯ XI–XVII, 8: 343]. В говорах **мянда** – это еще и 'очень полный человек' *олон., медв. Карелия* [СРНГ, 18: 85]. Слово **мянда** заимствовано, ср. *карел. mändü, фин. mänty* 'сосна' [Фасмер III: 30].

ОБРЮТИН ← **Обрюта (Обрютя)** ← ***обрюта**

Ср.: **Обрютя** Васильев, кр-н, п. Шуньгский, 1563 г., ПКОП, 150; староста **Обрюта** Матфеев, п. Кижский, 1582–1583 гг., КЗПОП, 206; **Обрюта** Матфеев, кр-н, п. Толвуйский, там же, 244; Ондрей **Обрютин** с. Судокова, кр-н, п. Никольский в Ярославичах, 1563 г., ПКОП, 253; вдова Домна **Обрютинская** жена Судокова, п. Никольский в Ярославичах, там же, 254.

Известны по другим территориям – Иван Семенович **Обрюта** Фомин, митрополичий боярин, 1561 г.; Василий Михайлович **Обрюта** Мишурин, дворцовый дьяк, 1530–1550 гг.; **Обрюта** Михайлович Греков, послан на Афон обучаться греческому языку, 1551 г.; Колмак и Неустрой Борисовичи **Обрютины**, 1568 г., Ярославль; Иван **Обрютин**, 1613 г., Устюг [Веселов.: 226].

1. Ср. в говорах **обрюта** 'толстяк, толстячка' *костр.*, 'человек с толстым лицом' *пск., твер.* [СРНГ, 22: 220], а также 'обрюзглый, нездорово полный' без указ. места [Даль, 2: 638], 'пузатый ребен-

нок, толстое, неуклюжее животное' [Фасмер III: 108], ср. также **обрюток** 'толстяк' *костр.* [СРНГ, 22: 220], *моск., ярос., курск.*; 'человек с толстым лицом' *пск., твер.* [Даль; СРНГ, там же].

2. Ср. также **обрюта** 'неряшливый, неуклюжий человек' *костр.* [СРНГ, 22: 220].

ПАКУЛЯ ← *пакуля

Ср.: Трофимка да Гриша да **Пакуля**, Кемская и Подужемская вол., запись, 1591 г., Гейман, 321.

Именование отмечено в Новгороде в XVI в. [Веселов., 237].

1. Ср. в говорах **пакуля** 'левая рука' *нижегор.* [Даль; СРНГ, 25: 161; Веселов.: 237]. ср. также **пакуля** 'сухорукий человек' [СРНГ, 25: 162].

2. Возможно, мотив именования связан с переосмыслением местной лексемы **пакула, пакула, пакула, пакула** 'губчатый нарост на березе, чага' *медв., прион., белом., пуд., конд., Карелия; мурм., мезен., арх., волог., Коми АССР* [СРНГ, 25: 161; Подвысоц.: 116; Куликов.: 77; Карт. КГПИ, ПГУ]. Известно *карел. pakkul'i* 'березовая губка', *фин. pakkula* 'то же' [Фасмер III: 189], который, по нашему мнению, восходит к славянскому *baku'a* [ЭССЯ, 1: 142–143].

Фамилия **Пакулин** сохранилась в современной ономастической системе [АК: 169].

РОХКАЧЕВ ← Рохкач ← *рохкач

Ср.: Степанко Юрьев **Рохкачев**, кр-н, п. Толвуйский, 1563 г., ПКОП, 143.

В русских говорах **рохкач, ровкач, рофкач** 'незрелая, зеленая ягода' *петрозав. олон., медв., пуд. Карелия, арх.* [Куликов.: 101; Даль, 4: 105; КСРГК], апеллиатив заимствован из *карел. ruohka* 'незрелая ягода' [Фасмер III: 508; Мамонтова 1988: 224]; ср. также **рохлый** 'хилый, квелый, вялый', **рохляк, рохля** 'вялый' [Даль, 4: 105]. Возможно, так могли прозвать слабого, болезненного человека.

РЯМЗИН ← Рямзя ← *рямзя

Ср.: Мирон **Рямзин**, староста Юштозерские выставки, челобитная, 1659 г., Мюллер, 136.

1. Современные говоры позволяют установить и прямое, и переносное значения для лексемы **рямзя**. Ср. в *онежских архангельских* говорах отмечены **рямзя** 'морсящий дождь' и однокоренное **рямзить** 'моросить (о дожде)'. Переносное значение устанавливается на основе зафиксированных в *медвежьегорских* говорах Карелии и *лодейнопольских ленинградских* говорах зна-

чений **рямза**, **рямзя** 'неряха, оборванец', 'неаккуратная женщина', 'неряшливый человек' [КСРГК], ср. также с выражением **мокрый как рямзя** 'очень мокрый' *медв. Карелия* [КСРГК].

2. Возможно, существовало и значение 'ленивый человек', которое устанавливается с известной долей вероятности на основе зафиксированного однокоренного **рямзы́й** 'бездельник' [КСРГК].

3. Ср. также в русских говорах Карелии Карелии **рямза**, **рямзя** 'пьяница' *медв. Карелия, под. ленингр.* [КСРГК].

4. Ср. также **рямзы́й** 'боевой, сорванец, хулиган' *под. ленингр.* [КСРГК].

Фамилия **Рямзин** сохранилась в современной ономастической системе [АК: 187].

СЕВЕРГА ← *северга

Ср.: **Северга** Федоров, кр-н, п. Оштинский, 1582-1583 гг., КЗПОП, 297.

Известны также **Северга** Василий, крестьянин, вторая половина XV в., Соль Галицкая; **Северга** Иванович Палицын, конец XVI в., конец XVI в., Арзамас [Веселов.: 283].

В *псковских* говорах **северга** 'торопыга, нетерпеливый' [Даль, 4: 169].

ТУКАЧЕВ (Тукачевская) ← Тукач ← *тукач

Ср.: Микитка **Тукач**, кр-н, п. Шуньгский, 1563 г., ПКОП, 149; дер. на Яндебе ж озери **Тукачевская**, п. Кижский, 1563 г., там же, 125.

Современные говоры позволяют восстановить прямое и переносное значения. Ср.: **тукач** 'связка, охапка соломы или льна' *олон.* [Фасмер IV: с.116], *медв. белом., пуд., прион. Карелия* [Карт. КГПУ, ПГУ], *новг.* [Даль, 4: 441] и переносное **тукач** 'толстый человек' *пуд. Карелия* [Карт. КГПИ].

Фамилия **Тукачев** сохранилась в современной ономастической системе [АК: 209].

ШАБАЛА ← *шабала

Ср.: Иванко **Шабала**, 1598 г., ДКШВ, 240; ср.: место Андреика Медведева **Шабалинское**, 1614 г., ОКШВ, 4.

По другим регионам – Митрофан **Шабала**, земский староста, 1637 г., Ваа; Прохор **Шабалин**, работный человек, 1664 г., Устюг [Веселов.: 358].

1. Современные говоры позволяют установить прямое и переносное значения для слова ***шабала**. Так, значения 'баклуша, осиновый чурбан, из которого точат щепеную посуду' без указ. места [Даль, 4: 617] и 'специальная палка для помешивания зер-

на в печи при его сушке' *выт. волог.* [КСРГК] – являются прямыми. На основе одного из них возникло переносное значение – **шабала** 'бестолковый человек, пустомеля' без указ. места [Даль, 4: 617], которое и явилось мотивом именования, ср. также с лексемами **шабальный** 'бестолковый' *пряж. Карелия* [Карт. ПГУ] и **шаболить** 'повесничать, дурить, баловать, празднично шататься' [Даль, 4: 617].

2. Мотивом именования может служить значение 'ленивый человек', ср. с выражением **бить шабалы** 'бить баклуши, бездельничать' *ленингр., выт., волог.* [КСРГК], без указ. места [Даль, 4: 617].

Фамилия сохранилась в современной ономастической системе [АК: 223].

ШАНЬГИН ← Шаньга ← *шаньга

Ср.: **Шанга**, кр-н, п. Выгозерский, 1563 г., ПКОП, 161; дер. на Алме ж озере слово **Шангинская**, п. Вытегорский, там же, 208; Василий **Шанга**, кр-н, Выгозеро, отпись, 1568 г., АСМ, 205.

Крестьяне **Шангины** жили по документам 1614 г. в Соли Вычегодской [Веселов.: 361].

Ср. в говорах: **шаньга** 'род ватрушки или лепешки, смазанной маслом, сметаной и т.п.' *белом., медв., кем., Карелия, кирил., тер., плес., вашк., выт., канд., карг., кириш., под., под., тихв., череп.* [КСРГК], *перм., сиб.* [Даль, 4: 621]. Вероятно, **шаньга** – 'полнолицый человек', ср. также в *пудожских* говорах Карелии говорят: «Рожа, что **шаньга**» [Карт. КГПИ].

Фамилия сохранилась в современной ономастической системе [АК: 223].

ЛИТЕРАТУРА

Веселов. – *Веселовский С.Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.:Наука,1974;

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.,1981–1982.

Доля, Кривонкина 1976 – *Доля Т.Г., Кривонкина М.Я.* Суффиксальное словообразование имен существительных со значением лица в русских говорах Карельской АССР // Вопросы грамматического строя и словообразования в русских народных говорах: Межвузов. науч. сб. / Отв. ред. А.С.Герд, М.Я.Кривонкина. Петрозаводск, 1973. С.3–12.

Житников 1989 – *Житников В.Ф.* Диалектизмы в фамилиях // Русская речь. 1989. № 1.

Куликов. – *Куликовский Г.И.* Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.,1898.

М. Войтович – *Войтович М.* Древнерусская антропонимия XIV–XV вв. Северо-Восточная Русь. Roznau, 1986.

Мамонтова 1988 – *Мамонтова Н.Н.* Карельская и вепская антропонимия на современном этапе // Ономастика. Типология. Стратиграфия. Отв. ред. А.В.Суперанская. М.:Наука, 1988. С.221–228.

Н.А. Баскаков – *Баскаков Н.А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979.

Никонов 1988 – *Никонов В.А.* География фамилий. М., 1988.

Никонов 1993 – *Никонов В.А.* Словарь русских фамилий / Сост. Е.Л.Крушельницкий. М., 1993.

О.Н. Трубачев – *Трубачев О.Н.* Из материалов для этимологического словаря фамилий России. (Русские фамилии, бытующие в России) //Этимология. 1966. М., 1968.С. 3–53.

Подвыс. – *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1895.

С.И. Зинин – *Зинин С.И.* Русская антропонимия XVII–XVIII вв. (На материале переписных книг городов России). Автореф. канд. дис. Ташкент, 1969.

СКЯ – Словарь карельского языка. (Ливвиковский диалект) / Под ред. И.В.Сало, и Ю.С.Елисеева; Сост. Марков Г.Н. Петрозаводск: Карелия, 1990.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып.1–18. М.: Наука, 1975–1992.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып.1. СПб: Издательство С.-Петербургского университета, 1994.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред.Ф.П.Филина. Вып.1–27. М.–Л., 1966–1992.

Толкачев 1977 – *Толкачев А.И.* К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. // Историческая ономастика. М.: Наука, 1977. С.72–130.

Тупиков – *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. – СПб., 1903;

Унбегаун 1989 – *Унбегаун Б.О.* Русские фамилии: Пер. с англ. / Общ. ред. Б.А. Успенского. М.: Прогресс, 1989.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. / Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986–1987.

Федосюк 1981 – *Федосюк Ю.А.* Русские фамилии. Популярно-этимологический словарь. М.: Детская литература, 1984.

Чайкина 1995 – *Чайкина Ю.И.* Вологодские фамилии: Этимологический словарь. Вологда: «Русь», 1995.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред.О.Н.Трубачева. Вып.1–18. М.:Наука, 1974–1992.

Uusi Suomalainen nimikirja. – Keuru: Otava, 1988

Источники

АК – Алло, Карелия: Телефонный справочник. Петрозаводск, 1998.

АСМ – Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв.: Акты Соловецкого монастыря. 1479–1571 гг. / АН СССР ИИ-т истории СССР, Ленингр. Отделение. Сост. И.З.Либерзон. М.: Наука, 1988.

Гейман – Материалы по истории Карелии XII–XVII веков / Под. ред. В.Г.Гейман. Петрозаводск, 1941.

Карт. ПГУ – Картотека Петрозаводского государственного университета.

КЗПОП 1582-1583 – Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582-1583 гг.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. III. Петрозаводск–Йознсуу, 1993. С.35–341.

Мюллер – Карелия в XVII веке / Сост. Р.Б.Мюллер, под ред. А.И.Андреева. Петрозаводск, 1948.

ПКВП 1568 г. – Писцовые книги Водской пятины 1568 г. // История Карелии в XV–XVI вв: Сборник документов. Петрозаводск–Йознсуу, 1987.

ПКОП 1496 г., 1563 г. – Писцовые книги Обонежской пятины, 1496 г., 1563 г. Л., 1930.

Строкина пустынь, ИОИОГ – К.А.Докучаев-Басков. «Строкина пустыня» и ее чернецы (Опыт исследования жизни монашествующих) // Известия общества изучения Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1914. Т.4. № 6–7. С.49–64.

Сокращения географических названий даны в соответствии с пометами в словарях, на которые ссылается автор.

**СЕЛЬСКАЯ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОНИМИЯ
КАК КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ
(из наблюдений над прозвищами современной
тверской деревни)**

Современная русская антропонимическая система, несомненно, является результатом длительной целенаправленной языковой и культурной деятельности людей. Имена собственные – не только специфический и очень важный компонент лексико-семантической системы любого диалекта, но и очень важный компонент культуры. По верному замечанию В.Д. Бондалетова, «сами антропонимы содержат в себе национальные элементы как собственно лингвистическая категория и – еще в большей мере – как категория культурно-национальная и социолингвистическая» [Бондалетов 1993: 79]. Не случайно в последние годы специалисты ведут речь об антропонимике как составной части лингвокультурологии [Нерознак 1995: 5].

Современные русские антропонимы – и особенно это относится к собственным именам, функционирующим в сельской местности, – это достаточно самобытная, уникальная часть национальной культуры народа. Наблюдения показывают, что подобные онимы (нами исследовано более 80 деревень и сел двадцати семи районов Тверской области, материал собирался по вопроснику Всероссийского общества «Энциклопедия российских деревень») достаточно специфичны и во многом сохраняют связь с древними народными традициями именования. Эта связь проявляется в разных аспектах: 1) в широком самостоятельном употреблении отчеств в народной речи (*Михалыч, Борисьевна*), 2) в именовании жены по мужу, а детей по отцу: *Валеришиха* (муж Валерий), *Котиха* (прозвище мужа Кот), *Царята* (прадед по прозвищу Царь) и т.д. – подобные именования обычно не являются оценочными, они указывают на отношение к другому лицу и, как и отчества, имеют лишь оттенок неофициальности.

Однако наиболее ярко связь с национальными антропонимическими традициями проявляется в прозвищах. Так, в течение многих веков для русской антропонимической системы была характерна тенденция двойного наименования, когда наряду с официальными антропонимами (христианское имя, отчество, фамилия) в быту, а нередко и в деловых документах функционировали

неофициальные образования (прозвищные имена, «уличные» фамилии). Эта традиция до сих пор существует во многих районах Тверской области, где прозвища и «уличные» фамилии нередко оказываются предпочтительнее паспортных онимов.

Сельская культурная традиция предполагает непереносимое наличие прозвищ — как индивидуальных, так и групповых; во многих населенных пунктах прозвищные именованья охватывают почти 100% населения. Однако в большинстве сельских поселений, по словам местных жителей, прозвищ не давали учителям и их семьям — «за большое уважение в народе», их называли по имени-отчеству. С уважением относятся на селе и к медработникам, которых, как правило, не называют по прозвищу или «уличной» фамилии. Всем остальным жителям села давались всевозможные прозвища, что связано со стремлением не просто назвать человека, а дать ему дополнительную характеристику, оценку.

Данная потребность никогда не исчезала, и в принципах образования, в функционировании этой вечно живой языковой категории мало что изменилось на протяжении многих веков. Это подтверждает сравнение современного материала со сделанным А.М. Селищевым делением нехристианских имен и прозвищ на группы по значению основы [Селищев 1968]. Собранные нами современные сельские прозвища прекрасно укладываются в эту схему (составленную на материалах антропонимов XIV–XVII вв.):

- Семейные отношения: *Кум, Сват, Мать* и др.;
- Внешний вид, физические недостатки (около 22%): *Голова, Верста, Ноздря, Рыжий Таракан*, дет. *Солнышко, Беспалов, Циклоп* и др.;
- Свойства (более 18%): *Купи-Продай, Плут, Пустомеля, Жиган, Блажной*, сем. *Жидуха, Куркуль, Нюрка Зануда* и др.;
- Социальное и экономическое положение: *Барон, Баптист, Буржуй, Царь* (жена — *Царица*, дети — *Царята*), *Помещик, Король, Граф, Купчиха* и др.;
- Профессия, занятие, должность: *Пастух, Колдун, Коля Гробовщик*, сем. *Квасник, Прокурор* и т.п.;
- Пришельцы. Место происхождения: *Москвичка, Северник* и др.;
- Церковные отношения и элементы: *Игуменя*;
- Насмешливые клички: *Балбес, Дурачок, Ваня с трудоднями, Ж...-мельница* и др.;
- Животные: *Белка, Дворяжка, Заморский Кот, Залазинский Пудель, Хорек*, сем. *Волки*, дет. *Абж (< Жаба)* и др.;

– Птицы: *Ворон, Коршун, Пткюшечка, Чибис*, сем. *Луни, Соловей* и др.;

– Насекомые: *Пиявка, Червяк, Осины сестры* (< оса);

– Рыбы: *Щука, Вобла*;

– Растения: *Одуван, Сыроежка, Ягодкина, Vetko* (карел. «хвоц»);

– Пища: *Коля Кисель, Колобок (2), Пончик, Батон, Макароны*;

– Прозвища по разным предметам: *Свисток, Рашпиль, Пузырь, Пим, Рубероид, Коробок, Винт* (< *Шпунтик*), *Костыль* и др.;

– Имя народа: *Казах, Карелка, Жид, Японец, Цыган*, сем. *Узбеки*, сем. *Татары*, груп. *Чухонцы* и др.

Лишь три группы прозвищных имен, отмеченные А.М. Селищевым в прошлом, отсутствуют в современной ономастике:

1) Обстоятельства появления нового члена семьи, выражение ожидания и неожиданности появления; 2) Профилактика; 3) Татарские имена (условно сюда можно было бы отнести лишь групповое прозвище *Мамаи*, которым местные жители называли новоявленных поселенцев-дачников, с намеком на безжалостное, потребительское отношение к природе). Отсутствие в современной речи прозвищ с подобной семантикой, на наш взгляд, вполне закономерно и связано с национально-культурными изменениями в истории русской антропонимической системы: подобные онимы в период двуименности (преднациональный период) закрепились в функции нехристианских личных имен, в то время как все остальные перешли на положение прозвищ, уступив место христианским именам. Закономерным является и изменение самого лексического состава прозвищных онимов (поскольку ни один живой язык, – а тем более язык разговорный, – не стоит на месте) и употребление малого числа диалектных слов в современных прозвищах.

В целом же механизмы образования современных прозвищ остаются теми же, что и в древнерусских прозвищных именах. Так, и в донациональный период, и в настоящее время встречаются так называемые связанные прозвища в прошлом: *Андрей Кобыла* (XIV в.) – и его потомок *Жеребец Кобылин* (XVI в.); *Данило Васильевич Блин Монастырев* (сер. XV в.) – его сын *Лев Данилович Оладья Блинов* – его сын *Пирог Оладьин* и т.д. [Веселовский] – ср. в современной деревне: *Охалка* (отец) – *Копна* (сын); *Доцент* и *Студент* – прозвища двух братьев, полученные ими еще в детстве; *Котик* (отец) – *Птенчик* (сын) – «отец часто терроризировал сына, и их семейные отношения выразились в сти-

хотворении: Котик усатый По садику ходит. Что он там делает? Птенчика ловит».

Приведем еще один факт, подтверждающий общность мотивов номинации. Как в древности, так и в современных сельских говорах для прозвищ нередко используются этнонимы. Давно замечено, что в прошлом прозвище – этноним, как правило, не соотносилось с реальной национальностью именуемого [Унбегаун: 109–110]. Аналогичное явление наблюдаем и в современных сельских прозвищах. Так, *Казах* получил свое прозвище, потому что «похож на казаха», *Японец* – «за форму глаз и маленький рост», *Карелка* – «родом из карельской деревни», *Цыган* – «постоянно просит займы», сем. *Татары* – «семья приехала с юго-востока, за смуглую кожу и раскосые черные глаза» и т.д. Таким образом, можно заметить, что подобные прозвища даются обычно по внешнему сходству именуемого с представителем данной народности, по качеству, которое народ приписывает представителю того или иного этноса, либо по народности, проживавшей в прежнем месте жительства именуемого.

На наш взгляд, именно современные сельские прозвища могут помочь разобраться в механизме взаимодействия древнерусских прозвищных имен. Последние, спустя много веков, из-за отсутствия данных о мотивации могут быть описаны исследователями лишь формально и не могут быть этимологизированы, в то время как современные прозвища, с учетом объяснений информантов, могут быть описаны и по форме, и по содержанию. Как отмечают антропонимисты, «необходимым компонентом онимического пространства являются свидетельства о собственных именах тех, кто ими пользуется, – своеобразные дефиниции онимов как проявление человеческого фактора в их создании и употреблении» [Климкова 1993: 51]. В современных сельских прозвищах нередко проявляется несоответствие названия характеру объекта – диссонанс формы и содержания. И этот факт не позволяет применять формальное деление А.М. Селищева по отношению к современным прозвищам (где мотивы номинации, как правило, известны).

Например, прозвище *Птюшечка* дано не по внешности, не за маленький рост, не за певческие способности, а по часто повторяющемуся слову: «Называла так всех собеседников»; *Кривая* получила такое прозвище не по внешним признакам, как можно было бы предположить, а потому, что «все делает вкривь и вкось». Прозвище *Лончик* дано не за полноту, а по случаю из жиз-

ни: «Жил один и покупал только пончики, сразу мог их съесть по десять штук»; *Лисенок*, *Хорек*, *Щука* были прозваны так не за сходство с животными, а совсем по иным причинам: первое дано девочке по имени Лиза, носитель второго прозвища «работал на звероферме бригадиром на хорях», третий «в детстве поймал большую щуку, начал хвастаться, так и пошла кличка». Прозвище *Черный* было дано в насмешку совершенно седому человеку, а *Чибис* – вовсе не «птичье» прозвище (так звучит в карельском языке слово «козел», а фамилия носителя – Козлов), *Ваня-Председатель* на самом деле не является председателем, прозвище получил за то, что «любил командовать», а *Прокурором* прозвали за то, что «помог когда-то посадить в тюрьму одного человека» (при этом жену именуемого зовут *Настя-Прокурориха*) и т.д. Можно предполагать, однако, что подобная ситуация наблюдалась и в донациональный период (ср. группы прозвищ «Социальное и экономическое положение», «Имя народа», где реальное содержание онима не соответствовало форме).

Прозвища, подобно любой экспрессивной, эмотивной лексике, представляют собой определенный аспект видения мира, а большое количество прозвищ с образной мотивацией, с метафорически осознаваемой внутренней формой позволяет говорить об особом, поэтическом видении мира. Общее направление образного наименования определяется движением от человека к миру, когда окружающая реальность предстает в номинации через предметы, связанные с повседневной деятельностью человека. Таковы прозвища *Открывашка* («зубы некрасивые»), *Нюрка Патефон* («болтает без умолку, как заведенный патефон»), *Пим* («сибирский валенок, увалень»), *Рубероид* («очень смуглая кожа») и др.

В целом можно говорить об организующем концепте «мир – дом» в народной ономастической картине мира. Учет образных отождествлений в собранных нами прозвищах позволяет выделить те же сферы, что и для речи северо-русских крестьян в целом:

– Дом – двор – деревня: *Кум*, *Сват*, *Копна*, груп. *Птичник*, *Шура Крайняя*, *Жучка*, *Кот*, *Пастух* и т.п.;

– Окружающая природа: *Сыроежка*, *Пенек*, *Щука*, *Коршун*, *Ветко* (карел. «хвощ») и др.;

– Внешний (чужой) мир: *Москвичка*, *Казах*, *Бульбаш* (белорус по национальности), *Жид* («жадный, скупой»), *Гитлер*, *Полицай* и т.д.

Интересно, что народное сознание обнаруживает не только сходство людей с вещами, но и похожесть предметов окру-

жающего мира на людей. Подобное явление идет из глубокой древности и широко отражено в устном народном творчестве.

Таким образом, апеллятивы, становясь прозвищами, часто переосмысливаются, несут дополнительную, порой иную, нежели в исконной лексике, смысловую нагрузку. Вместе с тем в современной диалектной речи распространено и образование прозвищ от слов, которые в общенародном языке, обладая образным значением, являются устойчивыми характеристиками человека: *Верста* – «длинная», *Колобок* – «очень толстый», *Макаронина* – «высокая, худая», *Японец* – «узкие глаза, маленький» и др.

Нередко в современной речи, как и несколько веков назад, прозвищем становится апеллатив, непосредственно называющий внешний признак и использующий те же дифференциальные признаки, которые входят в лексическое значение апеллатива: *Блажной*, *Бойкий*, *Горбыль*, *Глухой*, *Длинный*, *Горлопан*, *Пустомеля*, *Плут*, *Колченогий*, *Лысый*, *Пучеглазый*, *Бешеная*, *Седой*, *Хромой* и т.д. Подобные прозвища, как правило, характеризуют внешний вид человека, его физические недостатки – либо указывают на свойства, внутренние качества называемого.

Эти две группы прозвищ преобладают над остальными, и именно они позволяют ярко и явно выразить отношение к именуемому, не только называя, но и характеризуя, оценивая его (поэтому, видимо, не случайно у людей старшего поколения почти нет отфамильных прозвищ, которых много у школьников). Морально-этический климат, опосредованно влияющий на формирование сельского ономастикона, проявляется в стихийном, но явно преобладающем отборе индивидуальных нравственных и физических признаков, которые казались наиболее существенными местным творцам прозвищ.

Одной из основных внешних черт человека местная антропонимическая традиция признает рост и телосложение человека: *Длинный*, *Малой*, *Верста*, *Карлик*, *Betko* (карел. «хвоц») – «длинный и тонкий», *Шкафчик* – «очень высокий и здоровый, но добродушный и спокойный», *Шкет* – «маленького роста», *Червяк* – «длинный и тонкий», *Пирожок* – «толстенький, кругленький» и т.д.

Важное значение в кратком словесном портрете придается волосам, бороде, усам, цвету и форме глаз, носа, кожи и т.п.: *Нос*, *Голова*, *Борода* (2), *Ноздряк*, *Ус*, *Усик*, *Бровь*, *Одуван* («волосы светлые и редкие, похожие на одуванчик»), *Бычий Глаз* («очень большие глаза навывкате»), *Циклоп* («один глаз»), *Пятак* («у него нос пятачком»), *Колченый* (он же *Рубероид* – «очень смуглая ко-

жа»), *Рыжий Таракан*, *Рябый* и т.д. Повышенное внимание к основным физическим характеристикам человека, отраженное в соответствующих прозвищах, является частью бытового мировоззрения жителей, одним из основных критериев оценки людей. При этом болезни и увечья – также один из первостепенных характеризующих признаков, облекающихся в словесную форму прозвищ: *Карлик*, *Горбатая*, *Клюшка*, *Костыль*, *Колченогий*, *Манька Куриная Ножка*, *Пень Глухой*, *Федька Хромой*, *Шлеп Нога*, *Федя Дурачок* и др. Вероятно, подобное явление характерно для менталитета русской нации в целом, о чем свидетельствуют и современные фамилии, возникшие на базе прозвищ. При этом собранный материал показывает, что в деревнях, где большинство жителей – представители другой нации, наблюдаются иные культурные традиции в именовании людей. Так, в д. Залазино Лихославльского района, где в основном живут карелы, большинство информантов, услышав вопрос о том, как называют больных и увечных жителей, глубоко возмутились: «Разве можно обижать Богом обиженных людей?!» (заметим, что тут, в отличие от большинства русских сел, онимов, указывающих на недостатки людей, нет, всех жителей даже за глаза называют по имени или по имени-отчеству).

Вероятно, мотивы выбора прозвищ в целом характерны не только для региональной, но и для всей русской антропонимии. Однако количественное распределение в выборе прозвищ обусловлено в значительной степени региональными, материальными, нравственными условиями. Так, собранные в Тверской области прозвища отчетливо показывают, что народное сознание прежде всего возводит в ранг моральных недостатков такие качества, как болтливость, разговорчивость, нередко граничащие с хвастовством или лживостью: *Бахвал* («любит сильно прихвастнуть»), *Балаболиха* («любит посплетничать, поговорить, всегда в курсе всех дел»), *Колокол* («женщина говорит много и громко, будто трезвонит»), *Пустомеля* («бабуля своего деда так называет»), *Свистун* («очень любил врать»), *Трёкало* («много болтает»), *Басник* («любит поговорить, в результате часто завирается»), *Нюрка Патефон* («болтает без умолку, как заведенный патефон»), *Трепóткин* («очень любит поговорить») и др.

Общественное нравственное чутье резко осуждает скупость, прижимистость, жадность: *Буржуй* («жадный больно»), *Куркуль* («за то, что он никогда никому ничего не давал»), *Купчиха* («за расчетливость, жадность и за дородный вид»), *Жид* («жадный,

скупой»), *Кулак* («хозяйственный, прижимистый, и фамилия у него Кулаков»), *Сабантуй* («хапает себе много»), *Скрудж* («у него есть деньги, но он скупой»), сем. *Жидуха* («обозначало очень скупого и жадного человека») и др.

Творцы прозвищ очень категорично относятся к женщинам легкого поведения: *Тинтиль-Винтиль*, *Ж...-Мельница* («любит покрутить задом перед мужским полом»), *Пробка*, *Маша Распутина* («имя совпадает с именем певицы и соответствует ее образу жизни: женщина очень пьет, хозяйства у нее нет, ведет себя распутно»), *Простигосподи* («ветренная, гулящая женщина» – при этом интересно, что данное прозвище стало употребляться в качестве нарицательного – информанты заметили: «В нашей деревне не только Светку *Простигосподи* называют, но еще и тех, кто грехи, как ягоды, собирают»).

Пристрастие русского человека к спиртному также отразилось в ряде прозвищ: *Нюх* («всегда вовремя приходит туда, где выпивают»), *Пузырь* («опустившийся человек; может выпить очень много и всегда в нетрезвом состоянии»), *Стакан* («старик любит выпить. А как сын Стакана стал прикладываться к рюмке, его прозвали *Стаканыч*»), *Поросычья Морда* («местная алкоголичка»), *Рублик* («все время занимал по рублю на выпивку»), *Анька Пушкин* («любил сочинять стихи, когда был в нетрезвом виде»).

Полный и подробный анализ современных сельских прозвищ позволяет выявить некоторые изменения картины мира – как концептуальной, так и языковой. Языковые изменения прежде всего связаны с появлением лексики, отражающей реалии современной жизни: *Ваучер* («раньше ваучеры скупал»), *Рамона* («похожа на героиню бразильского телесериала»), *Педро – Бог тебе в рёбро* («прозвище появилось после рекламы»), *Скрудж Макдак* («похож на героя мультфильма и такой же скупой»), *Коля Мафия* («всегда носит очки с темными стеклами, пытается заниматься предпринимательской деятельностью») и т.д.

Концептуальные же изменения картины мира глубоко скрыты и не сразу заметны, однако они настораживают, будучи связанными с изменением морально-этического климата в обществе, часто не в лучшую сторону. Это заметно при сравнении антропимической системы жителей младшего и старшего поколения. Так, выше мы отмечали неприятие жителями карельского села прозвищ, связанных с недостатками людей, тем более людей увечных. Однако в этом же селе младшее поколение не только за глаза, но и в глаза употребляет прозвища, указывающие на не-

достатки, даже по отношению к больным: *Дохлый* – прозвище дано мальчику-рахиту. Подобное изменение в сознании людей можно наблюдать и в следующем случае. Один житель села в свое время получил прозвище *Гитлер* («в войну не воевал, а грабил поезда, после войны отсидел в тюрьме 25 лет. Уже будучи стариком, 9 мая вешал на грудь немецкие кресты»). Это прозвище-клеймо стало семейным, оно перешло и на сына. Однако на внука данное прозвище не распространилось. Как объясняют информанты, «раньше люди плохо относились к полициям, дезертирам, сейчас же стали появляться в стране фашисты, и молодежь не считает победу над фашизмом большой заслугой, именно поэтому Андрея Макеева не зовут Гитлером».

Сравнение древнерусских и современных прозвищных образований также показывает некоторые концептуальные изменения. В прошлом трудолюбие было одним из критериев нравственности, достоинства человека, и отклонения от этого критерия были заметны и осуждались окружающими, находя отражение в большом количестве прозвищ [Кюршунова 1993]. В современных же тверских прозвищах нами не зафиксировано ни одного онима, в котором бы выразилось отрицательное отношение к лентяям, тунеядцам, – даже наоборот, встретилось прозвище, осуждающее трудолюбивого человека: *Окаянный* («так как работал до изнурения»). Подобный факт, на наш взгляд, является ярким свидетельством изменения духовно-нравственных ценностей сельских жителей.

Влияние материальной и нравственной культуры народа на становление и развитие не только общенациональной, но и региональной антропонимической системы весьма значительно и многогранно, и прежде всего это касается конкретного выбора производящих основ имен. Антропонимы, функционирующие в сельской местности, – это часть языка и часть культуры сельского населения. Антропонимия деревни отражает ее систему ценностей, где каждому человеку по трудам и заслугам определено свое место, и прозвище – очень экономный и емкий репрезентант общей культуры народа.

ЛИТЕРАТУРА

Бондалетов 1993 – Бондалетов В.Д. К обоснованию лингвострановедческого словаря «Русские имена» // Ономастика. М., 1993. С. 79.

Нерознак 1995 – *Нерознак В.П.* Ономастика как основная часть лингвокультурологии // Ономастика Поволжья. VII. Волгоград, 1995. С. 5.

Селищев 1968 – *Селищев А.М.* Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968. С. 108–114.

Веселовский – *Веселовский С.Б.* Ономастикон. М., 1974.

Унбегаун – *Унбегаун Б.* Русские фамилии. М., 1989. С. 109–110.

Климкова 1993 – *Климкова Л.А.* Об онимическом пространстве русской деревни // Деревня Центральной России: История и современность. М., 1993. С. 51.

Кюршунова 1993 – *Кюршунова И.А.* Как называли лодырей в XVI–XVII веках? // Родные сердцу имена (Ономастика Карелии). Петрозаводск, 1993. С. 23–27.

сем. – семейное прозвище;

гр. – групповое прозвище;

дет. – детское прозвище.

КИТОВРАС: ИМЯ. АРХЕТИПЫ. ПОЭТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ

*Золотые столбы России,
Китоврас, коврига и печь,
Вам в пески и устья чужие
Привелось, как Волге, истечь.*
Н.А. Клюев

1

Имя собственное *Китоврас* имеет интересную историю появления в русском языке, его семантика глубоко связана с историей русской и мировой культуры, а поэтические образы, созданные на его основе, поражают своей таинственной неопределённостью.

Исторические и этимологические словари говорят о том, что имя *Китоврась* появилось в древнерусском языке на основе греческого Κένταυρος (*Kentauros / Kentauras*) – *Кентавр* в результате контаминации с *kim* (Срезн. М. I, 1210; Фасмер. Эг. III, 88 и сл.; Преобр. I, 348). Как известно, в древнегреческой мифологии Кентавром называли получеловека-полулошадь. В латинском это имя звучало как *Centaurus* – *Центавр*. Но первоначально этим именем называли древних жителей Вессалии /Фессалии, по предположению историков, людей, впервые открывших искусство управлять лошадью [1].

В древнерусских текстах имя *Китоврас* встречается с XIV века в двух значениях: во-первых, как имя нарицательное, называющее мифическое животное, в апокрифической литературе; во-вторых, как имя собственное персонажа в апокрифическом сказании о Соломоне и Китоврасе. Известно, что «эти русские апокрифы восходят к легендам о царе Соломоне и его противнике Асмодею, которого в славянских легендах заменил *Китоврас*» [2].

В словаре О.В. Беловой «Славянский бестиарий» [3] представлен материал, свидетельствующий о том, что имя *Китоврас* в древнерусских текстах включалось в целую систему вариантов: *Китоврась / Киторась / Кентавръ / Кенавръ / Кекентакръ / Некентоукръ, / Неноконтаръ / Инокентавръ / Иноцентавръ / Ноцентавръ / Инокентауръ, / Инокентакръ / Ипокентавръ / Ипакентовранъ / Иппокенавран / Иппокентавронъ*

Иппокетавронъ / Иппокетаврось / Иппокетвро / Онокентавръ / Анокентаръ / Анокентавръ / Анокентавръ / Инокентакратъ / Инокетаоуръ / Онокентавръ / Онокентаврис / Онокентавръ / Онокентандръ / Онокентаръ / кнокентавръ / ненокентавръ / нокенуръ / Кекентакръ / Некентоукръ / нокентваръ / нокентваръ [4]. Кроме этого, с данной системой номинаций соотносятся по своему содержанию такие имена, как *Иподесы / Поподесы / Иподесы / Ипподоны* – мифические люди с конскими ногами (с.135), *Сатиръ / Сатирь / Сатыр / Сатур Сатырь / Сатоуръ* – мифическое существо, получеловек-полукозёл; *Сатыри / Сатари / Сатири / Сатуры / Катыри / Ятыри / Исатыри* [5].

А.Н. Афанасьев сближает кентавров с *Гандхарвами*. В древнеиндийской мифологии это «группа полубогов, которые осмысляются как вредоносные духи воздуха, лесов и вод. Гандхарвы являются мужьями и возлюбленными апсар, они также певцы и музыканты» [6]. А.А. Бычков в «Энциклопедии языческих богов. Мифы древних славян» считает, кентавр – «то же самое существо, что и *Железотелый Ариман*, о существовании которого на севере России сообщает Низами в «Искандер-Наме» [7]. Говоря о Китоврасе, А.А. Бычков не отождествляет его с Кентавром, а только передаёт сюжет сказания о Соломоне и Китоврасе и добавляет, что он – одна из ипостасей *Асмодея / Ашмодея*, царя бесов, «исполнен мудрости и провидения» [8]. Ю. Беляев в книге «Зверобоги древности. Мифологическая энциклопедия» (М., 1998) упоминает также *Кентавротритона* – морского кентавра [9].

Следует отметить также, что в сказании о Соломоне и Китоврасе Китоврас совмещает в себе роль двух различных по культурным истокам героев: *Хирона* – кентавра греческой мифологии и *Хирама* – библейского строителя Иерусалимского храма Соломона.

Таким образом, только один перечень имён, формально и семантически соотносительных с именем *Китоврас* в мировой культуре, свидетельствует о древнейшей и многослойной истории развития культурного архетипа, положенного в его основу.

Развитие античного архетипа *Кентавр* пошло разными путями в западноевропейской и восточнославянской культурах средневековья и привело к появлению новых, часто противоречивых архетипов. Это связано с тем, что исходный архетип был создан на основе поэтики эпохи синкретизма. С.Н. Бройтман определяет границы этой эпохи: с палеолита до VII–VI вв. до новой эры в Греции и первых веков н. э. на Востоке [10]. Рассматривая специ-

фику архаичного слова, С.Н. Бройтман опирается на М.М. Бахтина, который считал, что оно «в сущности почти не имеет значения, оно всё – тема; его значение неотделимо от конкретной ситуации его осуществления. Это значение так же каждый раз иное, как каждый раз иной является ситуация. Здесь тема, таким образом, поглощает, растворяет в себе значение, не давая ему стабилизироваться и хоть сколько-нибудь отвердеть [11]. Применительно к имени *Кентавр* – *Китоврас*, тематизм его значения обнаруживается в том, что функции героя с этим именем целиком определяются сюжетом. Поэтому с точки зрения современного сознания этот герой проявляет себя то как положительный, то как отрицательный.

Второй особенностью имени *Кентавр* является то, что в нём, как в архаичном слове, «предельно ощутима и значима его внутренняя форма – этимологическое значение, в котором жива связь с тем представлением, которому обязано возникновение слова» [12]. Тем не менее в словарях русского языка и иностранных словарях обычно этимология этого слова не даётся или указывается, что «первоначальное значение не восстановлено». Только в одном из словарей иностранных слов сделано такое предположение: «Кентавры, гр. *Kentauros*, от *kineo* – изменять и *tauros* – бык [13]. Используя данные исторической поэтики, мы предлагаем несколько иную этимологию. Слово *Кентавр* в греческом *Κένταυρος* этимологически включает в свой состав *Κέν-*, по нашему мнению, выражающий значение подобия, и *ταυρος* – бык, тур. Следует особо остановиться на семантике элемента *Κέν-*. Он соотносится с прилагательным *Κένος* – пустой, тщетный, напрасный, не имеющий, лишённый чего-либо [14]. Это отрицательное значение является первичным, а значение сравнения и подобия развилось позже. Такой вывод можно сделать исходя из существования в древних языках следующей семантической универсалии, отмеченной О. М. Фрейденберг и С. Н. Бройтманом: сравнительные частицы генетически связаны с отрицательными, поскольку сравнение (как троп) произошло из отрицательного параллелизма. Исследователи приводят в пример древнегреческое *ut*, литовское *leu* [15].

Осознание внутренней формы и тематизма имени Кентавр различно в разные исторические культурные эпохи и в разных видах искусства. Более ярко это осознание в живописи: в античном изобразительном искусстве широко распространены сцены кентавромахии (южные метопы Парфенона, рельефы западного

фронтона храма Зевса в Олимпии, западного фриза Гефестейона в Афинах и др.; произведения вазописи и мелкой пластики) [16].

Но постепенно «ощутимость внутренней формы, как и тематизма, снижается по мере развития естественного языка» [17] и в связи с переходом архетипа в иные системы поэтики. Так, «в средневековом искусстве изображения Кентавра рано появляются в миниатюрах арабских и европейских космологических трактатов, среди знаков Зодиака (Кентавр – традиционный символ созвездия Стрельца)» [18]. В эпоху поэтики традиционализма Кентавр становится символическим архетипом. Как отмечают исследователи исторической поэтики, «символ по своему генезису принадлежит к синкретическому типу образа и этим принципиально отличается от позднейших тропов» [19]. Имя *Кентавр* приобретает новые символические функции в соответствии с христианской традицией. Складываются новые архетипы этого образа. В энциклопедии «Мифы народов мира» отражена западнохристианская традиция символизации кентавра: «Кентавра изображали в качестве слугителя ада наряду с бесами (фреска Нардо ди Чоне в капелле Строцци церкви Санта-Мария Новелла во Флоренции, середина XIV в., соответствующая эпизоду с Хироном, Фолом и Нессом у Данте, «Ад», X11, 55–75). В произведениях эпохи Возрождения Кентавры также порой выступают носителями греха, олицетворением животных страстей, похоти (картина С. Боттичелли «Паллада и кентавр»)» [20]. Образы-архетипы Кентавра в поэтике синкретизма и в поэтике традиционализма можно определить, используя характеристики А.Ф. Лосева, который писал: то, что в мифе было «действительностью в буквальном смысле слова, то есть действительными событиями и во всей реальности существующими субстанциями», в сфере позднейшей поэтической образности оказалось «феноменально и условно трактованным» [21].

Образ кентавра привлекал своей экспрессией и символической насыщенностью многих художников от Микеланджело до Рубенса, а также художников XIX–XX вв., например, О. Родена, П. Пикассо [22]. В искусстве нового времени, построенном на принципах новой поэтики – «поэтики художественной модальности» [23], архетип *Кентавр* отражает рефлекслирующее авторское сознание, становится психологически мотивированным образом. Этот новый архетип отражает новый тип образности, основанной на иной модальности. В эпоху новой поэтики, с XVIII в. по наши дни [24], развивается аналитизм образного мышления, предпола-

гающий присутствие автора. Это обусловило появление нового архетипа *Кентавр* в поэтике нового времени. В качестве примера можно привести современный роман Д. Апдайка «Кентавр», в котором главный герой – учитель (ср., в греческой мифологии кентавры были воспитателями героев, например наставник Ахилла – Хирон), а ночью – кентавр. В поэтике эгоцентризма образ кентавра становится сильным экспрессивным средством психологического анализа.

2

Славянский образ-архетип *Китоврас*, наряду с некоторыми унаследованными от Кентавра чертами, имеет свои особенности. Во-первых, стирается первоначальная этимология имени и появляются новые: народная этимология, сближающая *Китовраса* с *китом* < греч. *Κῆτος* 'морское чудовище' (см. ЭСРЯП, I, с.310; ЭСРЯФ III, с. 88), и описательная номинация: *Кони чловѣчьи головы* – мифические существа, сходные с кентаврами, например: «Пробанъ есть остров индѣиских земель, а родятся кони члвчьи главы.» [25].

Многие апокрифы о Соломоне, в состав которых включалось и сказание о Соломоне и Китоврасе, восходили к античным и средневековым восточным источникам – некоторые из них имеют параллели в талмудической литературе. Уже в XIV в. «О Соломоне цари басни и кощюны и о Китоврасе» включались в южнославянские и русские *Списки отреченных книг* [26].

По сравнению с *Кентавром*, архетип *Китоврас* является новым и более сложным. Он имеет несколько культурных истоков: древнегреческий, индийский, библейский, талмудический и славянский. Эти культурные архетипы причудливо переплетаются в образе Китовраса, а сам этот образ интересен тем, что в нём нашли отражение и поэтика синкретизма, и поэтика традиционализма и даже поэтика художественной модальности.

От *древнегреческого истока*, от Кентавра, Китоврас получил имя (правда, значительно преобразованное по звучанию и внутренней форме, о чём шла речь выше) и внешний облик (также значительно преобразованный и варьирующий от текста к тексту). Ср., например, разные описания Китовраса: (1) «головы чловѣчьи, власы женския»; (2) «звѣрь борзъ ... стан члвчъ. А ноги корови...»; (3) «Онокентавръ, звѣрь неякии, ѡт головы якъ члкъ, а ѡт ногъ якъ осель, по словенску китоврасъ»; (4) «Онокентаврись,

ѡвѣрь китоврас от глвы до пояса по всему члвкъ, от пояса кон...» [27]; (5) «человек с двумя головами, живший под землёй» [28] и др. К античному образу восходят и поведение Китовраса, и его обитание в местах пустынных. Это «дивий зверь», могучее свободлюбивое существо, не признающее над собой никакой власти. В апокрифических сказаниях о Соломоне и Китоврасе, в одном из сюжетных вариантов – в «Повести об увозе Соломоновой жены» (XVII в.) видоизменён античный сюжет о том, как Кентавр Евритион хотел похитить молодую жену Пирифоя, Гипподамию.

От *индийского истока* следует повторяющееся во многих текстах (см. указ. ранее «Славянский бестиарий» О.В. Беловой) указание на то, что Китоврас живёт в Индии. Я.С. Лурье предположил, что генетически образ Китовраса восходит к *гандавр*у – индийскому духу [29].

К *библейскому истоку* восходит сюжет о том, как Соломон строил Иерусалимский храм. Китоврас заменил в сказании библейского Хирама. В Библии имя *Хирам* имеют два, по-видимому, разных мастера, участвовавшие в строительстве храма Соломона. Во-первых, Хирам – это царь Тирский, друг Давида и Соломона, который по просьбе Соломона привёз «деревя кедровые и дерева кипарисовые» для строительства храма (Библия, 2 Цар. 5, 11; 3 Цар. 5, 1–12; 3 Цар. 9, 11–28). Во-вторых, это искусный мастер Хирам, о котором в Библии сказано: «И послал царь Соломон, и взял из Тира, сына одной вдовы. Из колена Неффалимова. Отец его, Трянии, был медник; он владел способностью, искусством и умением выделывать всякие вещи из меди. И пришёл он к царю Соломону, и производил у него всякие работы» (3 Цар. 7, 13–14). Далее перечисляются все предметы культа и убранства храма, сделанные Хирамом из меди (3 Цар. 7, 15–45). Образ Китовраса ближе к первому Хираму, поскольку в особой версии о Соломоне и Китоврасе, помещённой в сборнике книгописца конца XV в. Ефросина сказано, что он был *сыном Давида*, следовательно, *братом Соломона*: «глаголют его, яко царев сын Давидов» [30]. Я.С. Лурье отмечает, что «эта подробность сюжета связывает рассказ с изображением на Васильевских вратах XIV в. из Новгородской Софии (перенесённых Иваном IV в Александрову слободу), в надписи к которому указано, что Китоврас бросил «братом своим на обетованную землю» [31]. В отличие от своего прототипа Хирама, Китовраса не приглашают строить храм, а обманным путём пленяют: узнав, из каких колодцев пьёт Китоврас, «Соломон же велѣлъ налити ихъ единъ вина, а други меду. Он же

тъ оба кладязя, прискоча, испиль. Туто его пьяного съ сна поимали и сковали крѣпко» [32].

По мнению исследователей, Китоврас генетически связан и с *талмудическим демоном Асмодеем*, царём бесов. Это одна из его ипостасей. Ночью Китоврас царствовал над зверями и растениями [33].

Рассмотрев всё многообразие истоков *славянского Китовраса*, можно сделать вывод, что образ Китовраса (его внешний облик и поведение) создан на основе поэтики синкретизма, значительно отличающейся от поэтики традиционализма и поэтики художественной модальности. Следовательно, хотя сказания о Соломоне и Китоврасе получили широкое распространение на Руси в эпоху развития христианской культуры, они отражают языческое сознание и языческую поэтику, не одухотворённую Духом Божиим. Именно поэтому «уже в XIV в. «О Соломоне цари басни и кощюны и о Китоврасе» включались в южнославянские и русские *Списки отреченных книг*. <...> В XVI в. апокрифы, по-видимому, специально исключались (вырезались) из рукописей Палеи. В XVII в. интерес к ним вновь возрождается в русской письменности – появляются новые сказания о Соломоне, его жене и Китоврасе» [34]. И это не случайно: XVII в. – время Смуты, время религиозного раскола.

Вместе с тем следует отметить, что все вариации сказания о Соломоне и Китоврасе подчинены характерной для средневековой *поэтике литературного этикета*, которую Д.С. Лихачёв определил так: «...не жанр произведения определяет собой выбор выражений, выбор формул, а предмет, о котором идёт речь. Именно предмет, о котором идёт речь, требует для своего изображения тех или иных трафаретных формул» [35]. Д.С. Лихачёв отмечает, что эти формулы подбираются в зависимости от того, что говорится о герое, о каких событиях идёт повествование. Рассматривая древнерусские и старорусские тексты, можно сделать вывод о том, что образ Китовраса по своему содержанию соотносится с поэтикой синкретизма и язычества, а по форме словесного повествования с поэтикой традиционализма. Это явление можно осмыслить только в общем контексте той культурной ситуации, которая сложилась в Древней Руси после её Крещения. Прот. Георгий Флоровский характеризует её так: «Язычество не умерло и не было обессилено сразу. В смутных глубинах народного подсознания, как в каком-то историческом подполье, продолжалась своя уже потаённая жизнь, теперь двусмысленная и двоеверная.

И в сущности слагались две культуры: дневная и ночная. <...> В подпочвенных слоях развивается "вторая культура", слагается новый и своеобразный синкретизм, в котором местные языческие "переживания" сплавляются с бродячими мотивами древней мифологии и христианского воображения. Эта вторая жизнь протекает под спудом и не часто прорывается на историческую поверхность. Но всегда чувствуется под нею, как кипящая и бурная лава" [36]. Очень важно для наших последующих наблюдений над развитием архетипа *Китоврас* то, как определил отец Георгий Флоровский различие между этими двумя культурами: «"Дневная" культура была культурой духа и ума, это была "умная" культура; и "ночная" культура есть область мечтаний и воображения... Впоследствии в этой вольности народного воображения усмотрели одну из основных черт русского народного духа» [37]. К этой теме мы вернёмся далее.

В "Славянском бестиарии" О.В. Беловой предложены материалы, свидетельствующие о том, что в других памятниках древнерусской и старорусской письменности (например, в "Физиологе") слова *кентавр*, *китоврас* и их фонетические варианты (см. выше) встречаются также и как имена нарицательные. В прямом значении они обозначают зооморфных существ (получеловек – полуконь, получеловек – полуосёл, получеловек – полукозёл и др.). А их символические значения связаны с христианской этикой: 1) *инокентавръ* – обозначение лицемерных людей (Тако и вьсякъ члкъ двоіедшнь. Недѡстатьчѣ їес въ всѣхъ поутѣхъ своихъ. И соуть. И соуть нѣцїи събирающеисѣ въ цркви. Образъ бо имоуше блгочѣстїю, сілы бо їегѡ штметающесе. И въ цркви яко и члвци соуше. Да вьнїегда изыдоуть. Бываютъ лоучшее скота. Таковїи сиринское. И инокїентовровш лице приїемлюшеи. Физ. А. Александров 1893, 3: 58–59) ; 2) *онокентавръ* 1, *икентавръ* – обозначение нетвёрдых в вере людей (Тако же и икентавръ. Поль его есть члвка а поль шсляте. Тако и члвкъ весь не сотворенъ въ всѣхъ поутехъ своихъ. Боудоуть нѣцїи собрани въ цркви шобразъ имоуши благочестїа. А силы его штмѣтаюшисѣ. И въ цркви яко члвци соуть а егда излезоуть то погїбноуть. Таци же соуши сиринъ и инокентаоуръ лице возьмлютъ. С противныхъ силъ". Физ. Л., Карнеев 1890: 252–243). [38]

В русской литературе XIX в. образ Китовраса не встречается, а имя Кентавра употреблялось только в античном контексте. Согласно «Словарю языка Пушкина», в творчестве А.С. Пушкина это имя используется только три раза, например: «Покров, упитанный язвительною кровью, Кентавра мстящий дар, ревнивою любовью Алкиду передан. Алкид его приял» [39].

В начале XX в. в поэзии Серебряного века, в связи с пробудившимся интересом к античности, к русской архаике, фольклору и древнерусской литературе, имя Кентавра-Китовраса вновь появляется. Так, в творчестве Н.А. Клюева слово *кентавр* употребляется 2 раза, *полукентавр* и *центавр* – 1, а *Китоврас* – 12 раз [40]. В конце XX в. образ Кентавра использует И. Бродский в квартете «Кентавры». В новой поэтике художественной модальности этот архетип значительно преобразуется под влиянием авторской аксиологии, его содержание во многом определяется уникальным мировоззрением обоих поэтов. Но и здесь много архетипического.

На связь между творчеством этих очень разных поэтов на основе «одной классической поэтической метафоры» (Кентавра) впервые обратил внимание Дэвид Макфэйден (Галифакс, Канада) [41]. Однако автор не обратил внимание на имя *Китоврас* и слово *центавр* у Клюева, и основывался только на одном употреблении в его стихах слов *кентавр* и *полукентавр*, и соотносил их образный смысл с именем *Пегас*. В силу этого он учитывает в своих рассуждениях только античный культурный контекст, а исторический контекст русской культуры выпал из его поля зрения, что привело к чрезмерной (и не всегда справедливой) политизированности этой очень интересной статьи.

Прежде чем рассматривать образ *Китовраса* у Клюева, сравним значения образа *Кентавра* у Клюева и Бродского, учитывая, конечно, результаты анализа, проведённого в указанной выше статье Дэвида Макфэйдена. Он отмечает, что образ кентавра (метафора кентавра) Бродского основан на «межтекстуальной цепи, или эволюции влияния» [42]. Далее он пишет: «Произведения, о которых идёт речь: «Я гневаюсь на вас и горестно браню...» Николая Клюева (1932–1933), «Соляной бунт» Павла Васильева (1933), «Поэма без героя» Анны Ахматовой (1940–1962) и квартет Бродского, который до известной степени суммирует тему варварского существования на пределе империи, тему «порога», которая присуща всем этим произведениям» [43]. Внима-

тельное прочтение стихотворения Клюева «Клеветникам искусства» не позволяет нам согласиться с интерпретацией этого произведения Д. Макфэйденом. В стихотворении Клюева русский *Пегас* символизирует классическую русскую поэзию (указываются имена Пушкина, Кольцова и, что интересно, Есенина в тексте стихотворения), а *Кентавр* – только современную поэзию (поэта Павла Васильева). Ср.:

<...>

Пегасу русскому в каменоломне

Нетопыри вплетали в гриву

И пили кровь, как суховеи ниву,

<...>

Чтобы гумно, где Пушкин и Кольцов,

С Есениным в венке из васильков,

Бодягой поросло, унылым плауном,

В разлуке с *песногривым скакуном*,

И с *молотьбой* стиха свежее борозды

И непомернее *смарагдовой звезды*,

Что смотрит в озеро, как чаша, колдовское,

Рождая струнный плеск и вещей сказок рой! (11, 145)

Далее, утверждая, что русский Пегас – русская поэзия жива, Клюев последовательно характеризует в символических образах свою поэзию (образы дуба с кладом и Сирином, осетра), Клычкова (образы дубленых пахот, лесного аютика, еловых шишек), Ахматову (сравнивает с жасминным кустом, с облачком сквозящим), и только Павла Васильева сравнивает с *кентавром*, подчёркивая неукротимую стихию его поэтического слова:

Полыни сноп, степное юдо,

Полуказак, полукентавр,

В чьей песне бранный гром литавр,

Багдадский шёлк и перлы грудой,

Васильев – омуль с Иртыша.

Он выбрал щуку и ерша

Себе в друзья, – на песню право,

Чтоб цвести в поэзии купавой, –

Не с вами правнук Ермака! (11, 145)

Поэзию Павла Васильева Клюев характеризует целой цепочкой сравнений, соотносительных с образами русского фольклора. Это полностью снимает, нейтрализует античный культурно-

исторический контекст слова *полукентавр* и приписываемый ему Д. МакФэйденом символизм порога. Тем более нет здесь темы «варварского существования на пределе империи», о которой он пишет. Наоборот, здесь видится нам беспредельная сила русского духа, воплощённая в вольных степных и водных просторах, в героическом прошлом русского казачества. «Не с вами правнук Ермака!» – ясно говорит клеветникам искусства Клюев. Поэт пишет о Павле Васильеве как о своём ученике, а о себе как о его духовном наставнике:

На стук степного батожья,
На ржанье сосунка *кентавра*
Я осетром разинул жабры,
Чтоб гость в моей подводной келье
Испил раскольничьего зелья,
В легенде став *единорогом*,
И по родным полынным логам,
Жил *гривы* заревом, отгулами *копыт* –
Так нагадал осётр и вспенил перлы кит! (11, 146)

Своё поэтическое творчество Клюев считает общерусским (в пространстве и времени) [44]. Когда клеветники искусства сослали его в Сибирь и обрекли его на «варварское существование на пределе империи», то и тогда он не сломился, и вся сокровенная Русь была в его сердце, с ней он хотел петь и после окончания земной жизни в раю:

«Приди, дитя моё, приди!» –
Запела лютя не земная,
И сердце птичкой из груди
Перепорхнуло в кущи рая.

И первой песенкой моей,
Где брачной чашею лилея,
Была: «*Люблю тебя, Рассея,*
Страна грачиных озимей!» (11, 175)

О духовном родстве поэзии Павла Васильева к своей поэзии пишет Клюев и тогда, когда предсказывает, что Васильев в будущем прославится, «в легенде став *единорогом*» (см. ранее процитированный текст). А этот символ – один из ключевых в его твор-

честве, и связан он с образным определением истинного самобытного искусства:

Мне революция не мать, –
Подросток смуглый и вихрастый,
Что поговоркою горластой
Себя не может рассказать!
Вот почему Сезанн и Суслов
С индийской вязью теремов
Единорогом роют русло
Средь брынских гатей и лесов.
Навстречу Вологда и Вятка,
Детинцы Пскова, Костромы... (11, 220)

Единорог – одно из мифических существ, описываемых в древнерусских легендах. По данным «Славянского бестиария» О.В. Беловой (с. 99), это слово – калька с греческого, оно обозначало мифическое существо, схожее с конём (ослом, оленем), имеющее во лбу большой рог. Особо выделяется мотив «сиротства» единорога. Символические значения у этого имени очень противоречивые: 1) обозначение человека, не забывающего о Боге, 2) обозначение Христа, помогающего возродиться падшему человеку, 3) обозначение человека, побеждённого «женскими прелестями», 4) обозначение беса, одолевающего человека. У Клюева формируется в образном контексте новый (вторичный по семантике) поэтический символ: единорог – символ духовной силы истинного искусства. Не случайно наиболее полное на сегодняшний день издание произведений Клюева названо «Сердце единорога» (СПб., 1999).

Рассматривая употребление слов *кентавр*, *Китоврас* в контексте всего творчества Клюева, можно составить ассоциативно-смысловую парадигму имён мифологических зооморфных существ, в которую это слово включается. По нашим наблюдениям, у Клюева эта поэтическая парадигма состоит из следующих слов: *Алконост* (10), *Единорог* (4), *Кентавр* (1), *полукентавр* (1), *Китоврас* (12), *Пан* (1), *Пегас* (4), *Сирин* (28) *Феникс* (1) *Финист* (7). Все эти имена в творчестве Клюева выражают идею о мистической природе поэтического творчества. Эта мысль очень характерна для поэзии Серебряного века. В связи с этим, следует отметить, что *кентавры* И. Бродского *Софа* и *Муля* совсем не похожи на *кентавра* и *Китовраса* у Клюева, в чём пытается нас убедить Д. Макфэйден в указанной выше статье. Так, например.

он пишет: «Физический состав кентавров раскрывается в образах отдалённо напоминающих о Пегасе, кентаврах, сатирах, нимфах и фавнах в рассмотренных произведениях Клюева, Васильева и Ахматовой:

Наполовину красавица, наполовину софа, в просторечии – Софа,
По вечерам оглашая улицу, чьи окна отчасти лица,
Стуком шести каблучков <... >
На две трети мужчина, на одну легковая – Муля –
Встречает её рычанием холостых оборотов
И увлекает в театр. [45]

Далее Д. Макфэйден, продолжая пересказ содержания “Кентавров” Бродского, пишет: «эти получеловеческие кентавры в магическом контексте символизируют ещё один “эволюционный” шаг, ближе к накоплению безликого сброда будущего ...». Затем он продолжает: «В квартете это только одна из многих метаморфоз, которые превращают кентавров в мутантных животных – или “муу-танки”, в адский, раздираемый войной союз скота с машиной, который сравнивается с единорогом, т. е. со старой русской пушкой и с геральдическим зверем, имеющим кривой рог, оленьи ноги, козлиную голову и львиный хвост. Игнорируя своё, неизбежно адское будущее, кентавры торопятся в театр...» [46].

Отчасти можно согласиться с мнением Д.Макфэйдена о том, что кентавры Бродского по своей смысловой символике напоминают кентавров Данте, а те, в свою очередь, заимствованы у Овидия [47]. Следует только отметить, что кентавры Бродского – это их метафоры по сходству внешнего облика: кентавры (получеловек-полуконь) > Муля и Софа (получеловек-полулёгковая и получеловек-полусофа). А метафорический сдвиг во внутренней форме приводит неизбежно и к значительному изменению семантики образа: кентавры Данте и Овидия – образы более обобщённые, более грандиозные и более синкретичные по сравнению с кентаврами Бродского, привязанными к определённой исторической эпохе и определённому мировоззрению поэта. Квартет “Кентавры” Бродского был издан впервые в эпоху холодной войны в эмигрантском журнале “Континент” в 1988 году [48].

При сравнении кентавров Бродского с Китоврасом Клюева выясняется, что это образы-антагонисты. У Бродского – это разрушители культуры и невольные агрессоры, существа с адским будущим. У Клюева Китоврас – это символ певца, а значит и творца

культуры, существо с райским будущим. В качестве доказательства приведем стихотворение Клюева, написанное в страшные годы гражданской войны в России (в 1920 или в 1921 гг.), в эпоху, когда рушились культурные основы России, в эпоху культурного исхода России в эмиграцию. Тем не менее это стихотворение насыщено светлыми, благодатными образами русской культуры. Поэт осмысливает её значение во вселенском масштабе:

В шестнадцать – кудри да посиделки,
А в двадцать – первенец, молодница, –
Это русские красные горелки,
Неопалимая *феникс-птица*.

Под тридцать – кафтан степенный,
Пробор, как у Мокрого Спаса, –
Это *цвет живой, многоценный*,
С луговин *певца-Китовраса*.

Золотые столбы России,
Китоврас, коврига и печь
Вам в пески и устья чужие
Привелось, как Волге, *истечь*.

Но мерцает в моих страницах,
Пеклеванных созвездий свет.
Голосят газеты в столицах,
Что явился *двуглаз – поэт*.

Обливаясь кровавым потом,
Я несущу стихотворный крест
К изумрудным Лунным воротам,
Где напевы, как сонм невест.

Будет встреча *хлебного слова*
С *ассирийской флейтой-змеёй*,
И Великий Сфинкс, как королева,
На Сахару прольёт *удой*.

Из молочных хлябей, как озимь,
Избяные взойдут коньки,
Засвирелит бляением козьим
Китоврас у райской реки.
И под огненным баобабом
Закудахчет *павлин-изба* ...
На помин олонецким бабам
Эта тигровая *резьба*.

При чтении этого стихотворения возникает вопрос, почему *Китоврас* попадает здесь в один образный ряд с такими далёкими от него, на первый взгляд, символами, как *коврига*, *печь*, *хлебное слово*, *павлин-изба*? Л.А. Киселёва, известный киевский исследователь Клюева, объясняет это тем, что для Клюева и его учеников-поэтов был характерен «своеобразный “цеховой” язык». Она отмечает: «Не зря “олонецкий знахарь” писал о мужицком “тайнозрении”, о магии народной речи, о “потайных”, “зарочных”, “отпускных” словах бытового народного факиризма. <... > Код создавался и за счёт особых “подтекстов” в привычных, общеизвестных именах и символах (таких, к примеру, как: *коврига*, *изба*, *поле*, *Голгофа*, *Китеж*, *Китоврас*...)» [49]. Представляется, что в этих символах нет языческого мистицизма, а их тайна – это тайна сокровенного сердца поэта, оплакивающего катастрофическую русскую историю XX в. Это тайна трагическая и живая, а не книжная:

Ты катися, слеза, роковая, горелая,
Побратайся с былинкой, с ночным светляком!
Схоронись в буреломе, с дремучим валежником,
Обернись алмазом, подземной струёй,
Чтоб на братской могиле прозябнуть подснежником,
Сочетая поэзию с тайной живой. (15, 459–460)

Рассматривая фразу из одного стихотворения Клюева, посвященного С. Есенину («Белый цвет Серёжа, // С *Китоврасом* схожий ...»), Л.А. Киселёва называет весь спектр устоявшихся ахре-типов, соотносительных с этим образом в древнерусской и старорусской культуре, и делает вывод: «однако следует помнить, что при столь широком спектре значений преобладающим в имени *Китовраса* у Клюева является значение *волшебной силы и непредсказуемости*... (выделено нами. – Л.Я.)» [50]. Есенин “Разлюбил мой сказ”, т.е. поэзию Клюева, потому что “с *Китоврасом* схожий”, то есть переменчив, непредсказуем? Автор приводит раздражённый есенинский отклик на эту фразу в письме к Иванову-Разумнику: «Я больше знаю его, чем Вы, и знаю, что заставило написать его <эти строки>» [51]. Однако отрицательному толкованию образа *Китовраса* в этом стихотворении («Елушка-сестрица») противоречит весь его смысл: образы опального поэта, пророчество о гибели Есенина, смерть которого Клюев провидчески сравнивает со смертью убиенного царевича Дмитрия, а также ближайший контекст слова:

Белый цвет Серёжа,
С *Китоврасом* схожий,
Разлюбил мой сказ!
Он пришелец дальний,
Серафим опальный,
Руки – свитки крыл.
Как к причастью звоны,
Мамины иконы,
Я его любил. <...> (11, 89–90)

Видимо, субъективное, пусть и есенинское, восприятие этой фразы, следует отличать от того символического содержания, которое сформировалось у имени *Китоврас* в контексте всего творчества Клюева: это символ сказочной крестьянской Руси, Китежа, и её певцов – Есенина и Клюева. Поэт сравнивал себя с Китоврасом в полемическом стихотворении «Меня Распутиным называли...»:

Потомок бога *Китовраса*,
Сермяжных Пудов и Вавил,
Угнал с Олимпа я Пегаса
И в конокрады угодил. (11, 94)

Продолжая высказанные в статье мысли Л.А. Киселёвой, определим основные направления символизации этого имени. Прежде всего, следует отметить, что количество употреблений и образные значения слов *Китоврас* (12), *кентавр* (1) и *полукентавр* (1), *центавр* (1) у Клюева очень отличаются. Значение живой, непредсказуемой, стихийной молодой силы поэзии появляется у слов *кентавр* и *полукентавр* в том фрагменте стихотворения «Клеветникам искусства», в котором речь идёт о поэте Павле Васильеве (см. об этом выше). Значение страшной, тёмной inferнальной силы, несущей гибель России, царскому дому Романовых и царскому наследнику Алексею, имеет слово *центавр* в «Песни о Великой Матери». Этим именем Клюев называет Распутина:

И сверчок по короткой минуте
Выпил время, как тени закат...
Я тебе содрогаюсь, *Распутин*,
Домовому и облачку брат!
Не за истовый крест и лампадки,
Их узор и слезами не стёрт,
Но за маску рысиной оглядки,

Где с дитятей голубится чёрт.

<... >

Ярым воском расплавились души
От купальских малиновых трав,
Чтоб из гулких подземных конюшен
Прискакал краснозубый центавр.

Слишком тяжкая выпала ноша
За нечистым брести через гать,
Чтобы смог лебедёнок Алёша
Бородатую адскую лошадь
Полудетской рукой обуздать! (13, 38)

Совсем иное значение, противоположное по аксиологическому содержанию, получает в творчестве Ключева имя *Китоврас*, о символических значениях которого уже говорилось выше. Этот образ прежде всего связан с образом сказочного Китеж-града – символа исконной сокровенной Руси. Этот топоним поэт упоминает в своих произведениях 18 раз [52]. Данная мифологема-топоним в творчестве Ключева подробно рассмотрена в статье С.Н. Смольникова [53]. Здесь мы ограничимся только некоторыми замечаниями о соотносительности мифологем *Китежа* и *Китовраса* в стихотворении "Русь-Китеж". Китоврас вместе с *Сирином* предстают в этом стихотворении как символы Китеж-града, его певцы, которые исчезают вместе с ним в годину гибели русской крестьянской культуры: "Больше не будет сказки за веретеном, / Позапечных, брынских тропинок. <...> В горенке *Сирин* и *Китоврас* / Оставили помёт да перья. / Не обрядится в шамаханский атлас / В карусельный праздник Лукерья" (12, 182). Поражает в этом стихотворении и сила пророческого предвидения о грядущих судьбах народного искусства, когда оно станет предметом изображения и мёртвой стилизации на телевидении и в Интернете:

Из космических косных скорлуп
Забрезжит лицо Исполина:
На челе прозрачный топаз –
Всемирного ума панорама,
И "в нигде" зазвонит *Китоврас*,
Как муха за зимней рамой.
Заслудеет память-стекло,
Празелень хвой купальских... (12, 183)

Оценивая положение народного искусства в современной России, Г. Свиридов, выдающийся композитор современности, писал: «Итак, огромное большинство людей знают о культуре не по её образцам, а по информации газет, радио, TV, журналов и т.д. < ... > Бездарный, плоскомыслящий сотрудник органов общественной пропаганды сеет невежество, прививает людям низменные вкусы, низменное представление о жизни. Они воспитывают людей без чувства прекрасного, без чувства возвышенного, без чувства уважения к истории своего народа, к «преданию», как говорил Пушкин» [54].

Клюев – один из тех, кто в жестокий двадцатый век понял и воплотил в своём творчестве красоту народного искусства, его неиссякаемое тепло и свет.

Но эта серость, соль, сермяга,
Как в зной ручей на дне оврага,
Который год пленяют нас!
То окунув в струи копытца,
Не может сказке надивиться
Родной овечий Китоврас! (10, 436)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бурдон И.Ф. и Мехельсон А.Д. Словотолкователь 30000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка с означением их корней. Изд. 3-е. М., 1871. С. 280.
2. Чернецов А.В. Китоврас // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 224–225.
3. Белова О.В. Славянский бестиарий. М., 2001.
4. Белова О.В. Указ. раб. С. 132, 135, 141, 142–143, 192–193.
5. Белова О.В. Указ. раб. С. 222–223.
6. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Справочно-библиографические материалы. М., 2000.
7. Бычков А.А. Энциклопедия языческих богов. Мифы древних славян. М., 2001. С. 140, 100.
8. Бычков А.А. Указ. раб. С. 141.
9. Беляев Ю. Зверобоги древности. Мифологическая энциклопедия. М., 1998.
10. Бройтман С.Н. Историческая поэтика / Учебное пособие. М., 2001. С. 25.
11. Медведев П.Н. [Бахтин М.М.] Формальный метод в литературоведении // Волошинов В.Н., Медведев П.Н., Канаев И.И. Статьи. С. 110.

12. *Потебня А.А.* О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914. С. 3.
13. *Бурдон И.Ф. и Михельсон А.Д.* Указ. раб. С. 280.
14. *Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. М., 1991. С. 702.
15. *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. М., 1978. С.192–193; *Бройтман С.Н.* Историческая поэтика. М., 2001. С. 56.
16. Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х томах. М., 1980. Т.1. С. 639.
17. *Бройтман С.Н.* Указ. раб. С. 430.
18. Мифы народов мира. Т. 1. С. 639.
19. *Бройтман С.Н.* Указ. раб. С.54.
20. Мифы народов мира. Т.1. С. 639.
21. *Бройтман С.Н., с. 44; Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. М., 1982. С. 407.
22. Мифы народов мира. Т. 1. С. 639.
23. *Бройтман С.Н.* Указ. раб.
24. *Бройтман С.Н.* Указ. раб.
25. *Белова О.В.* Указ. раб. С.146.
26. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV– XVI в.). Часть 1. А – К / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. Л., 1988. С. 66. В этом источнике указаны более ранние работы: *Пыпин А.Н.* Старинные сказки о царе Соломоне: Исторические чтения о языке и словесности. СПб., 1855. С.262–284; *Веселовский А.Н.* Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872; *Ярошенко-Титова Л.В.* «Повесть об увозе Соломоновой жены» в русской рукописной традиции XVII–XVIII вв. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29, 260–261 и др. Тексты сказания неоднократно издавались, см., например: Памятники литературы Древней Руси. XIV– сер. XV в. М., 1981. С. 66–86.
27. *Белова О.В.* Указ. раб. С. 142–143, 192, 193.
28. Словарь книжников... С.66.
29. Словарь книжников ... С. 67.
30. Словарь книжников... С. 67–68.
31. Словарь книжников ... С.67–68.
32. О Китоврасе от Палеи // Памятники литературы Древней Руси. XIV–середина XV века. М., 1981. С. 72.
33. *Бычков А.А.* Энциклопедия языческих богов. Мифы древних славян. М., 2001. С. 141.
34. Словарь книжников ... С.66.
35. *Лихачёв Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 81.
36. *Прот. Георгий Флоровский.* Пути русского богословия. Париж, 1937 (Вильнюс, 1991). С. 3.
37. Там же, с. 3.
38. Цит. по указ. выше работе О.В. Беловой: *Александров А.* Физиолог // Учёные Записки Казанского Университета. Казань, 1893, год 60-й, кн. 3, с.39–74; кн. 4, с 81–112; *Карнеев А.Д.* Материалы и заметки по литературной истории "Физиолога" // Изд. ОЛДП. СПб., 1890, т. 92 (с публи-

кацией текста Физ., списки Л, Ц, Е); Карнеев А.Д. Новейшие исследования о "Физиологе" // ЖМНП. СПб., 1890, ч. 267, с. 172–208.

39. Словарь языка Пушкина. М., 1957. Т. 1. С. 312.

40. Частотный поэтический словарь Н.А. Клюева / Под ред. Л.Г. Яцкевич. – Вологда. Машинопись.

41. Дэвид Макфэйден. Клюев, Васильев, Ахматова и Бродский: Метаморфоза одной классической поэтической метафоры // Ритуально-міфологічний підхід до інтерпретації тексту. Збірник наукових праць. Київ, 1998. С. 206–226.

42. Дэвид Макфэйден. Указ. раб. С.207.

43. Дэвид Макфэйден. Указ. раб. С.. 207–208.

44. Яцкевич Л.Г. Поэтическая география Н.А. Клюева // Вытегра. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 154–195.

45. Дэвид Макфэйден. Указ. раб. С. 217.

46. Дэвид Макфэйден. Указ. раб. С. 218–219.

47. Дэвид Макфэйден. Указ. раб. С. 219–220.

48. Дэвид Макфэйден. Указ. раб. С. 207.

49. Киселёва Л.А. Есенин и Клюев: Скрытый диалог (попытка частичной реконструкции) // Николай Клюев: Исследования и материалы. М., 1997.

С. 183.

50. Киселёва Л.А. Указ. раб. С. 183–184.

51. Киселёва Л.А. Указ. раб. С. 183. Автор ссылается на кн.: Савченко Т.К. Сергей Есенин и его окружение. М., 1990. С. 47.

52. Частотный поэтический словарь Н. Клюева ...

53. Смольников С.Н. Мифологема-топоним «Китеж» в поэтической системе Н.А. Клюева // Клюевский сборник. Вып. 1. Вологда, 1999. С. 88–107.

54. Свиридов Георгий. Музыка как судьба. М., 2002. С. 531.

Источники

Клюев Н. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1977. (10)*.

Клюев Н. Песнослов. Стихотворения и поэмы. Петрозаводск: Карелия, 1990. (11)

Клюев Н. Стихотворения и поэмы. М.: Художественная литература, 1991. (12)

Клюев Н. Песнь о Великой Матери // Знамя. 1991. №11. (13)

Бродский И.А. Избранные стихотворения. 1952–1992. М.: Панорама, 1994.

* Нумерация источников Клюева в тексте статьи дана в соответствии с «Частотным поэтическим словарём Н. Клюева».

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ
'ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА ПО ЕГО ВНЕШНЕМУ ОБЛИКУ'
(на материале экспрессивов в вологодских говорах)**

Лексическая система языка хранит богатую информацию о системе ценностей того или иного народа. «В слове аккумулируются особенности восприятия мира, хранится и передается из поколения в поколение исторический опыт народа, его генетическая память» [4: 6]. В этом контексте особое место занимает лексика экспрессивная, выражающая ценностные ориентиры языковой личности в гораздо большей степени, нежели лексика нейтральная. Экспрессивы со значением лица могут рассматриваться как языковая сфера, в которой ценности данного социума находят свое почти непосредственное выражение.

Настоящая статья посвящена анализу денотативного аспекта значения экспрессивов, характеризующих человека по его внешнему облику, в говорах Вологодской области.

Для вычленения этих слов не требуется каких-либо дополнительных обоснований и объяснений, так как противопоставленность характеристик внешности человека всем остальным вполне очевидна и не нуждается в доказательстве.

Обращает на себя внимание тот факт, что экспрессивному наименованию подвергаются такие характеристики внешнего облика человека, которые каким-либо образом отступают от нормы. Как справедливо замечает Н. Д. Арутюнова, «сама норма, соответствующая срединной части градационной шкалы, имеет слабый выход в семантику... Ненормативные признаки требуют специального обозначения. Они должны быть выделены и названы» [1: 9–10].

Внешность человека может характеризоваться как в общем (крупный план), так и в частном, в деталях, в каких-либо индивидуальных чертах. В самом обобщенном виде внешняя характеристика человека представлена полярными лексико-семантическими группами (ЛСГ) 'красивый человек' – 'некрасивый человек', которые образуют микрополе 'общая характеристика человека по его внешнему облику'.

ЛСГ 'красивый человек' включает следующие лексические единицы (ЛЕ): *наглядёнок, славёна, славник, славнуха, славутник, славутница*: «Был у нас в деревне *славник* красивый, все девки по ём тосковали» (Баб., КСВГ).

В данных словах, положительно оценивающих человека по его внешнему виду, как правило, содержится также сема 'хороший, добрый человек' в качестве факультативной, которая, в свою очередь, дает характеристику внутренним качествам человека: «Ой ты, матушка ведь Уханова умерла. Раньше ведь была *слоутица* какая, красивая, добрая» (Кир., КСВГ). Эта мысль подкрепляется также тем, что ведущим мотивом, положенным в основу номинации слов данной группы в говорах Вологодской области, является мотив 'славный': *славёна, славник, славнуха, славутник, славутница*. «Мотив интерпретируется как инвариант смыслов, существующих в семантической структуре единиц поля. Каждый мотив представляет собой отображение представлений носителя языка о человеке» [5: 234].

ЛСГ 'некрасивый человек' включает следующие слова: *баянник, бука, жомулька, калабашка, ничевушка, ожовок, страховина* и др., а также общерусское слово *страшилище*. Количество слов, входящих в данную ЛСГ, почти в 3 раза превышает число членов антонимичной группы. Это доказывает, что более заметным, бросающимся в глаза является безобразное, уродливое, нежели красивое.

Характеристика человека по его росту выражается словами двух антонимичных ЛСГ 'высокий человек' и 'низкорослый человек', образующих микрополе 'характеристика человека по его росту'.

В ЛСГ 'высокий человек' входят: *большак, вешало, дилигало, долгарь, долгуша, дын, жердяй, лымарь, лыха, сохатина* и др. Большая часть слов, образующих данную ЛСГ, отличается моносемной структурой, то есть «содержит в основном одну сему, отражающую некоторый признак лица» [6: 62]: *сохатина, лымарь, вешало, зызло, дышло* и мн. др.: «Вона *левля* какой *вымахал*, выше отца» (Шексн., СВГ 4: 33). Однако данная ЛСГ содержит также и полисемные [6: 62] ЛЕ, на что указывали и другие исследователи, рассматривавшие слова, характеризующие человека по внешнему облику, на общерусском и диалектном (ином) материале [2; 7].

Рассмотрим совмещение денотативных компонентов в архисеме слов данной ЛСГ:

'высокий и худой человек': *колина, оглодыжина*;

'высокий и крупный, здоровый человек': *кобыляк, огробылье, огромызло*: «Такоё *огромызло*! Большой человек!» (К.-Г., СВГ, 6, 26);

'высокий и толстый, здоровый, неуклюжий человек': *бандура, колода, колодина*: «Шибко не баско быть *колодиной*-то, лучше

быть маленькой» (В.-У., СВГ, 3, 86); «Смотри, какая бандура идёт, как колода переваливается» (Волог., СРНГ, 2, 93);

'высокий и здоровый, ленивый человек': кобылѣха, кобылина, лупѣрда, лыкос, лыман (лыхман), охлыст: «Вы такие лыкосы вымахали, помочь матери не хотят» (Кир., СРГК, 3, 163). Наличие в структуре ЛЗ этих слов семы морально-этического плана 'ленивый человек' доказывает взаимосвязь характеристик человека по его внешнему облику и внутренним качествам.

Как справедливо замечает Т. В. Бахвалова, «высокий рост ассоциируется с взрослым человеком, а значит и умелым, толковым, работающим и т.д. Если же деловые качества и умственные способности человека находятся в явном несоответствии с его внешними данными (высоким ростом), это становится предметом укора, неодобрения, пренебрежительного отношения» [2: 41]. Поэтому нередко экспрессивы, характеризующие высокого человека, употребляются в контекстах, где его рост (то есть «взрослость») вступает в противоречие с поступками, не соответствующими представлениям о взрослом, зрелом человеке: (1) «Такой кобыляк вырос, а ума не нажил» (Кир., СВГ, 3: 72); (2) «Девки выросли здоровуши, да эки лупѣрды, не шевелятся. В избе всё грязью заросло» (Чер., СРГК, 3: 96); (3) «Дедушка всё в доме приберёт, без дела не сидит, а ети два ожердя вымахали выше матки, да что толку» (Чер., СРГК, 4: 162). Из контекстов следует, что высокий рост, помимо вышеперечисленных сопутствующих компонентов, подразумевает такие личностные качества, как 'умный' (1), 'трудолюбивый' (2, 3), 'чистоплотный' (2, 3), 'самостоятельный' (3) /ср. также наличие противоположной тенденции: представление о маленьком росте связывается с 'невзрослостью' со всеми вытекающими отсюда качествами: «Ой, какой у неё сын недоростыш, а учёный» (Межд., СВГ, 5: 91)/.

ЛСГ 'низкорослый человек', антонимичная группе 'высокий человек', включает такие слова, как *каран, карандыш, карлушок, киж, малозѣм, мальга, недоростыш* и др.: «У меня сын такой каран. И я, и мужик, оба большие, а он бог знает в кого» (К.-Г., СВГ, 3: 39); а также общерусское недоросток. Некоторая часть слов является моносемной: *малозѣм, мальга, малыга, недоростыш* и др.: «Мужик высокой, а сын-от малыга у меня» (Хар., СВГ, 4: 70). Однако многие ЛЕ обладают полисемной структурой, содержащей 2–3 семы:

'низкорослый и полный человек': буба, закорёнка, обрубыйш, опурыш: «Девка буба растёт, невысокая, тоУстая» (К.-Г., СВГ, 1: 47);

'низкорослый и худой, невзрачный человек': вошкарица, отопок, ощепок, например: «Ходит, как отопок, худой, маленький» (Чер., СРГК, 4: 313);

'низкорослый и худой, нескладный человек': неуклюдок: «Неуклюдок такой был, маленький, тощенький, нескладной» (Кир., СРГК, 4: 17);

'низкорослый и невзрачный человек': жомулька, калабашка, ожовок, озубок, ососок, ошкаррок, парапудыш, спурыш, цибя: «Ну, баба у Пальки – калабашка настоящая, маленькая да некрасивая» (Чер., СРНГ, 14: 142–143). Небезынтересно обратить внимание на тот факт, что в основу номинации многих слов, характеризующих некрасивого и одновременно низкорослого человека, положен мотив неполноценности, остатков, отбросов: ожовок, озубок, ососок, отопок, ошкаррок, ощепок.

Между подгруппами, входящими в описываемые ЛСГ, может происходить полное (или приблизительное) совпадение дополнительных признаков, например: 'высокий, худой человек' – 'низкорослый, худой человек'; 'высокий, крупный человек' – 'низкорослый, полный человек'.

Кроме того, по наличию дополнительных компонентов в семантике слов подгруппы вступают в антонимические отношения более сложные, чем на уровне ЛСГ: 'высокий, худой человек' – 'низкорослый, полный'; 'высокий, крупный человек' – 'низкорослый, худой'. К аналогичным выводам приходит Т. В. Бахвалова, анализирувшая нарицательные имена существительные и прозвища, обозначающие лицо по росту, в говорах Орловской области [3: 7], что свидетельствует об устойчивом характере подобных соответствий.

Однако есть и такие подгруппы, которые не связаны отношениями антонимии или совпадения дополнительных признаков, например: 'высокий, здоровый, ленивый человек' и 'низкорослый, невзрачный'.

Заметим, что слова ЛСГ 'низкорослый человек' совмещают только однородные компоненты, то есть все дополнительные признаки указывают на особенности внешнего облика низкорослого человека: 'полный', 'худой', 'невзрачный', 'нескладный', 'плотный, коренастый', в то время как ЛЕ полярной группы отличаются неоднородностью, сложностью состава лексического зна-

чения. Здесь комбинируются разноплановые компоненты: 'высокий' и 'худой', 'крупный', 'здоровый', с одной стороны, 'неуклюжий', с другой, и, наконец, 'ленивый'. Одним словом, признаки, указывающие на особенности внешнего облика высокого человека, соседствуют с компонентами морально-этического плана ('ленивый человек') и моторной специфики ('неуклюжий человек'). Слова ЛСГ 'высокий человек' содержат дополнительный компонент 'неуклюжий человек', а слова, входящие в ЛСГ 'низкорослый человек', в вологодских говорах такой семы не содержат. Следовательно, маленький рост не ассоциируется с неповоротливостью, неуклюжестью, чего нельзя сказать о высоком росте.

Таким образом, все дополнительные компоненты в структуре ЛЗ слов, входящих в ЛСГ 'высокий человек' и 'низкорослый человек', взаимообусловлены, имеют причинно-следственные связи.

Микрополе 'характеристика человека по его полноте' состоит из двух полярных лексико-семантических групп: 'полный человек' и 'худой человек'.

В вологодских говорах ЛСГ 'полный человек' представлена следующими лексемами: *барка, буба, волнуха, гладыш, дупля, загвозда, катыш, олелюха, опёхта, отелёпок, пестерь* и др.: «*Налитушка* – полная женщина» (Вашк., СРГК, 3, 348). В говорах Вологодской области бытует также общерусское слово *колода*, однако оно указывает не просто на полного, неуклюжего человека, как в общенародном языке [СОШ, 278], но на 'полного, неуклюжего и *высокого* человека': «Ты шибко, *колода*, выросла» (В.-У., СВГ, 3, 86), следовательно, это семантический диалектизм.

Далеко не большая часть слов, образующих данную ЛСГ, отличается моносемной структурой: *барка, налитушка, опёхта, пехтура* и др.: «У, какая *туруля*, поди под сто килограмм» (Хар., КСВГ). Преобладающее количество ЛЕ совмещает в структуре ЛЗ различные смысловые компоненты, которые, с одной стороны, могут называть дополнительные свойства внешнего облика полного человека, с другой стороны, его моторики /отметим только те, которые не назывались выше/:

'полный, круглолицый человек': *лупетка*: «Внучка у меня сметану любит, оттого и румяна да толстощёка, *лупетка*» (Чер., СРГК, 3: 158);

'полный, неповоротливый, неуклюжий человек': *валухта, дrochenь, дупля, коковуля, мехряк, олелюха, отелёпок* и др.: «Верка – *трупёрда* такая, как медведь ходит» (К.-Г., КСВГ).

Наибольшее количество подгрупп образуют слова, содержащие в структуре своего ЛЗ дополнительные денотативные компоненты, характеризующие особенности внешнего вида: 'полный' и 'высокий', 'низкорослый', 'крупный', 'здоровый', 'круглолицый'. Однако общее количество слов, содержащих такие семы, значительно меньше числа ЛЕ, имеющих дополнительные компоненты, указывающие на особенности моторики полного человека, в частности на его неповоротливость и неуклюжесть [9: 24]. Противоположная сема 'подвижный человек' в словах ЛСГ 'полный человек' не зафиксирована, что отвечает представлениям о неуклюжести, неповоротливости толстого, упитанного человека.

В словах *бандура, колода, колодина* дополнительные компоненты, характеризующие особенности внешнего облика и моторики, совмещаются: 'полный, высокий, здоровый и неуклюжий человек'. Хотя, на наш взгляд, сема 'неуклюжий, неповоротливый' содержится в большинстве слов данной ЛСГ или как яркая, обязательная, или как факультативная.

Следует отметить, кроме того, что Т. В. Бахвалова, проанализировавшая общерусские слова с семантикой 'полный человек', в числе основных, четко прослеживающихся групп назвала 'толстый и низкорослый', 'толстый и неуклюжий, неповоротливый' [2: 108].

Непроявление компонентов морально-этического плана в семантике слов ЛСГ 'полный человек' свидетельствует о слабой причинно-следственной связи между полнотой человека и его негативными внутренними качествами, например, ленью. Полнота человека вовсе не показатель его нелюбви и неприспособленности к труду.

Отметим, что контекстный анализ позволил выявить еще и такую факультативную, потенциальную сему, как 'видный, представительный, красивый человек': «Эдакая *гладёна*: дочери-то лучше!» (Волог., СРНГ, 6: 177); «Мать-то у Кольки до чего *перёсторона*, с каждым годом хорошеет» (Сок., СВГ, 7: 44); «Гли-ко, какая она *чечуля*, толстая, румяная, красивая» (К.-Г., КСВГ). Кроме того, представления о некоторой привлекательности полного человека эксплицируются в мотиве гладкости/красоты: *гладёна, гладыш, красуля*.

Рассмотренная ЛСГ вступает в антонимические отношения с лексическим множеством 'худой человек', которое включает следующие лексемы: *драница, жидель, жила, одрань, оскомылок, оследь, сухачко, сухледь* и др.: «Гли-ка, в деревне всё какие *спицы*, а как в город уедут и располнеют» (Сямж., КСВГ). В основе се-

мантики части слов данной группы лежат такие мотивы, как мотив сухости: *сухач*, *сухачко*, *сухая*, *сухледь*, мотив неполноценности: *одрань*, *оскомылок*, *отопок*, *ощепок*.

Слова описываемой ЛСГ также содержат в структуре своего ЛЗ дополнительные денотативные компоненты, но подгруппы, которые образуются при совпадении дополнительных компонентов в семантике этих слов, немногочисленны и, как правило, представлены 1–3 ЛЕ (перечислим лишь те, которые не были названы раньше):

'худой, крепкий человек': *козень*, *костыг*, например: «Он ещё *костыг* здоровый» (Чер., СРНГ, 15: 84);

'худой, сгорбленный человек': *оскомылок*, например: «Ране Иван в теле был и рослый. А теперь *оскомылок*: худой, сгорбился весь» (Чер., СРГК, 4, 244).

Заметим, что несопоставимо большее количество ЛЕ в составе ЛСГ 'полный человек' по сравнению с ЛСГ 'худой человек' (41:22, превышает почти в 2 раза) свидетельствует о том, что полнота человека вызывала больше, с одной стороны, отрицательных эмоций, поскольку чрезмерный вес мог быть препятствием в труде, а с другой стороны, положительных эмоций, так как более красивым считался все же человек в меру упитанный, потому что полнота (а не чрезмерный вес!) – признак здорового, сильного человека, а значит, и красивого, видного, чего нельзя сказать о худом человеке, так как слова, его характеризующие, не содержат семы 'видный, представительный, красивый человек' даже в качестве факультативной.

Еще одно наблюдение. Компонент 'неуклюжий, неповоротливый человек' выявлен в семантике 24 слов ЛСГ 'полный человек' и ни одного слова ЛСГ 'худой человек'. Это говорит о том, что такое свойство моторики, как неуклюжесть, неповоротливость, языковым сознанием диалектоносителей приписывалось толстому человеку и почти никак не связывалось с худощавостью.

В составе поля 'характеристика человека по его внешнему облику' выделяется также микрополе 'характеристика человека по особенностям его телосложения и физическим данным', включающая следующие ЛСГ:

ЛСГ 'крепкий, здоровый человек': *гагара*, *драбант*, *дубас*, *закорёнок*, *ладья*, *лешачиха*, *опёнок* и др.: «*Закорёнок* – коренастый, плотненький. Ну, такой *закорёнок*, дак победит!» (К.-Г., СВГ, 2: 123). В составе ЛСГ 'крепкий, здоровый человек' можно выде-

лить еще несколько подгрупп, которые, помимо основной одноименной семы, имеют дополнительные компоненты:

'крепкий, здоровый и крупный человек': *гагара, драбант, дыня, ладя, лань, лешачиха*: «У тебя жена эдакая *лешачиха*, дак и одна управит» (Межд., СВГ, 4: 39).

'плотный, коренастый, приземистый человек': *корас, леший, окомёлок, окорёнок*, например: «*Окомёлок* ростом небольшой, а толстый, как дерево в лесу, когда опиличишь» (Кир., СРГК, 4: 183).

Компоненты рассмотренной ЛСГ вступают в антонимические отношения с ЛСГ 'хилый, болезненный человек', которая включает следующие лексемы: *дохиль, килун, коковень, ляжьё, налыка, рассолода*: «*Раскисла, развела, как ляжьё: ходить не могу*» (Чер., СРНГ, 17: 270).

Слово *коковень* характеризует хилого, болезненного и старого человека: «*Митя остался один, больной весь с фронту ещё, ноги не ходят. Коковень, одним словом*» (Тарн., СВГ, 3: 82).

Близка лексико-семантической группе 'крепкий, здоровый человек' ЛСГ 'крепыш (о ребенке)': *дождевичок, заколоток, затерёпок, окомёлок, отелёпыш*: «У девки-то моей такой *отелёпыш* родился» (К.-Г., СВГ, 6: 45). Антонимичны этим ЛЕ слова ЛСГ 'болезненный, хилый ребенок': *зрюмище, кырас*: «*Вишь, робёнок какой, зрюмище*» (В.-У., СВГ, 2: 177), а также общерусское *замухрышка*.

Описанные ЛСГ характеризовали человека по его ненормативным чертам внешнего облика: слишком высокому или маленькому росту, чрезвычайной худобе или полноте и т. п., — как мы заметили вначале. Еще более отступающими от нормы являются физические недостатки, изъяны внешнего вида. «Фиксация отклоняющихся явлений и патологических свойств весьма эффективно служит целям идентификации объектов, их выделению из классов им подобных. Обозначая человека, делают выбор не из бесконечного множества его нормативных свойств, а из малого числа индивидуальных признаков: при этом выбирается наиболее различительный — то, чем человека отметила природа» [1: 11].

В составе микрополя 'характеристика человека по каким-либо изъянам, недостаткам его внешнего облика' вычленяются всего 2 ЛСГ:

ЛСГ 'горбатый человек': *горбатка, клюка, кочёра, оскомылок*: «*Горбатки* редко, да бывают, старушка *горбатка* долго жила, от пересада бывает» (Кир., СРГК, 1: 366), по изъяну осанки, скелета.

ЛСГ 'хромой человек': *калынога, клыпа, ковыляло, костыль, кувиль*: «Он у нас *калынога*, после ранения прихрамывает на левую ногу» (Кадн., СРНГ, 13: 7), по изъяну нижних конечностей.

Отличие данного микрополя от всех остальных в составе рассматриваемого ЛСП заключается в том, что в нем связи между группами ослаблены. Все, что их объединяет, – это то, что они характеризуют человека по каким-либо особенностям его внешнего облика. Однако отсутствие связей между ЛСГ 'горбатый человек' и 'хромой человек' не дает оснований считать их объединение в микрополе случайным и произвольным. В данном случае мы имеем дело лишь с иным принципом организации поля. В первых четырех микрополях основания для объединения ЛСГ заключались и в экстралингвистических, и в собственно языковых факторах. В последней, на наш взгляд, в большей степени в экстралингвистических.

Итак, слова, характеризующие внешний облик человека, называют его как по предельно общим впечатлениям от его внешнего вида (красивый – некрасивый), так и по какими-либо бросающимся в глаза особенностям его внешнего облика (высокий или маленький рост, полнота, худощавость, большие размеры и т.д.) или изъянам (наличие горба, хромота).

Рассмотренное поле включает 149 диалектных лексем. В количественном отношении самыми малочисленными являются именно те микрополя, которые характеризуют человека по каким-либо изъянам, недостаткам его внешнего облика или, напротив, дают общее представление о внешности человека.

Самым многочисленным является микрополе, где человек характеризуется по его росту (≈ 69 ЛЕ), что примерно равно количеству единиц лексического множества, называющего человека по его полноте (≈ 63 ЛЕ). Самой многочисленной ЛСГ является 'полный человек' (≈ 41 ЛЕ). Напрашивается вывод, что полнота человека служила источником его экспрессивного наименования, поскольку именно это свойство человеческой внешности могло повлиять на качество работы. Как мы видели, значительная часть слов с таким значением совмещает семы 'полный' и 'неповоротливый, неуклюжий', а следовательно, нерасторопный, плохо выполняющий свою работу.

Отметим также и обратную тенденцию. В микрополе 'характеристика человека по особенностям его телосложения и физическим данным' соотношение 'крепкий, здоровый, сильный' и 'хилый, болезненный, слабый' складывается не в пользу последнего (со-

ответственно 35:8). Может показаться, что в данном случае экспрессивного названия потребовали положительные особенности внешнего облика, способствующие хорошей работе. Однако иногда это впечатление ложно, поскольку в данном случае, на наш взгляд, часть слов характеризует человека крепкого, здорового и сильного не потому, что он хорошо работает, а, напротив, не способен или не желает работать так, как позволяют ему его физические данные. В самом таком названии скрыто противоречие и тайный упрек: «Эдакая *лешачиха*, а дома сидит все дни, ничего ей неохота» (Межд. Волог., СВГ, 4: 39); «Эдакого *дубаса* вырастила, а помошсы нет» (К.-Г. Волог., СВГ, 2: 62). В то же время слова, характеризующие болезненного, хилого, слабого человека, прямо указывают на его непригодность, неспособность хорошо работать. Но "обозвать" слабого, больного все-таки как-то неловко, тогда как сильный, здоровый, но нерадивый человек, с позиций называющего, "заслуживает" таких слов. Все сказанное, естественно, ни в коей мере не относится к лексико-семантическим группам, характеризующим маленьких детей. Крепость и здоровая полнота ребенка вызывают восхищение и также требуют экспрессивного названия.

Что касается микрополя 'характеристика человека по росту', то здесь трудно говорить о социальной значимости высокого или маленького роста. Отчасти это, конечно, тоже влияет на качество работы, но все же не в такой степени, как полнота. Стимулом к созданию экспрессивных единиц, характеризующих человека по росту, как нам представляется, послужила нелепость вида очень высокого человека, когда он к тому же худ и нескладен. То же самое, впрочем, можно сказать и о виде маленького толстого человека, или высокого толстого, или маленького худого.

Анализируя экспрессивы, характеризующие человека по его внешнему облику, мы пытались вскрыть некоторые фрагменты языковой картины мира, отражающие представления о внешнем виде человека и его оценку, сформировавшиеся на Русском Севере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // ВЯ. 1987. № 3.
2. Бахвалова Т. В. Выражение в языке внешнего облика человека средствами категории агентивности. Орел, 1996.

3. Бахвалова Т. В. Обозначение и оценка лица по росту нарицательными именами существительными и прозвищами в говорах Орловской области // Тез. докл. на конференции «Лексические и фразеологические единицы в литературной и диалектной формах национального языка». Орел, 1989.

3. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998.

4. Макридина М. А. Опыт анализа мотивной структуры концепта «трудолюбие» в русском языке // Ономастика и диалектная лексика. Вып.3. Екатеринбург, 1999.

5. Трипольская Т. А. Семантическая структура экспрессивного слова и ее лексикографическое описание (на материале эмотивно-оценочных существительных со значением лица): Дис... канд. фил. наук. Новосибирск, 1984.

6. Чусова И. Н. Лексика, связанная с обозначением особенностей, склонностей человека и действий, в которых они проявляются (на материале тульских говоров): Дис...канд. фил. наук. М., 1969.

ТОПОНИМИКА

А. К. Матвеев (Екатеринбург)

ЕПРЬ И ВЕПРЬ

В верховьях реки Пянда, левого притока Северной Двины, есть два озера – *Большой Епрь* и *Малый Епрь* (Вин.). Здесь же зафиксировано и явно вторичное наименование реки – *Епрёвка*. На первый взгляд, *Епрь* – субстратное название. Жители расположенной неподалеку деревни Усть-Вага объясняют его так: «На Епрь озере жил человек Епрь, а потом перебрался сюда. Поле пахал. В честь его звание Еприха осталось». Поле *Епри́ха* близ Усть-Ваги существует до сих пор. Этому названию дается подобное же объяснение: «Когда-то старик тут один жил. Звали его Епрь. А куда девался никто не знает». Можно было бы и поверить, что человек со странным именем Епрь действительно жил здесь и что по его имени названы озера – *Епру́* – и поле *Епри́ха*, но подобные наименования встречаются и в других местах Русского Севера, и, следовательно, это обычная народная этимология. В Архангельской области засвидетельствованы: гора *Ёприк* (Вин.), речка *Епрёвка* (Кон.), покос *Епру́* (Онеж.), урочища *Ёпрево* (Пин.) и *Ёпри* (Плес.), мыс *Епрь* (Прим.), поле *Епрёво* (Шенк.). Обычны такие названия и в Вологодской области: гора *Епéрь* и покос *Епру́* (Бел.), гора *Епречь* (Вож.), поле *Епрёво* (Волог.), покос *Епрёво* (Кад.), урочище *Епру́* (Усть-Куб.). Оказывается, названия такого рода, во-первых, достаточно широко распространены на Русском Севере, особенно в его западной части, во-вторых, прилагаются к самым разным объектам, но прежде всего к горам и сельскохозяйственным угодьям, в-третьих, нередко употребляются во множественном числе (*Епру́*, *Ёпри*), что характерно для топонимизированных географических терминов, наконец, в-четвертых, иногда содержат посессивные суффиксы (*Епрёво*, *Ёпрево*), т.е. могут быть антропонимического происхождения.

Семантика этих наименований, как часто бывает, устанавливается при обращении к русским диалектам. В картотеке «Словаря говоров Русского Севера» кафедры русского языка и общего языкознания Уральского университета засвидетельствовано сло-

во *эприк* в значениях 'самец свиньи' (Кон.), 'здоровый, крепкий мужчина' (Кир.), 'толстяк' (Ваш.). Естественно, сразу возникает предположение о том, что *Епрь*, *Эприк*, *Епрѹ* и т.п. только фонетические модификации слов и словоформ *Вепрь*, *Веприк*, *Вепрѹ* и т.п. Доказать это можно, обратившись к употреблению слова *вепрь* и его дериватов в топонимии и диалектной лексике РС.

Топонимические данные показательны. В Архангельской области находим: поля *Вепрь* и *Вепрѹ*, два луга *Вепрѹ*, луга *Вэприк* и *Вэприки* (Вель.), поле *Вепрѹ* и лог *Вепречѹха* (Вил.), луг *Вэприк* (Кон.), луга *Вэприк* и *Вэприки* (Кр.-Бор.), гора *Вепрь* (Нянд.), урочище *Вепрь* или *Вэпревский Маяк*, луг *Вепрѹ* (Прим.), поле *Вепрѹ*, горы *Вэприк* и *Вэприки*, ручей *Вепрёво* (Уст.). Много таких названий и в Вологодской области: речка *Вепрёвка* и луг *Вепрёвки* (Баб.), ручей *Вэпрево* или *Вэпрё*, гора *Вэприк*, деревни *Вепрёво* и *Вэпрев Почѹнок* (Вел.-Уст.), деревни *Вепрёво* и *Вепрѹ*, луг *Вэприки* (Волог.), луг *Вепрёво* (Кад.), мыс *Вэприк* (Кир.), гора *Вепрь*, луг *Вепрь*, урочище *Вэприк*, поле *Вэприхи*, лог *Вепрёв*, место в лесу *Вепрёво* (Кич.-Гор.), луг *Вепрь* (Нюкс.), луг *Вэприки* (Сок.), грибное место *Вепрёво*, речка *Вепрёвка* (Сямж.), луг *Вепрёво* (Тарн.), деревня *Вепрѹ*, поле *Вепрѹшки* (Усть-Куб.), луга *Вепэрь* и *Вэприк* (Устюж.).

Анализ приведенного материала позволяет сделать несколько выводов: 1) если исключить вторичные образования типа *Вепрёво*, интересующие нас названия прилагаются к горам и сельскохозяйственным угодьям (полям и лугам), 2) вторичные посессивные формы могут быть антропонимического происхождения (ср. анализ ойконима *Вепрёво* [Чайкина 1988: 46]), и поэтому в дальнейшем не учитываются, 3) наличие параллельных форм одного наименования, ср. название урочища *Вепрь* – *Епрь* (Прим.), ойконимы *Вепрёво* – *Епрёво* (Волог.), *Вепрѹ* – *Епрѹ* (Усть-Куб.), прямо указывает на общность происхождения топонимов, образованных от *епрь* и *вепрь*, 4) частота названий *Вепрь* (*Епрь*), *Вэприк* (*Эприк*) и т.п. дает возможность видеть в них топонимизированные географические термины метафорического происхождения, причем это может осознаваться местными жителями, ср. объяснение оронима *Вэприк* – «горушка, на свинью похоже, вот и *Веприк*» (Вел.-Уст.) или луга *Вэприк* – «*Веприк* он крутой со всех сторон на *вепря* похож» (Кон.). Такие объяснения свидетельствуют о том, что первичны наименования возвышенностей, а топонимы, обозначающие сельскохозяйственные угодья, возникли позже путем переноса.

Коррелятивность словообразовательных и словоизменительных форм также указывает на общность всех этих наименований, ср.: *Вепрь* – *Епрь*, *Веперь* – *Еперь*, *Вепрь* – *Епрь*, *Веприк* – *Еприк*, *Вепрьхи* – *Епрьха*, *Вепрьёво* – *Епрьёво*, *Вепрьёвка* – *Епрьёвка* и т.п. Семантически особняком стоят названия озёр *Большой Епрь* и *Малый Епрь*. В этом случае можно предполагать метонимию смежного оронима, который не сохранился или не был зафиксирован, либо метафору (по форме наиболее значительного озера?). В словообразовательном отношении некоторую трудность представляет ороним *Епрьчъ* (Вож.), однако с учетом возможного чоканья или втягивания в ряд распространенных названий на -еч допустимо восстанавливать исходную форму **Епрец*, которую можно соотнести с названием острова *Вепрец* в псковском памятнике 1639 г. [ПОС 3: 77].

Данные диалектной лексики также подтверждают сказанное. В картотеке «Словаря говоров Русского Севера» наряду с широко распространенными значениями слов *вепрь*, *веприк* ('самец домашней свиньи', 'толстый человек' и т.п., ср. [СРНГ 3: 119; АОС 3: 102; ПОС 3: 77; СГДА 1: 115; СГСР: 66; СПГ 1: 83; и др.]) для слов *вепрь* (Вил.), *веприк*, *вепричок* (Вель.) засвидетельствовано значение 'возвышенность с плохой растительностью' с наглядными иллюстрациями: «вепрь – сухое место на продуве, камешник, где ничто не растет, там березки как в тундре малыньки, не пашется там» (Вил.), «у нас вот между пентусами (*пентус* 'травяное болото' – А.М.) такой вепричок» (Вель.). Как географический термин слово *вепрь* фигурирует в «Словаре вологодских говоров» [СВГ 1983: 61] в значении 'седловина, неглубокая выемка между двумя невысокими холмами' (Вел.-Уст.), которое, однако, в свете приведения фактов может оказаться окказионализмом или ошибочной записью.

Таким образом, перед нами зооморфная метафора, каких в топонимии и географической терминологии очень много. Однако мнение, что в этом случае происходил только типичный перенос 'самец свиньи' > 'крупное животное' > 'нечто крупное' > 'возвышенность, гора' и т.п. слишком прямолинейно. Видимо, свою роль могло сыграть и сравнение твердой почвы и мелкой растительности соответственно с кожей и щетиной животного. Полезно вспомнить индоевропейские этимологии слова *вепрь* (праслав. **verpъ*), которое соотносят с латинским *aper*, др.-англ. *eofor*, др.-в.-нем. *ebur* (нем. *Eber*) 'вепрь', 'кабан' или с латыш. *vepris* 'боров', латин. *verpes* 'терновый куст' (подробности см.: Фасмер I, 292;

Трубачев 1960, 66; Гамкрелидзе, Иванов 1984, 514–516). Казалось бы, форма *епрь* своим фонетическим обликом косвенно свидетельствует в пользу первой этимологии, тогда как семантика географического термина *вепрь* (и соответственно *епрь*) больше поддерживает вторую. На самом деле прямое сопоставление *епрь* с латинским *aper*, др.-в.-нем. *ebur* невозможно, поскольку звуковая форма русского слова *јепр'* или *јеп'р'*. В то же время метафорический перенос 'вепрь (обладатель щетины)' > 'гора, щетинистая, как вепрь', представляющий значительный интерес, мог возникнуть и независимо от индоевропейского этимона на почве вторичной мотивации, обусловленной устойчивой семантической моделью. Наконец, надо иметь в виду, что распространенное в говорах и топонимии РС *епрь* и его производные (пока нет данных о существовании этого слова в других русских диалектах) вторично по отношению к *вепрь*, поскольку однозначно восстанавливается праслав. **verǵь* [Фасмер I: 292; Трубачев 1960: 66; Кореспу 1981: 398]. Поэтому фонетическая эволюция *вепрь* > *епрь* должна рассматриваться как относительно новое явление.

Возникает, однако, вопрос о происхождении этой инновации. Несомненно, что она прежде всего связана с труднопроизносимой в ауслауте консонантной группой *л'р'* (*лр'*), а также с наличием в составе слова близких по месту образования звуков *в'* и *л'* (*л*). Не случайно группа согласных *л'р'* (*лр'*) часто перерабатывается как путем утраты конечного согласного – название горы *Вепрь* (Кич.-Гор.) произносится *в'еп*, *в'еп'*, так и с помощью эпентетического гласного, ср. наименование луга *Вепёрь* (Устюж.). Таким образом, речь должна идти о комбинаторных изменениях, обусловленных слабой позицией звуков в конце слова. Однако определенную роль в этих процессах могло сыграть и наличие в начале слова *вепрь* остаточного неустойчивого *w*.

Если даже считать преувеличением взгляд, что в большинстве современных русских диалектов *в* является губно-губным сонантом [Мещерский 1972: 65], естественно полагать, что в прошлом распространение этого звука в говорах было значительно шире. Во всяком случае диалектологи относят появление губно-зубного *в* в севернорусских говорах к недавнему времени [Мещерский 1972: 68]. В процессе перехода *w* > *v* и фонетической переработки трудного для произнесения слова могла произойти замена *w* на *j*. Известную аналогию этому можно видеть в том, что протеза *w* обычна перед огубленными гласными, а протеза *j* перед гласными переднего ряда [Серебренников 1974: 98–99]. Примечательно, что

в рассматриваемом слове почти во всех славянских языках сохраняется *w* или *v*, однако в нижнелужицком появляется йотовый анлаут (*jarś* 'вебрь'). В говорах Русского Севера неустойчивое *w* могло быть вытеснено другим неустойчивым звуком *j* [Серебренников 1974: 95–96], чтобы устранить один из двух губных труднопроизносимого слова. Это, разумеется, особый случай, но в позициях перед согласным и в конце слова изменение *w' > j* фиксируется в некоторых русских говорах, ср. *д'эјк'и, крој < д'эwk'и, кrow'* [Мещерский 1972: 66].

ЛИТЕРАТУРА

АОС – Архангельский областной словарь / Ред. О.Г. Гецова. М., 1980 (издание продолжается).

Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т.1–2.

Мещерский 1972 – Русская диалектология /Под ред. Н.А. Мещерского. М., 1972.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными /Ред. кол.: Б.А. Ларин, А.С. Герд, С.М. Глушкина и др. Л., 1967(издание продолжается).

СВГ – Словарь вологодских говоров /Под ред. Т.Г. Паникаровской. Вологда, 1983-2001.

СГДА – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) /Гл. ред. Ф.Л. Скитова. Пермь, 1984 (издание продолжается).

СГСР – Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Сост. О.П. Беляева. Пермь, 1973.

Серебренников, 1974 – Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.

СПГ – Словарь пермских говоров. Пермь, 2000.

СРНГ – Словарь русских народных говоров /Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Л., 1966–. Вып.1–.

Трубачев 1960 – Трубачев О.Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1996. Т.І–ІV.

Чайкина 1988 – Чайкина Ю.И. Географические названия Вологодской области. Топонимический словарь. Архангельск, 1988.

Kopečný 1981 – Kopečný František. Základní všeslovanská slovní zásoba. Praha, 1981.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Архангельская область:

Вель. – Вельский район
Вил. – Вилегодский район
Вин. – Виноградовский район
Кон. – Коношский район
Кр.-Бор. – Красноборский район
Нянд. – Няндомский район
Онеж. – Онежский район
Пин. – Пинежский район
Плес. – Плесецкий район
Прим. – Приморский район
Уст. – Устьянский район
Шенк. – Шенкурский район

Вологодская область:

Баб. – Бабушкинский район
Бел. – Белозерский район
Ваш. – Вашкинский район
Вел.-Уст. – Великоустюгский район
Вож. – Вожегодский район
Волог. – Вологодский район
Кад. – Кадуйский район
Кир. – Кирилловский район
Кич.-Гор. – Кичменгско-Городецкий район
Нюкс. – Нюксенский район
Сок. – Сокольский район
Сямж. – Сямженский район
Тарн. – Тарногский район
Усть-Куб. – Усть-Кубинский район
Устюж. – Устюженский район

**ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ОЙКОНИМИЧЕСКИХ
МИКРОСИСТЕМ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПОСУХОНЫЯ
(по данным источников XVII–XX вв.)**

В топонимической системе как части лексической системы языка фиксируются противопоставления трех планов: 1) различия топонимов и нетопонимов, 2) различия топонимов разных классов, 3) различия топонимов одного класса. Противопоставления последнего типа составляют организующую основу топонимической системы и должны прежде всего браться во внимание [1]. На базе этих противопоставлений образуются комплексы семантически связанных названий смежных объектов, именуемые в топонимике семантическими микросистемами [2].

Впервые такие микросистемы были выявлены и описаны И. А. Воробьевой в топонимии Западной Сибири [3]. Ею было установлено, в частности, что «в каждом населенном пункте имеется своя микросистема географических названий, территориально ограниченная земельными угодьями данного поселения» [4]. Действие этой микросистемы проявляется не только в узколокальном распространении географических имен, но и «в принципах номинации, в выборе словообразовательных моделей и в переработке «чужих» наименований» [4].

Выводы И. А. Воробьевой были подтверждены и нашими данными: в микротопонимии одного из севернорусских регионов – Среднего Посухонья – также были обнаружены довольно сплоченные единства названий земельных угодий, действующие в пределах одного селения [5]. Существование этих микросистем во многом объясняется историческими причинами: под деревней в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в прошлом понималось «не только ... само поселение с дворами и хозяйственными постройками, но и ... весь комплекс земельных угодий, «с ее лесом, с пожнями и с другою землею, что к ней из старины тянуло», или, как обычно мы встречаем в актовом материале ..., «со всею землею ..., куда соха и серп, топор и коса ходили из этой деревни» [6: 76]. Однако датировать и проследить процесс формирования данных топонимических комплексов с помощью исторических источников не представляется возможным: сведения о названиях земельных угодий в древних актах sporadichesky.

Исследование современных названий селений Среднего Посухонья показало, что и в ойконимии края также выделяются микросистемы, действующие в пределах наименьших единиц административно-территориального деления – сельсоветов, которые в основном соответствуют бывшим волостям. Это соответствие объясняется тем, что образование волостей в бывшем Тотемском уезде, в границах которого проводилось наше исследование, шло естественным путем: в состав волости, как правило, входили деревни, расположенные в бассейне небольшой реки (все 19 волостей, что указаны в писцовой книге 1623–1625 гг., носят речные названия: Вотча, Илеза, Уфтюга, Печенга, Царева, Вожбал и др.) [7: 15–71]. Волость как основное подразделение уезда на черносошных землях представляла собою не только «самоуправляющийся хозяйственный союз», но также и церковную общину («в Тотемском уезде по переписи 1623–1625 гг. 12 волостей были приходами, 3 волости делились на 2 прихода и одна волость состояла из 5 приходов») [8]. Просуществовали волости до 1924 года, а затем были преобразованы в сельсоветы [9: 479]. Длительное существование таких исторически сложившихся объединений населенных пунктов и было основой для формирования ойконимических микросистем. В пределах этих микросистем названия и возникали, и функционировали (и функционируют). В обозначенных пределах они выполняют свою адресную функцию: не случайно в сельском адресе, помимо области и района, обязательно указывается почтовое отделение или сельсовет.

Проследим историю формирования ойконимических микросистем по данным источников XVII–XX вв. В работе используются списки селений Тотемского уезда из дозорной книги 1619 г. [10], писцовых книг 1623–1625 гг. [11], 1676–1679 гг. [12], материалов Генерального межевания 1780–1785 гг. [13], а также Списки населенных мест Российской империи (Т. 7: Вологодская губерния) [14], данные современного административно-территориального деления Вологодской области [9] и сведения, полученные в результате полевых сборов топонимии.

По свидетельству П.А. Колесникова, 96 % тотемских деревень, что перечислены в дозорной книге 1619–1620 гг., были построены в XIV–XV столетиях [6: 91]. Процесс формирования ойконимии, очевидно, проходил в этот же период по мере возникновения селений. Писцовые книги XVII в. доносят уже вполне сложившуюся, хотя еще не совсем оформившуюся систему ойконимов. Так, например, из 8 современных названий селений Вели-

кодворского сельсовета Тотемского района (бывшая Печенгская волость) 6 находим в актовых материалах XVII в., из 32 Калининского сельсовета того же района (Царевская волость) – 26, из 69 Чучковского сельсовета Сокольского района (Мольская волость) – 57* и т.д. Конечно же, с начала XVII в. до настоящего времени ойконимы претерпели различного рода изменения, но они, как правило, касаются структуры названий.

Прежде всего остановимся на истории двойных и тройных топонимов. Многие селения Тотемского уезда в XVII в. имели не одно, а два или три параллельных названия: «Дрочилово а Гридинская то ж» [10: 219 об.], «д. Тимофеевская а Горка то ж» [10: 268], «д. Ивакинская Тонковская Тимошинская то ж» [10: 71 об.], «д. Петрушинская Попадына Нюксеница то ж» [11: 474 об.] и др. Двойные и тройные наименования одних и тех же населенных пунктов как свидетельства о появлении новых жителей на месте, освоенном первопоселенцем, неоднократно отмечались при описании севернорусской ойконимии прошлого [15]. Функционирование их в XV–XVIII вв. объясняется тем, что в этот период ойконимия русского Севера находилась еще в стадии формирования. Число таких названий на территории Среднего Посухонья в начале XVII в. составляло 27 %. Писцовые книги отражают их устойчивость на протяжении всего XVII столетия. Так, все 22 двойных топонима (из 79), отмеченные в списке селений Царевской волости 1619 г., последовательно повторяются в перечнях 1623–25 гг., 1676–79 гг. и 1687–88 гг. В списке же 1722 г. количество их резко сокращается – до 5, и снижается до 2 в 1780–85 гг. [7: 56–71]. В XIX в. отмечается только одно из описываемых названий [14: 317], в XX в. – ни одного (официального) [9: 275–276]. Массовая замена двойных ойконимов одночленными в актовых материалах XVII–XVIII вв., с одной стороны, была отражением результатов естественного развития ойконимии («чем дольше существует название, тем меньше ... синхронических вариантов оно имеет» [16]), с другой, являлась следствием влияния норм формирующегося национального русского литературного языка на письменно-деловую речь. В разговорно-бытовой речи двойные ойконимы сохранялись дольше, более того, часть из них употребляется до сих пор. В современной ойконимии Среднего Посухонья двойные наименования составляют 4 % и локализируются в северной части

* Количественные данные приведены по волостям, наиболее полно соответствующим современным сельсоветам.

региона (Режский сельсовет Сямженского района и Погореловский, Вожбальский, Калининский, Медведевский, Мосеевский, Заозерский, Середской сельсоветы Тотемского района), на территориях, смежных с Верховажьем и Тарногой, где такие названия повсеместны [17]. Как и в прошлом, в настоящее время среди двойных названий селений обследованной местности преобладают посессивные топонимы: д. Васильевская (офиц.) – д. Усово (неофиц.) (Тотем. Заозерск.), д. Семеновская (офиц.) – д. Талашово (неофиц.), д. Маринская (офиц.) – д. Шильниково (неофиц.) (Тотем. Вожбал.). В двойных названиях с разными по принципам номинации компонентами официальным обычно является посессивный топоним, а неофициальным – качественный или локативный: д. Агапинская (офиц.) – д. Слобода (неофиц.), д. Захаровская (офиц.) – д. Заречье (неофиц.) (Тотем. Вожбал.). За пределами сельсоветов неофициальные названия деревень не употребляются, так как обычно они не известны жителям других территорий.

Параллельно с утратой двойных названий происходила словообразовательная перестройка топонимов внутри микросистем. Так, например, в Мольской волости под воздействием ведущей топонимической модели на -ово, на основе которой образовалось большинство посессивных названий, в XVII–XX вв. преоформились топонимы других типов: «д. Слободища» – XVII в. [7: 38] – «д. Слободищево» – XVIII в. [13] – «д. Слободищево» – XIX в. [14: 306] – «д. Слободищево» – XX в. [9: 254]; «д. Старая» – XVII в. [7: 39] – «д. Старая» – XVIII в. [13] – «д. Старое» – XIX в. [14: 305] – «д. Старово» – XX в. [9: 254]; «д. Погорелое» – XVII в. [7, 39] – «д. Погорелая» – XVIII в. [13] – «д. Погорелое (Погорелово)» – XIX в. [14: 305] – «д. Погорелово» – XX в. [9: 254]. Особенно показательны структурные преобразования ойконимов, вызванные активизацией топоформанта -иха. Сопоставление списков селений Тотемского уезда XVII–XX вв. обнаружило, что большинство названий деревень с этим формантом стали официальными в XVIII–XIX вв.*

* Наши данные заставляют вернуться к давней полемике И.В. Власовой, связывавшей происхождение географических названий на -иха в Заволжье и междуречье Северной Двины и Волги с крестьянскими передвижениями [18], и В.А. Кучкина, высказавшего мнение о том, что ареал топонимов на -иха в Заволжье не был связан с русским заселением этих мест в XIV–XVI в., а скорее всего явился следствием развития языковых явлений в более позднее время [19]. Некоторые ойконимы на -иха в Среднем Посухонье употреблялись уже в начале XVII в., возникнув, по-видимому, в XIV–XV вв., как пишет И.В. Власова, но большинство таких топонимов появились позднее под воздействием топонимической аналогии, как утверждает В.А. Кучкин.

Например, в волости Старая Тотьма (Медведевский сельсовет Тотемского района) в 1623–25 гг. отмечено только одно название на *-иха*: «д. Юдиха Федосеевская то ж» [7: 18] (в более поздних списках оно не фиксируется). Позднее находим сразу несколько таких топонимов: «д. Обирково Тихоновская то ж» – XVII в. [11: 204] – «д. Тихониха» – XVIII в. [13: 172] – «д. Тихониха» – XIX в. [14: 319] – «д. Тихониха» – XX в. [9: 277]; «д. Козловская Колупаевская то ж» – XVII в. [11: 204] – «д. Колупаиха» – XVIII в. [13: 172] – «д. Колупаиха» – XIX в. [14: 319] – «д. Колупаиха» – XX в. [9: 277]; «д. Тарабукино Лобаново то ж» – XVII в. [11: 204] – «д. Лобанова» – XVIII в. [13: 172] – «д. Лобаниха» – XIX в. [14: 319] – «д. Лобаниха» – XX в. [9: 277]; «д. Цывилево» – XVII в. [11: 204] – «д. Цевелиха» – XVIII в. [13: 172] – «д. Цывилиха» – XIX в. [14: 318] – «д. Цивилиха» – XX в. (опустела). В материалах Генерального межевания фиксируется и новое название, не отмеченное списками XVII в., – «д. Неклюдиха» [13: 172] – «д. Неклюдиха» [14: 318] – «д. Неклюдиха» [9: 277]. Структурно изменились и некоторые наименования селений по церкви. Большинство таких топонимов возникает в XVIII в., когда в Тотемском уезде увеличивается количество сел – селений с церковью. Например, в Толшменской волости (ныне это Верхнетолшменский, Никольский и Маныловский сельсоветы Тотемского района) в 1780–85 гг. отмечается сразу несколько агнооиконимов: «село Благовещенское ... село Никольское село Предтечевское ... село Алексеевское ... село Никольское» [13: 148], в 1866 г. к ним добавляется «Толшменский Успенский починок» [14: 309]. Сохранившиеся к концу XX в.* агнооиконимы субстантивировались и семантически, и структурно: «д. Предтеча, с. Успенье» (Верхнетолшменский сельсовет) [9: 274]. В Никольском сельсовете употребляется неофициальное название села Никольского – Никола[†]. Его субстантивация явно связана с изменениями рассмотренных ойконимов, однако административное размежевание, по-видимому, препятствовало проникновению формы Никола в официальную сферу. Для сравнения приведем сакральные названия деревень Воробьевского сельсовета Со-

* Некоторые агнооиконимы в XX в. были заменены по идеологическим причинам другими названиями: с. Благовещенское – ныне с. Красное (Тотем. Маныл.), с. Алексеевское – д. Игошево (Тотем. Верхнетолшмен.).

** Ср.: Хотя прокликает проезжий
Дороги моих побережий,
Люблю я деревню *Николу*,
Где кончил начальную школу [20]

кольского района: «с. Георгиевское, д. Преображенское» [9: 243–244] – как видно, они не претерпели никаких изменений.

В результате такой перестройки в ойконимии каждой административной единицы образовались ряды одноструктурных топонимов, причем набор этих рядов в каждой микросистеме своеобразен по количеству составляющих и доминанте. Например, в Погореловском сельсовете Тотемского района (бывшая волость Тиксна) выделяются следующие основные ряды ойконимов:

д. Горбенцово	д. Тетеревиха	д. Маныловица	д. Орловское	д. Никиткино
д. Погорелово	д. Угрюмиха	д. Косновица	д. Боярское	д. Жилино
д. Быково	д. Топориха	д. Святица	д. Фоминское	д. Ивакино
д. Манылово	д. Маслиха	д. Комарица		и др.,
д. Семеново	д. Якуниха			
д. Петрилово				

а в Медведевском сельсовете (бывшая волость Старая Тотьма) набор рядов иной:

д. Савинская	д. Колупаиха	д. Медведево
д. Филинская	д. Лобаниха	д. Дягицево
д. Кожинская	д. Неклюдиha	д. Иванцево
д. Кондратьевская	д. Тихониha	д. Мосеево
д. Фоминская	д. Пестериха	д. Филяково
д. Поповская	д. Цивилиха	и др.
д. Семеновская		
д. Чаловская		
д. Мосеевская		

Подобные «гнезда одноструктурных» имен, совпадающих и по принципам номинации, отмечены И.А. Воробьевой в западносибирской ойконимии (и также в пределах одного сельсовета) [21]. Образование этих гнезд вызвано действием микросистемы, направленным на сближение ойконимов, основная функция которых – дифференцирующая. Такое «введение топонимов в ряд, распределение их по парадигмам придает им печать общности, обычно выделяющей классы однородных объектов, и содействует дифференциации единичных объектов внутри этой общности» [22].

Сближение ойконимов, возникших на основе одного принципа номинации, прослеживается на протяжении всего рассматриваемого

мого периода: «д. Ивовица, д. Липовица, д. Хмелевица» – XVII в. (Мольская волость) [7: 38–39] – «пос. Усть-Еденьга, пос. Усть-Леденьга, пос. Усть-Царева – XX в. (Пятовский сельсовет Тотемского района) [9: 281].

И так же на протяжении всего этого периода внутри микросистем осуществляется противопоставление одинаковых топонимов, при этом в разных микросистемах используются разные дифференциаторы: д. *Петрищева Гора* – д. *Антушева Гора* (Середской сельсовет Тотемского района) [9: 281], д. *Нижняя Горка* – д. *Верхняя Горка*, д. *Верхнее Каменное* – д. *Нижнее Каменное*, д. *Большие Ивки* – д. *Малые Ивки*, д. *Большие Мысы* – д. *Малые Мысы* (Городищенский сельсовет Нюксенского района) [9: 234–235]. Чаще всего используются определители *Большой* – *Малый*. В некоторых ойконимах – словосочетаниях они вторичны: «д. Горохово – д. Другое Горохово» – XVII в. [11: 157] – «д. Большой Горох – д. Малый Горох» – XVIII в. [13] – «д. Горох Малый (Выползово) – Горох Большой (Слободино)» – XIX в. [14: 316] – «д. Большой Горох» (офиц.) [9: 281], Слободино (неофиц.) – д. Малый Горох (офиц.), Выползово (неофиц.) (опустела).

Кроме того, образуются названия групп деревень, например, в Вожбалском сельсовете (бывшая волость Вожбал) деревни Лодыгино, Завражье, Бережок, Пахтусово, Щулево, Мишуково, Сергеево, Кудринская, Гридинская, Антушево, Чешинское, Гора объединяются общим названием *Середовина*; Сродино, Паново, Тельпино, Исаево, Гагариха, Залесье – именем *Большая Река*, а Давыдково, Ивановское, Ярцево, Елташево – *Малая Река*; в Середском сельсовете (скорее всего, одна из волостей, присоединенных к Тотемскому уезду в XVIII в.) населенные пункты Вершининская, Снежурово, Уваровская, Жаровский Погост, Филинская, Кривец составляют группу с общим именем *Жар*; Мелехов Починок и Великодворская вместе называются *Пихтино*; Антушева Гора и Петрищева Гора – *Горы*; в Погореловском сельсовете (бывшая волость Тиксна) выделяются две группы деревень: Маслиха, Угрюмиха, Якуниха, Федоровская, Мальцево и Топориха, Комарица, Косновица, Фроловское – с одинаковыми именами *Кулига**. Спроектировать время возникновения таких названий невозможно, так как они не фиксируются документально.

* Топонимы восходят к апеллятиву *кулига* в значении 'группа деревень, расположенных близко друг от друга' Яросл. [СРНГ, XVI: 63].

Изучение истории ойконимических микросистем на протяжении XVII–XX вв. позволяет отграничить внутрисистемные изменения от процессов более общего порядка. В ходе этих процессов осуществлялось формирование ойконимической системы в целом.

Главным среди них является субстантивация прилагательных, роль которой в русском (и шире – восточнославянском) топонимообразовании (и в частности ойконимообразовании) давно и хорошо изучена [23]. Субстантивация осуществляется при образовании всех топонимов отприлагательного происхождения. Она либо представляет собою основной способ топонимообразования (д. Большая, д. Середняя, д. Гридинская, д. Кудринская и т.п.), либо является движущей силой структурных преобразований географических названий и формирования топонимических моделей (д. Сидорово, д. Матвейцево, д. Галкино, д. Тихониха, д. Лобаниха и т.п.). Проиллюстрируем последнее на примере названий на -ово. В писцовых книгах XVII в. такие названия нередко имеют флексию -а, согласуясь при этом со словом деревня: «д. Мишукова на реке на Мишукове» [11: 555 об.–556], «д. Глебкова Истоминская то ж на реке на Илмовице» [11: 892 об.], «д. Ивакина на реке на Тиксне» [11: 590] и т.д. Употребление этих образований показывает, что они еще являются прилагательными: «в деревне ж Мишукове крестьянских тяглых дворов ... шесть» [12: 6 об.–7]. В дальнейшем функционирование анализируемых названий привело к эллиптической субстантивации определений-прилагательных. В итоге субстантивации возникла форма названий на -о, которая «имела специфически топонимическое значение места» [22]. Впоследствии создание ойконимов происходило уже по сложившейся таким образом модели на -ово. На основе этой модели образовались многие посессивные ойконимы и, как было показано выше, переоформились некоторые качественные названия. В современной ойконимии Среднего Посухонья названия на -ово составляют численное большинство и вписываются в основной массив подобных наименований, обнаруженный и описанный В.А. Никоновым [23: 81]. Очевидно, под воздействием этой ведущей модели произошло изменение рода и других структур: «д. Кашинская ... д. Калининская ... д. Левинская» – XVII в. [7: 56–68], «д. Кашинская ... д. Калининская ... д. Левинская» – XVIII в. [13], «д. Кашинское ... д. Калининская ... д. Левинское» – XIX в. [12: 316–317], «д. Кашинское ... д. Калининское ... д. Левинское» – XX в. [9: 275–276] (Царевская волость – Калининский сельсовет).

Форма среднего рода максимально позволяла выразить отвлеченное значение места и являлась «показателем топонимического уровня образования» [25].

Образование микросистем проходило на фоне этих процессов. В каждой микросистеме прослеживаются явления общего и частного порядка. Таким образом, характеристика, данная И.А. Воробьевой топонимической микросистеме одного населенного пункта, может быть отнесена и к микросистеме ойконимов одного административно-территориального подразделения: такая микросистема также «неавтономна в полном смысле этого слова, она подчиняется закономерностям топонимической системы значительно большей территории» [4: 206].

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпенко Ю.О. Топонімічна система і системність топонімії // Повідомлення Української ономастичної комісії. Випуск другий. Київ, 1987. С. 3.
2. Березович Е.Л. Семантические микросистемы в русской топонимии: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1992. Она же. Семантические микросистемы ойконимов как факт номинации // Номинация в ономастике. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 75–90.
3. Воробьева И.А. Системные связи в сфере собственных имен // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1971. С. 131–133 и др.
4. Воробьева И.А. Некоторые наблюдения над функционированием топонимов в устной речи // Ономастика. М., 1969. С. 201–207.
5. Варникова Е.Н. Русская топонимия Среднего Посухонья в ономастическом аспекте: Дисс. ... канд. филол. наук. Вологда, 1988. С. 150–155.
6. Колесников П.А. Северная деревня в XV–первой половине XIX века. К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1976.
7. Колесников П.А. Северная Русь: Архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII в. Вологда, 1971. С. 15–55.
8. Богословский М.М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Т. 2. Деятельность земского мира. Земство и государство. М., 1912. С. 19–20.
9. Вологодская область: Административно-территориальное деление на 1 января 1973 года. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1974.
10. Дозорная книга Тотемского уезда 1619 г. – РГАДА, ф. 1209, № 479.
11. Писцовая книга Тотемского уезда 1623 – 1625 гг. – РГАДА, ф. 1209, к. 480.

12. Писцовая книга Тотемского уезда 1676 г. – РГАДА, ф. 1209, к. 485.
13. Экономические примечания к Генеральному межеванию Тотемского уезда. – РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 87.
14. Списки населенных мест Российской империи. Т. 7: Вологодская губерния. СПб, 1861.
15. Витов М.В. Севернорусская топонимия XV–XVII вв. // Вопросы языкознания. 1967. № 4. С. 75–90; Власова И.В. Топонимия междуречья Северной Двины и Волги (XVIII–XX вв.) // Ономастика Поволжья: Материалы I Поволжской конференции по ономастике. Ульяновск, 1969. С. 144–148; Сими́на Г.Я. Географические названия Пинежья (По материалам письменных памятников и современной топонимии Пинежья). Л.: Наука, 1980.
16. Карпенко Ю.А. Признаки молодости топонимической системы // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С. 56.
17. Варникова Е.Н. Двойные наименования в ойконимии Среднего Посухонья // Теоретическая конференция молодых ученых ВГПИ: Тезисы докладов (13–20 апреля 1984 года). Вологда, 1984. С. 38–39. Она же. Черты архаики тотемских вологодских говоров на топонимическом уровне // В.И. Даль и русская региональная лексикология и лексикография: материалы всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения В.И. Даля. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2001. С. 143–147.
18. Власова И.В. Ареалы топонимов с формантами *-иха* и *-ата/-ята* в Заволжье и междуречье Северной Двины и Волги // Этнография имен. М., 1971. С. 184–194; Она же. Топонимы на *-иха* в Северном Заволжье // Русская ономастика: Республиканский сборник. Рязань, 1974. С. 143–147.
19. Кучкин В.А. Некоторые вопросы исторической интерпретации топонимов на *-иха* // Ономастика Поволжья. Уфа, 1973. Вып. 3. С. 231–242.
20. Рубцов Н.М. Стихотворения (1953–1971). М.: Советская Россия, 1977. С. 26.
21. Воробьева И.А. Системные связи топонимов средней части бассейна реки Оби // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1976. С. 3–10.
22. Карпенко Ю.А. Топонимия Буковины: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Киев, 1967. С. 17.
23. Никонов В.А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965; Карпенко Ю.А. Становление восточнославянской топонимии (Закономерности словообразования) // Изучение географических названий. М., 1966. С. 7–18 (Вопросы географии; сб. 70); Лопатин В.В. Словообразовательная структура названий населенных пунктов в современном русском языке // Ономастика и грамматика. М., 1981. С. 30–40.
24. Селищев А.М. Из старой и новой топонимии // Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968. С. 87.
25. Лемтюгова В.П. Восточнославянская ойконимия апеллятивного происхождения. Названия типов поселений. Минск: Наука и техника, 1984. С. 138.

«ПИЩЕВАЯ» МОДЕЛЬ В ГИДРОНИМИИ РУССКОГО СЕВЕРА: МЕТАФОРА И МИФ

Со времен А.А. Потебни внимание лингвистов привлекают ситуации трансформации в языковой системе мифа, мотивирующего слово: будучи включенным в ситуацию коммуникации (требующую от слова гибкого отражения актуальных смыслов, а не замкнутости на мифологический сюжет), словесный миф нередко с легкостью «рассасывается», приобретая новые немифологические мотивировки – чаще всего метафорические. В то же время нельзя не считаться и с обратным процессом – появлением новых мифов при «сюжетном» прочтении метафоры. Подобного рода ситуации мифо-метафорических «эстафет» остаются практически не изученными на материале ономастики. В настоящих заметках будет рассмотрена топонимическая (преимущественно гидронимическая) модель, имеющая как метафорическую мотивированность, так и обусловленные мифом коннотации; этот пример «трепетания» мифа вокруг имени представляет собой интерес как проявление системности мифо-метафорических мотивационных переходов и как свидетельство разнонаправленности таких движений. Материал извлечен из полевых картотек топонимической экспедиции Уральского университета по территории (в нескольких случаях привлекаются также топонимы Среднего Урала)*.

В номинативном фонде русской топонимии устойчиво, хоть и не частотно, фиксируется модель *гидрообъект* ← *продукт питания* (как правило, *напиток*) [Рут 1992: 85]. Ср. примеры реализаций этой модели: р. *Брага* [Вил, В-Т], руч. *Бражка* [Кир], руч. *Винный Ручей* – «хороша водичка в нем» [Мез, Усть-Няфта], р. *Винный* – «вода вкуса» [Туг, Щелконогова], руч. *Акулин Квас* [Чухл], руч. *Бабкин Квас* – «цвет воды в ручье, как квас» [Уст, Плесо]; руч. *Квас* [Уст], руч. *Квасник* [В-Важ], р., бол. *Квасница* [К-Б, В-Важ, Галич, Кологр, Шенк], руч. *Квасной* [Прим], лог *Федорин Квасок* [К-Г], низина *Кисель* – «там грязь такая, как кисель» [Леш, Вожгора], р. *Масленка*, *Маслица*, оз. *Масленное*, руч. *Масленой* и

* При подаче материала приводится указание на административный район, где произведена запись топонима; в том случае, когда фиксируются мотивационные контексты, в паспортизирующей справке дается дополнительное указание на населенный пункт.

т.п. [повсем.], оз., бол. Медовое [В-Т, Выт, Ник, Чухл], руч. Медовой [В-Т], р. Молочная Речка [Хар], р. Молочница [В-Т, Ней, Прим, Холм], руч. Молочный – «вода в ручье беленька, как молоко» [Вил, Стафоровская], руч. Молочный [Бел, Вель, Вин, Уст], руч. Белая Мука – «по берегам ручья известняк, там известь гнали» [Кад, Крюково], руч., пруд Сахар [Баб, Бел, Карг], руч. Сахарный [Вин, Леш], руч. Сметана [В-Т, К-Г, Уст], руч. Сметанка [В-Важ, В-Т, Кир, Пин], руч. Сметанный [Пин], р. Сусло [Кад], руч. Толоконный [Пин, Уст], руч. Чайный – «вода в ручье красная, как чай», «вода как заваренный чай, из болота ручей течет» [Кир, Коротецкая], руч. Чайный [Мез, Ник, Устюж, Череп] и др. Как видно, в основу образной номинации кладутся такие признаки, как консистенция, цвет и вкус воды.

В то же время есть ряд мотивировок иного плана: в ручей или реку был пролит соответствующий напиток или – в более радикальном варианте – гидрообъект потоков от того, что кто-то разлил напиток. Ср.: руч. Винный Ручей – «мужик закупил вино на свадьбу, споткнулся и разбил» [Бел, Мыстино], руч. Винный – «машина с водкой разлилась» [Ревд, Кунгурка]*, руч. Матрёнин Квас – «Матрёна поставила квас, а он у ей квасился, вот ручей и потёк» [Плес, Федово], руч. Опрохин Квас – «Опроха квас пролила» [Уст, Кононовская], руч. Щи – «туда кто-то щи пролил» [Вель, Савинская]. Подобные ситуативные мотивировки могут функционировать параллельно качественным (ср. такую ситуацию для гидронима Щи – «вода вкусная, все пили из него», «вода как щи» [Вель, Савинская]), что позволяет предполагать их вторичность (вода вкусная, как щи, значит, кто-то пролил в ручей щи). Однако наличие богатого мифологического фона мешает безоговорочно принять версию о вторичности ситуативных мотивов.

Во-первых, следует учесть обрядовую практику проливания напитков или высыпания пищи в водоем. Такие действия предпринимались в рамках календарных обрядов (к примеру, в Полесье на Крещение или во время водосвятия «подкрашивали» квасом воду в реке [СД 2: 488–489]) или же соотносились с практикой ритуального кормления, рассчитанного на умиловление духов

* Мотив опрокидывания машины с водкой, затопления баржи с этим напитком и т.п. встречается и в связи с топонимами, образованными от апеллятивов *пьяный*, *кабак*: руч. Пьяный Ручей – «пьяным зовут потому, что туда машина с водкой упала, – и все разлилось» [Выт, Сидорово], г. Пьяный Угор – «машина оборвалась, вино-то в речку пролили» [В-Важ, Герасимовская], руч. Кабачок – «туда машина с водкой пролилась, ручей и потек» [Некр, Бор].

природы и стихий – например, водяного, для которого на Русском Севере бросали в воду масло, мед, хлебные крошки или хлеб, лили водку [СД 2: 601, 603], сыпали муку, приговаривая: «Храни, паси нашу семью» [Черепанова 1996: 55]. Известны также обычаи выливания пищи (например, молока) в воду для кормления умерших предков: как считали болгары, это должно быть первое надоевшее молоко [Агапкина 2002: 155]. Пища бросалась в воду не только для потусторонних сил, но и для поддержания жизненных сил самой воды (ср. сербский обычай бросания в текущую воду каравай из первой муки нового урожая, чтоб жито лучше родилось [СД 2: 604]). В этом же ряду следует рассматривать обычай русских пчеловодов в ночь на Преображение бросать мед и воск от каждого улья в реку или топить первый рой в пруду или болоте [СД 2: 211]. Кроме того, выливание молока в реку могло быть магически направлено на повышение удоев коровы, ср.: «В Вятском крае, подоив корову через кольцо или процедив молоко через дырку, выливали молоко в реку, где течение сильное, и трижды говорили: «Как эта вода бежит, так у коровы Пеструшки молочко бежит» [Толстая (в печати)].

Возможно, стершиеся отголоски подобных обрядовых практик можно усмотреть в анекдотах о том, как жители какой-либо местности (*вологодцы, вятчане* и др.) месили в проруби толокно, мотивирующих распространенное коллективное прозвище *толоконники*, ср.: «Вятчане, где-то недалеко от г. Котельнича хлебали в р. Вятке толокно. Дело было так: Шел зимою по р. Вятке Хлын. И вот вздумал Хлын пообедать. Для этого он тут же во льду, вблизи проруби, выдолбил ножом ямку, наподобие чашки, зачерпнул воды из проруби, всыпал толочка и, прикусывая ярушником, хлебал толокно. О ту пору ехали мимо мужики, везли толокно. Им тоже захотелось толоконча, но их была целая артель – не долго думая, они высыпали в прорубь целый мешок толокна и попробовали хлебнуть, но хлебать было нечего – толокно пошло ко дну. Тогда они высыпали другой мешок, который тоже пошел ко дну. Один из извозчиков, не долго думая, взявши ложку, нырнул в прорубь. За ним нырнули и остальные мужики» [Зеленин 1994: 90–91].

Во-вторых, известны представления о винных, молочных и т.п. реках: ср. распространенные в русских сказках образы молочной реки с кисельными берегами, рек из пива, вина и водки [СМ: 406]. Сюда же можно подключить бытовавшее у западных и восточных славян на Карпатах верование, что один раз в году (на Рождество, Крещение, в Страстную пятницу) вода в водоемах превраща-

ется в вино, а также сербское поверье, согласно которому в ночь на Крещение открываются небеса, реки и ручьи останавливаются и вода превращается в вино [СД 1: 373]. Ср. также распространенный у индоевропейских народов миф о небесных сосудах (пиршественных кубках), из которых боги изливают на землю различные напитки: с помощью этого мифа объяснялось происхождение земных вод [Афанасьев 1994 II: 170].

Очевидно, такой мыслительный «субстрат» (представление о молочных и т.п. реках) мотивирует многочисленные и разноплановые ситуации соотнесения жидких продуктов питания (особенно молока) и воды в реке, основанные на символическом или метафорическом разворачивании соответствующего представления. Ср., к примеру: «В магических действиях, направленных на повышение удоев молока, широко используется уподобление молока воде и символика текущей воды. Поляки Жешовского края совершали пасхальные обливания водой в убеждении, что без них молоко у коров убывало или вовсе пропадало. Архангельские крестьяне, когда в Вербное воскресенье первый раз выгоняли скот вербовыми ветками, эти ветки затем опускали в реку или ручей, чтобы у коровы было больше молока, а пастух с той же целью прятал в воду свой «отпуск». В Полесье обращались к колодцу: «День добрый, колодезь Максим, а ты, земля Татьяна, чтоб у коровки прибывало молоко, был сыр, сметана. В колодези вода жерлами, а у коровки молоко жирами», а также обливали водой корову с приговором: «Прибывай, молоко, как вода в колодце!» (Великий Бор Хойницк. р-на Гомельской обл.). ... Словенцы в Сочельник держали на столе или под столом подойник, наполненный водой, чтобы коровы в течение года давали больше молока. Словаки считали, что невеста на свадьбе должна плакать (лить слезы) как можно больше, тогда ее коровы будут молочны» [Толстая (в печати)]. Ср. также различные факты «молочной символики», зафиксированные на территории функционирования представленных в начале статьи топонимов – на Русском Севере: «Раньше за реку в лодке не возили молока. [Вообще никогда?] Пока река не замёрзнет [КА, Рягово-Стегневская, 1998]»; «У нас бабка раньше говорила, когда река ломается. Выйдет река в молочный день, так больше молока будет, а в постный день – рыбы больше будет» [Иванова 2002, 143]; показательна и прибаутка: «Нос в дерьме, Поди вымой на реке, В пресном молоке» [КА, Труфаново-Новоселово, 1998], а также пожелание корове при дойке: «Стой, как стена, дой, как река» [КА, Казаково, 1998] и т.п.

Таким образом, ситуативные мотивировки *винных, квасных* и т.п. гидронимов могут быть связаны по своему происхождению с мифом*, который растворяется в позднейших переосмыслениях подобно пролитому в воду напитку.

Особый случай мифологической мотивации «пищевых» топонимов – название ому́та на оз. Во́же *Квасная Яма* (параллельное наименование – *Мертвая Яма*), в которой «много народу тонуло» [Кон, Васильевская] (ср. также наименование ому́та *Квасничный Омут* на другой территории – [Ней]). Это название, по всей видимости, можно включить в круг следующих фактов: *наквасить* (безл.) ‘потонуть’ (?) (*Лёд ломится. «Ну, сегодня наквасит», – дедушко говорит, потонут значит*) [СРГК 3: 330]; *наквасить* Каму ‘утонуть’ (*Смотри, Ваня, не наквась Каму-то: лед-от тонкой*) [Прокошева: 63]; «например, человек едет пьяный [по озеру] или неуверенный, гряд: «Куда поехал, хочешь озеро наквасить?» *Озеро наквасить – утонуть хочешь*» [КА, Труфаново-Кукли, 1998]**. Ключом к пониманию указанного смысла глагола *наквасить*, возможно, является следующий контекст, зафиксированный на Пинеге: «если вода-то иногда голубая или темно-красная, дак тоже не хвалили: будет много утопленников» [Иванова 2002: 145]. «Наквашенная» вода красного цвета – цвета крови. Наверное, нелишним будет добавить, что на той же территории для обнаружения утопленников использовался хлеб – основной ингредиент кваса: «быва человек утонет и утопленника не могут найти, дак говорят: где хлеб утонет, там и найдешь» [Иванова 2002: 150]. Ср. также общую для всех славян практику использовать квас как ритуальный напиток в поминальные дни [СД 2: 488]. Наконец, следует добавить, что глагол *наквасить* может дополнительно приобрести «реальную», «физиологическую» мотивировку (разложение мертвого тела в воде); возможно, она актуальна и для *киснуть* ‘умереть’ [СРГК 2: 354].

Итак, миф о пролитых в водоем продуктах питания или о реках из меда, вина, молока и т.п. становится своего рода диахронической коннотацией «пищевых» гидронимов; несмотря на то, что образные мотивировки появляются чаще и более «законны»

* Отметим, что весьма симптоматичную – в духе времени – модификацию этот миф получает в том случае, когда «демиургами» винно-водочных рек становятся водители грузовиков с водкой.

** Возможно, эти факты проясняют смысл следующей неясной фиксации глагола *наквасить* в СРНГ: *наквасить* (знач.?) – *Тебе с этой удачей молодецкою наквасити река будет Волхова. Пудож., Олон., Рыбников, 1864* [СРНГ 19: 313].

с точки зрения базовых для поздних топонимических систем номинативных закономерностей, «генная память» номинативной модели время от времени возрождает мифологический прецедент (нередко в модифицированном виде).

ЛИТЕРАТУРА

Агапкина 2002 – Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.

Афанасьев 1994 – Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994.

Зеленин 1994 – Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913 гг. М., 1994.

Иванова 2002 – Иванова А.А. Река в культурной традиции Пинежья // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2002. С. 141–153.

КА – Каргопольский архив (лаборатория фольклора РГГУ)

Прокошева – Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья /Сост. К.Н. Прокошева. Пермь, 1972.

Рут 1992 – Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. Екатеринбург, 1992.

СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. /Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995.

СМ – Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М., 2002.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., 1966.

Толстая (в печати) – Толстая С.М. Из этнолингвистического словаря «Славянские древности»: Молоко // Славяноведение (в печати).

Черепанова 1996 – Мифологические рассказы и легенды Русского Севера /Сост. и автор комментариев О.А. Черепанова. СПб., 1996.

Принятые сокращения

а) в названиях административных районов:

Баб – Бабаевский район Вологодской области

Бел – Белозерский район Вологодской области

В-Важ – Верховажский район Вологодской области

Вель – Вельский район Архангельской области

Вил – Вилегодский район Архангельской области

Вин – Виноградовский район Архангельской области

В-Т – Верхнетоемский район Архангельской области

Выт – Вытегорский район Вологодской области

Галич – Галичский район Костромской области

Кад – Кадуйский район Вологодской области

Карг – Каргопольский район Архангельской области

К-Б – Красноборский район Архангельской области
К-Г – Кичменгско-Городецкий район Вологодской области
Кир – Кирилловский район Вологодской области
Кологр – Кологривский район Костромской области
Кон – Коношский район Архангельской области
Леш – Лешуконский район Архангельской области
Мез – Мезенский район Архангельской области
Ней – Нейский район Костромской области
Ник – Никольский район Вологодской области
Пин – Пинежский район Архангельской области
Плес – Плесецкий район Архангельской области
Прим – Приморский район Архангельской области
Ревд – Ревдинский район Свердловской области
Туг – Тугулымский район Свердловской области
Уст – Устьянский район Архангельской области
Устюж – Устюженский район Вологодской области
Хар – Харовский район Вологодской области
Холм – Холмогорский район Архангельской области
Череп – Череповецкий район Вологодской области
Чухл – Чухломской район Костромской области
Шенк – Шенкурский район Архангельской области

б) в обозначениях географических терминов:

бол. – болото

р. – река

оз. – озеро

руч. – ручей

ТОПОНИМИЯ ВОЛОГДЫ В XVII ВЕКЕ

Топонимия Вологды складывалась веками. Самый древний (из дошедших до нас) перечень урбанонимов представлен в Дозорной книге 1616–1617 гг. В документе называются 12 районов большей или меньшей протяжённости (используется термин *сорок* в значении 'участок, район города с одной церковью, по которой он получает название' – Чайкина 1989: 104), но ничего не говорится об уличной структуре старорусского города.

Важные свидетельства о возникновении системы именований улиц, переулков содержит Переписная книга г. Вологды 1629 г. В современной топонимии сохранилось лишь одно название XVII века – улица *Зосимовская* < *Изосимовская* улица [ПКВ 1629: 117] (за этот период топоним претерпел фонетические изменения), остальные были утрачены в процессе переименования и перепланировок. Переписная книга 1629 г. – ценнейший источник изучения топонимии древней Вологды.

Сто пятьдесят два урбанонима, фиксируемые в данном памятнике, идентифицируют внутригородские объекты различной номенклатуры: *слободы, слободки, соборы, церкви, монастыри, башни, ворота, улицы, переулки, берега* ('улицы, расположенные по берегу реки; набережные' – Чайкина 1989: 111), *крюки* ('переулки, но не прямые, а изогнутые' – Чайкина 1989: 111), *площади, ряды, дороги*.

Сметная книга 1657 года, опубликованная Н.В. Фалиным, дополняет имеющиеся сведения о названиях оборонительных сооружений Вологодского кремля.

В материалах деловой письменности г. Вологды XVII в. отмечены все традиционные принципы наименования городских объектов. Самая многочисленная группа – локативные топонимы (более 70%). По-видимому, данный факт объясняется тем, что город изначально складывался как комплекс участков и построек, имеющих ту или иную значимость для его жителей. Менее известные объекты обозначались через более известные и выразительные наименования.

Старейший слой урбанонимии Вологды составляют городские хоронимы, возникшие по соотносённости с земельными угодьями (полями, лесами, пашнями): *Всполье* [ПКВ 1629: 165] (*всполье* 'открытое место перед стенами города' [СлРЯ XI–XVII, 3: 145];

'окраина города, граничащая с полем, смежная с ним' [СРНГ, 5: 210]; топоним *Рощенье* (ПКВ 1629) (*рощенье* – 'роща' – СлРЯ XI–XVII, 22: 122) соотносится с периодом языческих верований, с наличием саященных рощ, в которых славяне приносили жертвы своим богам – СГНВО: 52); *Новинки* [ПКВ 1629] (*новинка* от *новина* 'расчищенное для пашни место среди леса, подсека' – СВГ, 5: 109), *Наволоки* [ПКВ 1629] (гидрографический термин *наволоки* в вологодских говорах отмечен в значениях 'место у реки с большими наносами песка, поросшими травой и лесом, низменное поемное место на берегу реки' – СРНГ, 19: 173). Хотя в общем числе урбанонимов Вологды удельный вес подобных наименований невелик, они представляют большую историческую ценность.

Заметно выделяется пласт локативных названий, данных различным городским объектам по именам церквей, монастырей, например: *Богословской сорок* – церковь *Иоанна Богослова* [ДКВ 1617: 359], *Леонтьевской сорок* – церковь *Леонтия Ростовского Чудотворца* [ДКВ 1617: 364], *Мироносицкой сорок* – церковь *Святых Жен Мироносиц* [ДК 1617: 366] и другие сорока (75% топонимов данного класса); *Борисоглебские ворота, башня* – церковь *Бориса и Глеба* [ПКВ 1629: 57, 6], *Ильинские ворота, башня* – монастырь *Ильинской* [ПКВ 1629: 85, 5] (74% наименований боевых укреплений Кремля); *Введенская улица* – церковь *Введение Пресвятой Богородицы* [ПКВ 1629: 143], *Изосимовской (Изосимской) переулок* – церковь *преподобных Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцов* [ПКВ 1629: 117, 161], *Фроловская улица* – церковь *Фрола и Лавра* [ПКВ 1629: 127] (всего, по нашим подсчетам, около 50% годонимов).

Схожая тенденция в номинации внутригородских объектов получила широкое распространение в жизни многих городов Центра и Севера России [Орлова: 63, Подольская: 27, Смоленская: 20 и др.].

В Дозорной книге города Белозера 1617/18 г. отмечены *Воскресенской, Петровской, Ивановской, Ондриевской сорока* [ДКБ 168: 55, 64, 66, 67], названы по церкви улицы *Вознесенская, Егорьевская, Ондриевская, Пречистенская* [ДКБ 1618: 56, 57, 61, 150]. Топонимы, содержащие агноосновы, составляют около 30% всех урбанонимов Белоозера. В Вологде же этот показатель доходит до 47%. Разница в количестве объясняется внеязыковыми факторами, прежде всего обилием храмов в Вологде. По данным Переписной книги 1629 г., их было 60, до литовского разорения насчитывалось еще больше (на посаде отмечено 21 церковное место).

По свидетельству историков, такого нельзя было встретить ни в одном из городов Русского Севера. «Безусловно, сказались глубокие православно – духовные традиции старейшего города Севера, размещение здесь архиерейской резиденции, наличие в окрестностях и близлежащих уездах древних и славных монастырей» [Камкин: 283].

В топонимической системе г. Вологды отмечаем наличие топонимических ансамблей: *Вознесенские* ворота, башня, улица [ПКВ 1629: 62, 82, 104], *Васильевские* сорок [ДКВ 1617: 363], улица [ПКВ 1629: 145], *Никольские* сорок [ДКВ 1617: 360], улица [ПКВ 1629: 173], *Пятницкие* ворота, башня, улица [ПКВ 1629: 74, 3, 86]. Функционирование таких небольших подсистем – одна из ярких страниц истории урбанонимии Вологды.

Известна также для городов Центра и Севера России тенденция называть улицы и дороги именами населенных пунктов, по направлению к которым они вели: *Костромская* улица [ПКВ 1629: 138], *Московская* дорога [ПКВ 1629: 117].

Единичны локативные топонимы, образованные по соотносительности с другими объектами, например, местом торгового оборота – *Зарядье* [ПКВ 1629: 157] (зарядье 'место за рядами, позади лавок' – Д, I: 631), городским районом – *Обуховская* башня [Фалин: 29] – слобода *Обухово* [ПКВ 1629: 128].

Принцип номинации географических объектов по связи с человеком в урбанонимии Вологды XVII века также реализуется на основе нескольких мотивировочных признаков: 1) именование по домовладельцам и землевладельцам, в честь лиц, так или иначе имеющих отношение к месту (отантропонимические урбанонимы); 2) именование по занятиям горожан, особенностям их производственной деятельности.

Если в Тотеме, как показывают материалы переписи 1677–1679 годов, самое большое число названий улиц связано с фамилиями отдельных, видимо, наиболее состоятельных жителей данных улиц (*Дерябинская* улица – *Дерябина* улица, *Даниловская* улица, *Дудинский* переулок – *Дудин* переулок, *Ратовская* улица, *Ерзовка* улица – *Ерзов* переулок – Чайкина 1997: 31), то в Вологде топонимов отантропонимического происхождения незначительное количество: улицы *Гасилова*, *Ехалова*, *Кобылкина*, *Коровина* [ПКВ 1629: 168, 80, 131, 130], *Козловский* переулок [ПКВ 1629: 177] – около 7 % всех наименований.

Более продуктивным мотивировочным признаком посессионных топонимов XVII века становится профессия жителей. Этот тип

наименований максимально конкретен, переходит через прозвище группы людей на место, где они жили. В данный период существовала древняя ремесленная слобода *Кузнецы*, слободы *Стрелецкая*, *Розсыльщицья* [ПКВ 1629: 123, 100, 127] (розсыльщик 'должностное лицо, посылаемое с поручениями в отъезд' – СлРЯ XI–XVII, 22: 75), улица *Калачная* – улица *Колашная* [ПКВ 1629: 81, 183]. По главному предмету торгового получили название ряды: *Лапотной*, *Сапожной*, *Соляной*, *Свечной*, *Рыбной* [ПКВ 1629: 28, 35, 47, 69] и др.

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие качественных наименований, связанных с особенностями самих географических объектов.

В названиях отражаются форма, величина улицы (*Широкая*, *Большая*, *Тесная* – ПКВ 1629: 135, 82, 173), свойственные объектам функции (*Проезжая* улица, *Набатная* башня – ПКВ 1629: 51, 62).

Отдельного рассмотрения требует вопрос о принципах храмоименования. «Каждый престол православного храма – основной и в приделах – освящался во имя священного лица или события: так появились храмы Господские, т.е. освященные во имя Господа Иисуса Христа и важнейших событий его жизни; Архангельские, т.е. освященные во имя ангельских чинов; Богородичные, т.е. освященные во имя Богородицы или каких – либо событий ее жизни; пророческие и апостольские, а также храмы, освященные во имя святых или святынь» [Камкин: 283].

В Переписной книге 1629 г. фиксируется более 80 экклезионимов, возникших на основе традиционных принципов храмоименования. Господские храмоименования: церкви *Рождество Христово*, *Боголепное Преображение*, *Воскресение Христово*, *Вознесенской монастырь* [ПКВ 1629: 17, 82, 136].

Архангельские храмоименования: церкви *Чуда Архистратига Михаила*, *Архистратига Гавриила*, собор *Архистратига Михаила* [ПКВ 1629: 139, 146]. Богородичные храмоименования: церкви *Введение Пресвятыя Богородицы*, *Благовещение Пречистыя Богородицы*, *Знамение Пречистыя Богородицы*, *Покрова Пресвятыя Богородицы* [ПКВ 1629: 143, 18, 22, 126].

Пророческие и апостольские храмы: церкви *Святого пророка Еремея*, *Святого пророка Ильи*, *Святых апостолов Петра и Павла*, монастырь *Ильинской* [ПКВ 1629: 149, 131, 112, 131]. Храмы, освященные во имя различных святых и святынь: церкви *Николая Чудотворца*, *великомученицы Варвары*, *великомученика*

География [ПКВ 1629: 127, 136, 150] – самая многочисленная группа экклезионимов.

В Вологодских храмоименованиях широко отразилось почитание наиболее известных подвижников Православия, подвизавшихся на Вологодской земле и Русском Севере, а также святых Новгородских и Ростовских, исторически связанных с Вологодой [Камкин: 283]: церкви *преподобного Димитрия Прилуцкого Чудотворца, преподобного Кирилла Белозерского Чудотворца, Лeonтия Ростовского Чудотворца, преподобного Дионисия Глушицкого* [ПКВ 1629: 134, 149, 150].

При сопоставлении системы храмоименования Вологды и Устюга Великого обнаруживаются сходные тенденции. По данным Сотной книги Устюга Великого 1630 г., больше всего храмов в городе построено в честь святых, среди них церкви *Прокопия праведного Устюжского Чудотворца, Жен Мироносиц, Святого Власия, Димитрия Прилуцкого* [СК Уст. 1630: 6, 20, 9].

Топонимия Вологды XVII в. свидетельствует о духовной и материальной культуре народа, отражая картину мира той эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

Д. – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1989–1991.

Камкин – Вологда 1780-х годов в описаниях и воспоминаниях современников. (Публикация А.В. Камкина) // Вологда. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994, стр. 279–285.

Орлова – *Орлова Е.О.* Принципы номинации улиц Великого Новгорода в контексте культурологии // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли. Материалы международной научной конференции «Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли». Великий Новгород, 2001. С. 59–64.

Подольская – *Подольская Н.В.* Урбанонимия Центральных областей РСФСР // Топонимия Центральной России. Вопросы географии. Сб. 94. М., 1971. С. 123–12.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1–8. Вологда, 1983–1999.

СГНВО – *Чайкина Ю.И.* Словарь географических названий Вологодской области. Архангельск, 1988.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–25. М., 1975–2000.

Смолицкая – *Смолицкая Г.П.* История формирования топонимии Москвы // Географические названия в Москве. Вопросы географии. Сб. 126. М. 1985. С. 12–13.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. Вып. 1–27. М.–Л.–СПб., 1965–1992.

- Фалин – *Фалин Н.В.* Вологодская крепость в XVII веке. Вологда, 1924.
- Чайкина 1989 – *Чайкина Ю.И.* Административно-территориальная лексика и микротопонимия старорусского города // Севернорусские говоры. Вып.5. Ленинград, 1989, стр. 102–114.
- Чайкина 1997 – *Чайкина Ю.И.* Старая Тотьма: географические названия и именованья жителей (на материале Переписной книги Тотьмы 1677–1679 гг.) // Тотьма. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 30–36.

Источники

- ДКБ 1618 – Дозорная книга Белоозера «письма и дозору» Г.И. Квашнина и подьячего П. Дементьева 1617–1618 гг. (Подготовлена к печати Ю.С. Васильевым) // Белозерье. Историко-литературный альманах. Вып.1. Вологда, 1994.
- ДКВ 1617 – Дозорная книга посада Вологды князя П.Б. Волконского и подьячего Л. Софонова 1616–1617 гг. (Публикация Ю.С. Васильева) // Вологда. Историко-краеведческий альманах. Вып.1. Вологда, 1994.
- ПКВ 1629 – Писцовая книга г. Вологды 1629 г. письма и меры кн. И. Мещерского и подьячего Ф. Стогова // Источники истории г. Вологды и Вологодской губернии. Вологда, 1904.
- СК Уст. 1630 – Устюг Великий. Сотная книга 1630 г. // Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883.

ЗАМЕТКИ О ВОЛОГОДСКОЙ АСТРОНИМИИ

Народные названия звезд и созвездий в говорах Русского Севера отмечаются как диалектными словарями, так и полевыми записями, однако до сих пор не было попыток систематизировать местные, локальные астрономы в пределах хотя бы такой довольно широкой территориальной единицы, как область. В настоящих заметках попытаемся охарактеризовать астрономию Вологодской области в ее отношении, с одной стороны, с астрономией сопредельной Архангельской области, с другой стороны – с общерусской.

Топонимической экспедицией Уральского государственного университета зафиксировано около четырех десятков астрономов, бытующих в говорах Вологодской области. Рассмотрим их.

Аршин. Чаг. **Аршинница.** Ник. **Аршинчик.** Бел, Гряз, Ник. Пояс Ориона.

Астрономы опираются на уникальное свойство объекта – три звезды Пояса Ориона расположены четко по прямой линии. Образ аршина как предмета, воплощающего идею “прямыны”, ощущается в общенародном сравнении как *(словно, будто) аршин проглотил* ‘о человеке, который держится неестественно прямо’ и проявляется в диалектных текстах, ср.: *Звезды были по прямой, как по палке, звали Аршинчиком (Бел, Юрино)*. Есть и иной поворот того же образа, когда основным мотивирующим признаком становится расположенность на равном расстоянии, и звезды воспринимаются как отметки на мерной линейке, ср.: *Они как три штуки в одном расстоянии, ровно мерные, Аршинница (Ник, Тарасово)*. Подобный образ вполне был бы возможен на любой русской территории, однако словари фиксируют только *Аршин* “созвездие из нескольких звезд, расположенных сверху вниз перпендикулярно горизонту” [СРНГ 1: 282; пск.]. В Архангельской области зафиксированы астрономы *Аршин* “пояс Ориона” (Лен), и *Аршинницы* в значении “три звезды ручки ковша Большой Медведицы” (Уст) – признак расположенности звезд на одной прямой здесь относительно соблюден, хотя идеальной прямой в ручке ковша нет, что заставляет думать об ошибке информанта или собирателя (на эту же мысль наводит и форма *Pluralia tantum*).

Большой Ковшичек. Гряз. **Ковш.** Гряз, К-Г, Устюж. **Ковшик.** Кир, Ник, Устюж. Большая Медведица.

Этот универсальный по отношению к Большой Медведице образ в Вологодской области находит достаточно широкое распространение. Тексты свидетельствуют о том, что созвездие не просто отождествляется с ковшом: *Ковшичек и есть: три звезды на ручку, четыре прямоугольником* (Гряз, Чернава), – но и используется для определения времени: *Ковшичек хвост опустит – светать скоро будет. Уйдем в озеро на ночь – скорей бы Ковшичек хвост опустил* (Кир, Чаронда). Кажущееся противоречие (хвост – часть звериного образа, ковш – бытовой предмет) легко снимается, если вспомнить широко известную загадку “Утка в море, хвост на заборе (Ковш)”.

Грудки. Гряз. Плеяды. **Семерик.** 1. Устюж, Чаг. Большая Медведица. *Этот ковшик на небе Семерик зовут* (Чаг, Посник). Семерик – много звездочек, штучки четыре да две хвостиком в сторону (Устюж, Сидорово). 2. Бел, Устюж. Плеяды. **Семерик** я видела, семь звездочек кустышком (Бел, Борково). Семерик звезды называли, они так кучкой размещены, как треугольник (Устюж, Богуславль). **Восьмерик.** Устюж. Созвездие (?). *Восьмериком называются восемь звезд в кучке* (Устюж, Нечалово). **Кучка.** Гряз. Созвездие (?). **Пятерик.** Устюж. Созвездие (?). *Пятерик – звезды были кучкой, три самые яркие, две послабже* (Устюж, Мелечино). **Стожары.** М-Реч. Созвездие (?). **Шестерик.** Чаг. Большая Медведица.

Астронимы этой группы объединяет единство мотивационной тематики: все они связаны с сельскохозяйственными образами – либо с укладками снопов в поле (*грудки, кучка, восьмерик, пятерик, семерик, шестерик*), либо со стогом (*стожары*). В общерусской традиции астронимы подобной тематической отнесенности соотносятся обычно с Плеядами. Как видно из материала, в вологодских говорах по крайней мере два астронима (*Грудки* и *Семерик* во 2 знач.) соотносены именно с этим объектом звездного неба, есть основания думать именно о Плеядах как объекте номинации астронимами *Кучка, Восьмерик, Пятерик, Стожары. Семерик* и *Шестерик*, соотносимые с Большой Медведицей, могли приобрести это значение позднее, поскольку форма созвездия никак не отвечает образу. Впрочем, название *Семерик* может носить чисто “счетный” характер (в созвездии действительно семь звезд) и не иметь отношения к образу укладки снопов. С другой стороны, обращает на себя внимание география астронимов: названия *Пятерик, Шестерик, Семерик, Восьмерик* зафиксированы в Устюженском районе и, возможно, представляют собой либо

попытку разработки номинативного соотносительного ряда, либо варьирование образа применительно к одному и тому же созвездию.

Дуга. Кир. Большая Медведица.

Комментарии информантов позволяют связать название с частью конской упряжи, ср.: *Дуга в полночь появится, а потом ночью шевелится как-то. Она как хомут: пошире, а потом поуже. У Дуги семь звездочек светило (Кир, Левково).* Хотя в какой-то степени образ отвечает форме созвездия (ср. также астроним *Коромысло*, широко распространенный на территории России в самых различных астронимических значениях, в том числе используемый и для обозначения Большой Медведицы), представляется, что здесь речь идет о переосмыслении более древнего образа – образа воза (образ “воз” или “двуколка” принадлежит к древнейшим индоевропейским астронимическим образам). Как отмечал еще В.И. Даль, на востоке территории России Большая Медведица воспринималась также как конь, что, очевидно, служит продолжением древнейшего и, возможно, исходного восприятия этого астрообъекта – образа животного. В Приморском и Ленском районах Архангельской области записаны названия *Конь* и *Конь Горбатый С Телегой* для Большой Медведицы, в Воронежской области отмечается астроним *Горбатый Мерин* [СРНГ 7: 21]. В русской астронимии два древних образа – “животное” и “воз” – сталкиваются*, и вологодское *Дуга* может рассматриваться как один из результатов такого столкновения.

Животворящий Крест. Устюж. **Крест (Крёст).** Бел, Кир, Устюж. **Кресток.** Бел. Петров (Петровский) **Крест.** Кир. Созвездие (?).

Определить принадлежность названия конкретному объекту пока не удалось. Записанные объяснения информантов указывают как на форму созвездия, так и на его функцию – определение времени, ср.: *Животворящий Крест – как на кладбище: с палкой накоса, наверху две яркие звездочки, а внизу три (Устюж, Вершинино). Он как крест, только в небе три звезды, а поперек две (Кир, Левково). В ясную погоду Крест был: Кровелька такая сделана, много звездочек, а в середине кресток (Бел, Борково). Петров Крёст, верно, на крест похож, как две поперечины. Ён пока-*

* Подробнее об этом см.: Рут М.Э. Взаимодействие языков и трансформация образной ономастической системы в астронимии // Этимологические исследования. Вып. 5. Екатеринбург, 1993. С. 137–142.

зывает время, на полночь выходит (Кир, Васюково). Петров Крест в полночь выходит, ён как крест сделан, как на кладбище кресты были: батог такой, а поперек еще два – один короче, а другой длиннее (Кир, Большая). Петров Крест выкатывается около полуночи, похоже на крест. Ён двигается, как солнышко, повернется куда-нибудь. Наши старики его изучали: повернёт хвостом туда-сюда – скоро свет (Кир, Рыбацкая). К сожалению, собранного материала недостаточно, чтобы уверенно идентифицировать созвездие, а отыскать его с помощью информантов на небе не удавалось. По данным картотеки Словаря русских народных говоров, подобные астронимы фиксируются также на Амуре, на Урале, в Вятской, Калужской, Псковской, Рязанской и Саратовской областях [см. СРНГ 15: 226]. Записаны они и в Архангельской области. Даль [2: 190] приводит астроним *Петров Крест*, интерпретируя его как "созвездие, составленное народом". Д.О. Святский полагает, что название *Большой Хрест* (Петерб.) принадлежит созвездию Лебедь*, в материалах картотеки Словаря русских народных говоров также встречаются указания на это созвездие, а также на Пегас и Голову Дракона. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не отрицают такой возможности, но и не добавляют каких-либо новых аргументов в пользу того или иного варианта атрибуции.

Змея. К-Г. Созвездие (?). *Змея – семь лц, восемь звездочек в одном месте (К-Г, Слуда).*

Астроним записан также в Вилегодском, Приморском (Северодвинск) и Онежском районах Архангельской области, в последнем случае соотнесен с Кассиопеей. В Лешуконском районе зафиксирован астроним *Змей* в значении 'Большая Медведица'. Контексты не дают возможности четко атрибутировать объект, поскольку лишь указывают на то, что созвездие напоминает змею. При определенном напряжении образного восприятия так можно интерпретировать и Большую Медведицу, и Кассиопею, и фрагмент созвездия Лебедь, и какое-либо еще сочетание звезд. Предпочтительнее всего представляется все же отнесение названия к Большой Медведице, поскольку из всех перечисленных именно это созвездие наиболее освоено диалектоносителями.

* См.: Святский Д.О. Под куполом хрустального неба. СПб., 1913. С. 168. Эта же атрибуция отмечается для астронима *Krzyż Święty* польскими исследователями, см.: Słownik stereotypów i symboli ludowych / Koncepcja całości i redakcja J. Bartmiński. T.1: Kosmos. Lublin, 1996. S. 250.

Зубья. Гряз. Пояс Ориона. **Грабельцы.** Меч и Пояс Ориона. [Влг. СРНГ 7: 105].

Образ грабель, косвенно отраженный в астрониме **Зубья** (о чем свидетельствует текст: *Тетка показывала: как из грабель зубья воткнуты – Гряз, Косиково*), широко распространен у славянских народов*. На территории России название *Грабли* зафиксировано также в Саратовской губернии [СРНГ 7: 107]. В Вельском районе Архангельской области записан астроним *Маточка* (*Маточка есть: три звездочки на одной палочке – Вель, Ульянов Починок*), связанный с апеллятивом *маточка* 'перекладина грабель, куда вставляются зубья' и, таким образом, тоже включающийся в поле образа "грабли". Можно рассматривать указанные астронимы как следы древнего общеславянского астронима. Показателен отход от исходного образа, связанный с более суженным восприятием созвездия: названия связаны только с Поясом Ориона, хотя по сути своей предполагают "дорисовку" объекта – ведь если есть зубья или перекладина, то должны быть и сами грабли.

Кичижка, Кичижница. Гряз. Большая Медведица. **Кичига.** Гряз. Орион.

Образ *кичиги* – примитивного молотила, представляющего собой изогнутую палку, – ведущий для севернорусских названий Пояса Ориона и Большой Медведицы. По данным Словаря русских народных говоров, а также по записям Топонимической экспедиции Уральского университета, подобные астронимы широко распространены на территории Русского Севера, Урала и Сибири, при этом наиболее употребительны названия *Кичиги* для Пояса Ориона и *Кичига* для Большой Медведицы – в первом случае три звезды Пояса Ориона воспринимаются как стоящие в ряд участники молотьбы, во втором – Большая Медведица воспринимается как сама кичига: звезды ковша – рабочая часть молотила, ручка ковша – его рукоятка. В приведенных вологодских названиях ощущается определенная переработка исходного образа: возможно, формы *Кичижка* и особенно *Кичижница* не столько отсылают к образу кичиги, сколько указывают на отмечаемую говорами связь между положением созвездия и временем (ранним утром), когда следовало вставать и идти на молотьбу. Соотнесение астронима *Кичига* с Орионом может быть ошибочным. На терри-

* См. об этом: Рут М.Э. Русская народная астронимия. Свердловск, 1987. С. 37–38.

тории Архангельской области *Кичига (Кичиги)* соотносится с Поясом Ориона, и в этом можно видеть разработку образа палки (ср. *Аршин, Аршинница*). С другой стороны, вполне допустимо, что в данном случае Пояс Ориона комбинируется с одной из верхних звезд созвездия (ср. *Грабельцы*).

Куколёк. Бел. Плеяды.

Ср. куколёк "головка льна". Оригинальный образ, не нашедший воплощения ни в одном из славянских астронимов. Отнесение к Плеядам произведено на основе комментариев информанта: *Кучка звезд есть, кукольком таким, мелконьки, все одной кучкой, только стебелька нет. Я всё Кукольком звала, по-научному не знаю (Бел, Лаврушино)*. Последнее замечание информанта наводит на мысль об индивидуальной номинации, хотя возникновение подобного образа на территории Вологодчины, где лен издавна был одной из основных культур, вполне естественно.

Лось. Гряз, Кир, М-Реч, Чаг. Большая Медведица.

Один из наиболее распространенных севернорусских астронимов, отмеченный еще И.И. Срезневским и фиксируемый диалектными словарями, начиная с В.И. Даля и Опыта, на территории от Архангельска до Дальнего Востока.

Луковка. В-Уст, Гряз. **Грездень.** Устюж. **Гряздок, Гряздочек.** Гряз. Плеяды. **Ботун.** Гряз. Звезда (?).

Как и Куколёк, не фиксируется на других территориях. Образ разгрездившегося лука (ср. *грёзд, грязд, гряздок, грездень* 'гнездо лука, чеснока, картофеля') подробно прорабатывается в показаниях информантов, ср: *Грездень в небе плотно сидит, не выдернешь (Устюж, Цампелово). Гряздок помню: то кучка звездочек мелких, на гряздок луковый похожи звезды-те (Гряз, Свистуново)*. Закономерность появления образного варианта Луковка хорошо демонстрирует контекст: *Бабка говорила, будто бросил кто луковку в небо, а она разгряддилась звёздочкам (Гряз, Калинкино)*. С другой стороны, ср.: *Луковка была така кругленька, много звездочек (Гряз, Антипино)* – где созвездие воспринимается уже не как совокупность луковиц в гнезде, а как одна луковица, что тоже возможно, учитывая скученность звезд. Если рассматривать названия в русле развития традиций астрономии, обращает на себя внимание связанный с Плеядами образ семьи, птичьего выводка, гнезда, который получает свое воплощение с древнейших времен (ср. встречающееся еще у арабов "курица с цыплятами", нашедшее свое продолжение во многих астронимах Евразии, греческое "дочери Плейоны", а также

русские названия *Плеяд Попова Семья, Семейка, Гнездо, Курица с цыплятами, Осье Гнездо, Птичье гнездо, Утиное гнездо*. Характерно, что последний астроним, весьма характерный для севернорусской астронимической зоны, в вологодских говорах не фиксируется. Требуется дальнейшей проверки астроним *Ботун*, толкуемый информантом как "звезда". В ходе опросов сотрудники Топонимической экспедиции не раз замечали, что информанты склонны использовать слово *звезда* в значении 'созвездие' (это отчасти объясняется тем, что сами собиратели избегали употребления книжного слова *созвездие* и старались говорить просто о *звездах, звездочках*). Поэтому вполне допустимо, что в данном случае речь идет о том же созвездии Плеяды и перед нами разработка образа лукового гнезда – луковицы – соцветия на конце лукового пера.

Медведица. 1. Кир. Большая Медведица. 2. Ник. Звезда (?). **Медвежье Гнездо.** Бел. Плеяды (?). **Медвежья Лапа.** Кир. Созвездие (?).

Названия этой группы возникли явно не без влияния научных астронимов *Большая и Малая Медведица*. Свидетельства информантов демонстрируют как детальное осмысление образа в астронимии, ср.: *Как с вечера поедем в озеро ловить – Медведицу примечали. Ёна квадратна с хвостиком, когда ёна завернется – утро будет (Кир, Степачево). Медведица была: звезды разъединяются у ей, в середине хвостик такой длинный, а со сторон лапки. Хвостик у ей – самое приметное место (Кир, Селино) – так и явное непонимание его, ср.: Кучка такая – дак Медвежье гнездо, а что такое – ты у астрономов спроси, мы не понимаем (Бел, Юрино)*. Описание объекта в последнем примере наводит на мысль, что речь идет о созвездии Плеяды, и здесь можно предположить контаминацию научного астронима *Большая Медведица* и северного *Гнездо* (хотя, как уже отмечалось, именно этот астроним в Вологодской области не зафиксирован). Возможно, фактом аналогичной контаминации является и астроним *Медведица* во втором значении, ср. *Волчья звезда 'Венера', отмечаемое еще А.Н. Афанасьевым** и объяснение информанта: *Медведица – сильная, большая (Ник, Тарасово) – именно Венера обычно характеризуется как большая, яркая (сильная) звезда*. Отметим, что в Архангельской области "медвежьи" астронимы распространены гораздо шире.

* См.: Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. С. 736.

Мосеевы Пальчики. Ник. Созвездие (?).

Образ Моисея (Мося) в отношении к звездному небу у русских встречается не единожды, ср. *Моисеева Дорога* 'Млечный Путь' [Даль 2: 339], *Мосеев Палец* 'Большая Медведица' [СРНГ 18: 284], *Моисеева Палица* 'Малая Медведица' [СРНГ 18: 206]. Форма множественного числа, а также комментарий информанта – *Есть Мосеевы Пальчики, шесть штучек вместе, шесть пальчиков (Ник, Степашинский Починок)* – склоняют к мысли, что астроним может относиться к Плеядам.

Небесный Кол. К-Г. Полярная Звезда.

По происхождению данный астроним – тюркизм*. Пути его проникновения на территорию Вологодской области не вполне ясны. Отметим, что это единственный вологодский астроним, достоверно связанный с Полярной звездой – объектом, в русской народной астронимии не очень популярным.

Решето. Кир. Плеяды. **Ситечко.** Кир. Созвездие.

Несмотря на прозрачную внутреннюю форму астронимов, их можно причислить к заимствованиям из финно-угорских языков – прибалтийско-финских или волжских**. Комментарий информанта устанавливает соотносительный ряд из указанных двух астронимов, ср.: *Ситечко и Решето были звезды, они кругами такими, а в кругах все звезды. Ситечко поменьше, а Решето большое, ёни друг о дружку ходили (Кир, Русино)*. Можно со значительной долей уверенности утверждать, что *Ситечко* – обозначение Гиад – более мелкого, чем Плеяды, звездного скопления в созвездии Телец.

Сголовница. В-Уст. Звезда (?).

Как в русской народной астронимии, так и в славянской подобное название не зафиксировано. Контекст – *Звезды все мелкие в небе, одна только есть Сголовница, одна большая звезда, светлая, в полночь над головой стоит (В-Уст, Истопная)* – представляется не вполне корректным, поскольку в нем явно смешиваются признаки двух объектов – Полярной звезды ("в полночь над головой стоит") и Венеры ("одна большая звезда, светлая"). Внутренняя форма астронима позволяет предположить, что речь идет все-таки о Полярной звезде, т.е. о звезде, стоящей высоко в зените, "в головах".

Семь Сестер. Гряз, М-Реч. Плеяды.

* Подробнее см.: Рут М.Э. Русская народная астронимия. С. 48–49.

** Там же. С. 44–45.

На других территориях астроним не зафиксирован, хотя его можно связать как с распространенной в астронимии многих народов образной связью Плеяды – “группа женщин” (кроме греческого *Плеяды*, ср. также русское *Бабы*, а также саамский астроним “пляшущие девушки”), – так и с астронимами *Семейка*, *Попова Семья* (см. *Луковка*).

Таким образом, в вологодских говорах бытует достаточно значительное число астронимов, связанных с Большой Медведицей, Плеядами, Поясом Ориона. Хотя для ряда астронимов атрибуция затруднена, можно, очевидно, говорить о том, что круг астрообъектов невелик. Обращает на себя внимание отсутствие названий Млечного Пути (в Архангельской области зафиксировано шесть названий этого объекта, в русской астронимии в целом их насчитывается более двадцати), а также достоверных названий Полярной звезды и Венеры (в Архангельской области зафиксировано название *Молотильная звезда* для Венеры и *Маточка* для Полярной звезды; в целом по территории России фиксируется около 20 названий Венеры и около 10 – Полярной звезды).

Все вологодские астронимы могут быть условно поделены на три группы: общерусские, северные и собственно вологодские. Условность проявляется в том, что, как показывает материал, каждый из зафиксированных астронимов в конечном счете может быть сведен к одному из исходных архетипов индоевропейского или общеславянского уровня. Тем не менее, можно выделить такие **общерусские** астронимы как *Ковш* и т.п. для Большой Медведицы, связанные с Орионом астронимы *Зубья* и *Грабельцы*, *Мосеевы Пальчики*, *Стожары* и *Грудки* для Плеяд, а также *Крест* и под. К **северным** относятся астронимы, связанные с образом кичиги (молотила), а также *Лось*, *Решето* и *Ситечко*. Собственно **вологодскими** можно признать астронимы *Аршинница*, *Куколёк*, *Луковка*, *Грездень* и под. Остальные астронимы с трудом поддаются квалификации ввиду их нечеткой фиксации. Сравнение с архангельскими астронимами позволяет говорить об определенном территориальном астронимическом типе: так, в Архангельской области в качестве собственно архангельских можно назвать астронимы *Волчиха*, *Волчица*, *Зайчик*, *Ложка*, *Парус*, *Поварёнка*, *Санные Звезды*, *Серп*, *Утка* ‘Большая Медведица’, *Зырянская Лыжня*, *Лыжня*, *Матка*, *Матница*, *Небесная Гряда*, *Птичий Полаз*, *Тропа*, *Чумовище* ‘Млечный Путь’, *Лапоть с Дыркой*, *Солоничка*, *Солоница*, *Чухонский Лапоть* ‘Плеяды’, *Сирая Звездочка*, *Сирота* ‘Полярная звезда’. Характерной чертой архангельской

астронимии является оригинальная разработка северных образов лося и кичиги, связанных с Большой Медведицей, ср. *Лосева Кичига, Остяцкий Лось, Лось Проходной, Лосевые звезды, Лосиная Голова, Лосиные Рога, Лосиный Хвост, Лосиха, Олень, Оленёк, Шолоничная Кичига*. Наличие большого количества астронимов, их вариативность, изобилие оригинальных названий свидетельствует о гораздо более активном развитии астронимии в Архангельской области, что обусловлено более тесным взаимодействием с прибалтийско-финскими и саамским языками, а также большим, чем в Вологодской области, развитием охотничьего промысла, требующего ориентации во времени и пространстве в ночное время. В вологодских астронимах ощущается большее внимание к собственно сельскохозяйственной тематике, отсюда появление образов, связанных с уборкой урожая, льноводством, огородными культурами.

Специфический колорит территориально закрепленных астронимиконов на территории России – проблема, решение которой упирается в неполноту астронимического материала. Можно надеяться, что сбор астронимии на местах позволит составить четкое представление о своеобразии вологодской астронимии.

Принятые сокращения

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–35. СПб., 1965–2001.

Бел. – Белозерский район

В-Уст. – Великоустюгский район

Гряз. – Грязовецкий район

К-Г – Кичменгско-Городецкий район

Кир. – Кирилловский район

М-Реч. – Междуреченский район

Ник. – Никольский район

Устюж. – Устюженский район

Чаг. – Чагодощенский район

ИСТОРИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

Е. П. Андреева (Вологда)

ГЛАГОЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В СОСТАВЕ ПРОМЫСЛОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СТАРОРУССКОГО ЯЗЫКА

Специальная лексика старорусского языка представляет большой интерес для исследования. Материалы деловой письменности Северной Руси XV–XVII вв. позволяют судить о высоком уровне материальной культуры русского народа в средние века, ее самобытности. Неслучайно в последние десятилетия возникает целый круг работ, посвященных проблеме формирования промысловой лексики указанного периода (так описана лексика соляного дела, рыбного и охотничьего промыслов, железного дела, метрологическая и строительная терминологии, лексика иконописи и художественного шитья). Готовится к печати «Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» (ред. проф. Ю.И.Чайкина). Материалы этого словаря позволяют судить об общих и отличительных чертах терминологических систем, сложившихся в среднерусский период, показать специфику промысловой лексики как особой функциональной разновидности старорусского языка.

Между тем следует отметить, что наименования трудовых процессов в старорусском языке изучены явно недостаточно, в исследованиях, посвященных истории того или иного промысла, ремесла, большее внимание, как правило, уделяется предметной лексике. Возможно, это объясняется тем, что в плане генетическом первенство в языке принадлежит имени. Как следствие этого в количественном отношении роль глаголов в старорусской терминологии «скромнее» в сравнении с предметной лексикой. Это подтверждают и данные «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.»: в первом выпуске указанного словаря глаголы составляют около 12 % (заметим при этом, что в силу жанровой специфики в его составе представлены только имена существительные и глаголы; имена прилагательные рассматриваются в составе терминосоочетаний). Цель данной статьи – пока-

зять роль глагола в формировании и развитии терминологической системы старорусского языка.

Будучи предикативным словом, глагол противопоставлен имени в семантическом и в грамматическом плане. Глаголы в составе терминосистемы имеют ряд специфических черт. Как известно, по признаку семантически обусловленной способности сочетаться с разным количеством актантов глаголы делятся на одновалентные, двухвалентные, трехвалентные. Опишем семантическую валентность отдельных глаголов, функционирующих в составе специальной лексики. Глаголы-термины в старорусском языке, как правило, обозначают такое действие, которое предполагает указание не только на его субъект (в функции подлежащего или прямого дополнения – агенса пассивного глагола), но и объект: *делал кожевник 3 кожи, класти им верши, иконной мастер писал 12 образов, плотники ... взяли и покрыли 2 кѣльи брацкие*. При глаголе, обозначающем ту или иную трудовую операцию, в роли семантического актанта могут выступать и существительные, указывающие на способ действия: *А Прошка дѣлалъ дубленью 8 кож морских лысанных*. Кн. прих.-расх. мон. казнач. Арх. Он. 1661 г. – КДРС. При описании производственного процесса важное место отводится и семантическим сирконстантам, указывающим цель, место и время действия. Например: *Противосохи прорубить окно близъ потолку для сушения векошных бечев или в морозы для таенья*. Росп. труб. д. 191. *На воротѣхъ башня рублена о четырехъ углах*. Кн. сотн. УВ 1630 – МИГУВ, 1. *Потолок намоститъ на двухъ матицах по два бревна*. Порядн. Хавр. в. 1670 – САС III, 419. Таким образом, в составе терминологической лексики преобладают двухвалентные и трехвалентные глаголы, которые всесторонне характеризуют действие: *Кузнец Яков Мартынов оковывал тѣ колеса кругом желѣзомъ*. Кн. прих.-расх. Вол. арх. д. 1676 – АВОКМ, ф. 1, оп. 2, № 20, л. 34 об. *На вешней ловле на Беле озере ловили рыбу белозерцы посацкие люди охочие ловцы кереводы и бродники и переметы*. Ез. кн. К-Бел. м. 1585, л. 1609 об.–1610.

Изучение синтагматических особенностей глаголов-терминов позволяет наиболее полно описать их семантику. По мнению А.А. Уфимцевой, «значение глагольных лексем раскрывается прежде всего в имплицитных синтагмах, детерминированных категориальной семантикой сочетающихся глагольных и именных

лексем, благодаря чему последние выступают членами потенциальных синтагм», а соотносённость глагольных лексем с предметным рядом «манифестируется в моделях субъектно-объектной локализации глагольного действия» [1: 117]. Можно выделить наиболее типичные минимальные модели, в которых реализуется значение терминологических глаголов: действие – объект (*поставить церковь, скласть печь, левкасить иконы, сварить веретно мелничное*), агент – действие (*корабельным вожам водити, охочим ловцам ловити*), действие – орудие действия (*сѣтми заметывать, ловити тагасами*), действие – материал (*намостить брусем, покрыть желобами, выкладывати каменемъ, волочено кожею, шито мелким жемчугом*), действие – образ и способ действия (*забрать в столбы, набивать гнездами, вытесать гребнем, тесать в вершек*), действие – цель (*вырубить на церковное строение, вынимати на шатер, на лодью высекли*) и т.п.

Наблюдения над употреблением терминологических глаголов в памятниках деловой письменности (рописях, указах, наставлениях, порядных, монастырских книгах и т.п.) показывают, что прежде всего важно было обозначить объект действия, а не субъект. Так в отмеченных текстах часто используются неопределённо-личные и инфинитивные предложения, в синтаксических конструкциях такого типа важно указание на само действие, а не на его субъект: *Сараи здымали и мостили и мост на сараи носили*. Кн. расх. Ант. 1583, 151 об. *Июля въ · КГ· день дѣлали заднюю трубу волочили трубки вон да и в трубу садили и пересаживали четьрежды*. Кн. уч. Сп.-Прил. м. 1606 – ДПРС I, 40. *А нарвы в стены впускали в колоколне изнутри з другого мосту*. Порядн. Верхов. в. 1643 – САС III, 418. При этом глаголы, входящие в состав специальной лексики, как правило, являются переходными (*брати камень, бродити заборъ, садити смолье, выварити соль, пришивати набои* и т.п.). Непереходные глаголы, обозначающие действие, не направленное на прямой объект, встречаются достаточно редко: например, глагол *ватаманити* 'исполнять обязанности ватамана, старшины рыболовецкой артели'. *Взяли у Микитки у Ладыги на сына гривну Варсоноф(ь)ева долгу в Неноксе ватаманил*. Кн. пр. Ник.-Кор. м., 1571 г. № 939, 5 об. – КДРС.

При характеристике синтагматических связей глаголов важно учитывать, по мнению О.Н. Чарыковой, и количественный критерий, т.е. количество и характер лексико-семантических групп существительных, способных вступать в сочетания с глагольным

словом [2: 76]. Выделяется ряд глаголов, сочетающихся с существительными нескольких тематических и лексико-семантических групп. Например, глагол *варити*, имеющий базовую семантику 'изготавливать что-либо способом нагревания до высокой температуры', употребляется с существительными следующих ЛСГ: 1) названия металлов (*варити железо* 'выплавлять железо из руды'), 2) напитков (*варити пиво* 'приготавливать пиво из солода путем нагревания'), 3) пищевых приправ (*варити соль* 'выпаривать соль из соляного раствора'), 4) химических веществ (*варити ямчуги* 'изготавливать селитру'). Следует отметить, что такие терминологические глаголы обычно относятся к древнему пласту лексики, специальное значение у них возникает благодаря переосмыслению семантики общеупотребительного слова.

Другие глаголы сочетаются с существительными одной ЛСГ. Например, глаголы *доплавити*, *допровадити* 'довести до определенного места' употребляются с существительными, обозначающими суда (*дощаник*, *лодья*), глаголы *неводити*, *высачити* 'ловить (выловить) при помощи рыболовного орудия' управляют существительными – названиями рыб. Глаголы этой группы обозначают конкретное действие и, как правило, возникают в качестве специальных слов в более поздний период формирования терминосистем.

Глаголы первой группы, с полигрупповой сочетаемостью, обычно являются многозначными, способны выражать как обобщенное действие, так и конкретное. Рассмотрим структуру лексического значения глагола *делати*, учитывая те лексико-семантические варианты слова, которые характерны для специального употребления. Данный глагол имеет обобщенную семантику: в памятниках деловой письменности лексема употребляется в основном значении 'трудиться, работать' (*Дѣлал члвек около лодьи два дни*. Кн. Унск. ус. Ник.-Кор. м. 1609 – ГААО, ф. 191, оп. 1, т. 1, д. 39, л. 25) и производном от него 'изготавливать, создавать что-либо' (*Живеть дворомъ своимъ око(н)чины дѣлаеть*. Вед. Сп.-Прил. м. 1703 – ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 75, л. 2–2 об. *А неводъ дѣлайте тотчасъ, не откладывать бы вдаль*. Пам. 1668–1679 – АЮБ II, 705. *Дѣлал из старые мѣди горшек мѣднои да два котлика*. Кн. Унск. ус. Ник.-Кор. м. 1617 – ГААО, ф. 191, оп. 1, т. 1, д. 77, л. 26 об.). Второе значение глагола реализуется в сочетаниях с прямым дополнением, обозначающим объект действия, продукт труда. При этом указанный глагол употребляется в различных терминологических системах, является полифункциональным

термином. Более узкое, видовое значение этот глагол приобретает в составе терминологических сочетаний: например, в кожевенном промысле употребляются составные термины *делати кожи дубленью*, *делати дубом* 'дубить кожу'; *делати кожу на сыромяти*, *делати сыромяти* 'обрабатывать кожу, вымачивая и затем отбивая и разминая ее'; *делати овчину* 'выделывать овечьи шкуры'; в мельничном промысле используется сочетание *делати крупу* 'молоть, измельчать', в лесном деле *делати лесъ* 'вырубать'. Словарь русского языка XI–XVII вв. отмечает у данного глагола в старорусском языке помимо указанных еще два отвлеченных значения: 'поступать, действовать', и 'с сущ. образует сочет. по знач. сущ.' (Сл РЯ XI–XVI., IV: 204–205).

К глаголам с полигрупповой сочетаемостью следует отнести и лексему *творити*, активно употреблявшуюся в отличие от нейтрального глагола *делати* в текстах книжно-славянской традиции. Сопоставление этих глаголов крайне интересно, но рамки статьи заставляют ограничиться отдельными наблюдениями. Общеславянский по происхождению глагол *творити* является многозначным, образует большое количество устойчивых сочетаний. Судя по данным КДРС, одно из самых частотных значений глагола *творити* в древнерусском языке 'делать, совершать' реализуется прежде всего в сочетаниях с отвлеченными существительными: *Аште хочеша бес труда добро творити то поминай яко трудъ мало годѣнь естъ а мѣзда вѣчная*. Изб. Св. 1076 г., 76 – КДРС. Книжно-архаичное слово *творити* с обобщенным значением 'совершать, осуществлять' широко представлено в церковно-религиозной литературе, летописных текстах, глагол при этом нередко употребляется с отглагольными существительными: *В памяти Никонъ пишетъ: ...не подобаетъ во церкви метанія творити на колѣну, но в поясъ бы намъ творити поклоны*. Авв. ж., 15 – КДРС. *А потомъ многие обратились плавание творить*. Косм. 1620 г., 411 – КДРС. В рамках церковной традиции глагол *творити* используется и в значении 'произносить слова (молитвы, заклинания)', 'исполнять обряд': *Егда молитву твориши умъ си къ богу возведи*. Изб. Св. 1076 г., 66 – КДРС. *Указ еже памят творити по умршихъ Мѣ дней*. Син. Н.П. м., л. 1, 1552 г. – КДРС. Между тем в летописях встречается употребление слова и в сочетаниях с конкретными существительными в значении 'изготавливать, создавать что-либо': *И естъ дрѣво ковчега на горахъ Араатскихъ между Парфы и Армены и до нынѣ оттоль начаша корабли творити и по морю плавати*. Рог. лет. XV в., 6 – КДРС.

Наконец, в XVII в. данный глагол фиксируется в руководствах, актах деловой письменности в специальном значении 'приготавливать напиток путем брожения' (*вино творити*), а также 'приготавливать, размешивая, разминая, растирая что-либо в чем-либо жидком' (*олово творити, медь творити, золото творити, известь творити*). *Вино творять с финиковыхъ ягодъ или съ ячменю, или с пшена сорочинского устр�иваютъ*. Косм. 1620 г. – КДРС. У правого столпа образъ пресвятыя и живоначалныя троицы писанъ на краскахъ с твореным золотомъ. Оп. Тр.-Глед. м. 1755 – ГАВО, ф. 693, оп. 1, № 1663, л. 4. *Известнымъ творильщикомъ, которые у каменного дѣла на урокъ потворилно известь творили, во все лѣто въ расходъ вышло 47 рублейъ 14 алтынъ 4 денги*. Акты о строении Арх. 1674 – ДАИ VI, 142. Выражение *творень квасъ* 'заквашенный напиток' встречается и в старославянском языке [4: 283], что свидетельствует о древности отмеченного значения.

Глаголы второй группы, с моногрупповой сочетаемостью, являются, как правило, однозначными, обозначают конкретное действие, функционируют в составе одной терминосистемы. Например, глагол *дубити* так же, как и отмеченные сочетания *делати дубленьем (дубом)*, выражает значение 'выделывать кожи, обрабатывая их дублением', используется в терминологии кожевенно-го промысла.

Анализ синтагматики терминологических глаголов крайне важен и потому, что позволяет судить о том, как протекал процесс специализации значения в начальный период формирования терминосистем. Как отмечает ряд исследователей, начальный этап создания терминологических систем предполагает использование общеупотребительных слов в специальном значении. Действительно, специализация общеупотребительной глагольной лексики происходит, как свидетельствуют тексты порядных, наставлений, ремесленных, мастерских книг, в контексте за счет синтагматических связей. Начальным этапом терминологизации лексического значения можно считать возникновение составных наименований (далее СН). Например, глагол *бити* в интересующий нас период имеет основное значение 'ударять, колотить', в составе СН *бити молотом, бити железо* формируется значение 'ковать' (кузн.); второе значение 'убивать' конкретизируется в СН *бити зверя, бити бобры* (охотн.) 'охотиться'; третье значение 'разбивать, раздроблять' актуализируется в сочетаниях *бити соль* (солев.) 'раздробляя, наполнять солью какие-либо емкости',

бити слюду (слюд.) 'отбивать породу'; четвертое значение 'вбивать, забивать' реализуется в СН *бити сваи* (строит.) 'забивать сваи в землю'; *бити курму* (рыбол.) 'устанавливать рыболовецкий снаряд, курму'; пятое значение 'изготавливать что-либо, сбивая, ударяя' развивается в СН *бити шерсть* (шерст.) 'сбивать, скатывать шерсть в войлок, сукно'; наконец, шестое значение 'сооружать, строить, сколачивая, соединяя' обуславливает употребление терминологических сочетаний *бити езъ, коль* (рыбол.) 'сооружать рыболовное орудие запорной системы, ез, кол', *бити печь* (печн.) 'сооружать глинобитную печь.' Аналогично шло развитие значений у глаголов *рубити, ловити* и др.

Следующий этап развития терминосистемы предполагает возникновение узко специальных терминов за счет словообразовательных средств русского языка. Так, памятники XVII в. фиксируют глаголы *паяти, запаивати* 'соединять что-либо паянием' (*Вологжанин посадкой человѣкъ Василѣй Беличев паял какъ ставили на соборную церковь новой крестъ и на главѣ у креста верхъ онъ же Василий все запаивал.* Гр. Вол. 1664 – САСК (С), 86); *жаравити* 'приподнимать с помощью рычагов' (*Лодью жаравили дал о(т) жаравления ... алтын.* Кн. Унск. ус. Ник.-Кор. м. 1609 – ГААО, ф. 191, оп. 1, т. 1, д. 39, л. 30 об.); *золотити* 'покрывать золотом' (*Серебряникъ Нехорошеи окладывал серебром и золотил 3 образа пяденицы.* Кн. пр.-расх. К.-Бел. м. 1609 – Ник., ОССCLXXXIII.) и т.п.

Не менее важным представляется анализ парадигматических отношений, в которые вступают глаголы при функционировании терминосистемы. Любая терминологическая система строится по принципу строгой иерархии, что обуславливает роль родовидовых отношений. Между тем для глагольной лексики этот вид связей, на наш взгляд, является недостаточно развитым. Несмотря на то, что выделяются глаголы, обозначающие разную степень обобщенности действия (ср. *делати – ковати, шити, воздвигати*), трудно выстроить обширные гиперо-гипонимические корреляции, например: *ловити* 'добывать рыбу, используя специальные приспособления, орудия лова' – *лучити* 'ловить рыбу ночью, освещая воду огнем, который раскладывался в специальной жаровне', *неводити* 'ловить рыбу неводом', *сачити* 'ловить рыбу, используя сак'. Чаще для обозначения конкретного действия использовались сочетания глагола с существительным: *ловити – ловити заборомъ, ловити острогой, ловити переметомъ, ловити поездомъ, ловити съ лучемъ; низати* 'вышивать нанизан-

ным на нить жемчугом или драгоценными камнями' – *низать насыпью, низать рѣткимъ низаниемъ, низать мѣлкимъ узором, низать арефетью, низать в клѣтки, низать клѣтки, низать в решетку, низать в шахмат, низать крушками, низать с городочки.*

Достаточно широко в старорусском языке представлена вариантность глаголов, называющих производственные процессы, прежде всего, следует отметить лексемы, различающиеся на фонетическом или морфологическом уровнях: *выгруживати – выгрузивати* 'разгружать, освобождать от груза', *вздымати – здымати, взнимати – знимати* 'поднимать'. Сложнее решается вопрос о лексических вариантах. Следует принять во внимание признаки лексических вариантов, предложенные Л.П. Жуковской применительно к древним текстам: «Лексическими вариантами в древних памятниках называем два и более слов, тождественных или близких по значению и потому взаимно заменявшихся в разных славянских списках одного и того же памятника в параллельных местах текста». [4: 89]. С учетом предложенных критериев вариантами на лексическом уровне можно считать глаголы: *внизати – вынизати – высадити* 'вышить жемчугом'; *вздымати – взнимати* 'поднимать'.

Наблюдение над глагольной лексикой позволяет выделить и семантически противоположные слова. Обычно глаголы представляют собой векторные антонимы, слова, обозначающие разнонаправленные действия: *вызняти* 'поднять' – *впустити* 'опустить', *нагружати* 'заполнять грузом, нагружать' – *разгружати* 'освобождать от груза, разгружать'.

Характерные особенности глагольной парадигматики (недостаточно развитые гиперо-гипонимические отношения, разветвленная вариативность) обусловлены тем, что глагольная терминологическая лексика развивается позже, чем предметная, а следовательно, отличается большей неупорядоченностью.

Анализ деривационных отношений глагольной и предметной лексики приводит к определенным выводам. Во-первых, постепенно расширяется круг глагольной лексики. Это связано с тем, что, как было отмечено, на определенном этапе развития терминосистемы образуются узко специальные термины, обозначающие конкретные трудовые процессы. Мотивирующим словом при этом выступает имя. Например, памятники деловой письменности XVI–XVII вв. фиксируют глаголы *аксамитити* (шитье) 'вышивать, имитируя аксамит', *бутити* (строит.) 'измельчать камень, известь,

готовить бут', *зубити* (кузн.) 'делать зубья, зубцы', *набоити* (судостр.) 'набивать доски, набои, на борта судна с целью увеличения высоты бортов'.

В указанный период складываются продуктивные модели, а именно:

'название продукта труда' → 'название действия': *бут* → *бутити*;

'название орудия труда' → 'название действия': *багор* → *багрити*; *сакъ* → *сачити*;

'название подручного материала' → 'название действия': *мох* → *мшити*; *олифа* → *олифити*, *гвоздь* → *гвоздити*.

'название лица' → 'название действия': *ватаманъ* → *ватаманити*.

Отмеченные общие модели могут получать в терминосистеме того или иного промысла частные реализации. Например, лексика художественного шитья включает глаголы *аксамитити* 'вышивать, имитируя аксамит, ткань с золотыми и серебряными нитями в основе' (от *аксамит*), *бархатити* 'вышивать, имитируя бархат, шелковую ткань с густым коротким ворсом на лицевой стороне' (от *бархат*), *заотлашивати* 'вышивать, имитируя атлас, гладкую шелковую ткань' (от *отласъ*): *Стихарь... оплечие цито травы з золотом и аксамичено по бархату таусинному*. Кн. отп. Горицк. м. 1661 – ГАВО, ф. 883, оп. 1, д. 34, л. 28 об. *Индитья по черчатой земль крсть нашить бархаченой*. Оп. им. Сп.-Прил. м. 1655 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, д. 47, л. 18. *Плащаница... шито золотом и серебромъ заотлашивано шелкомъ лазоревым*. Оп. им. Ник.-Оз. м. 1701 – ГАВО, ф. 496, оп. 1, д. 10, л. 58. Таким образом, название ткани мотивирует значение глаголов 'вышивать, имитируя определенную ткань'.

Во-вторых, наблюдается обратный процесс: в составе терминологических систем различных промыслов и ремесел возникают новые обозначения орудий труда, профессий, при этом имя мотивируется глаголом. Можно говорить о том, что в XVI–XVII вв. глаголы обладают высокими терминообразующими способностями. В составе различных терминосистем широко представлены отглагольные существительные со значением отвлеченного действия: например, *вертка* и *верченье*, *рубка* и *рубление*, *сечка* и *сечение*, *взделка*, *расковка*, *вздымъ*, *раскладъ* и т.д.; наименования лиц, выполняющих определенные трудовые операции: *рознимальникъ*, *варецъ*, в их числе сложные существительные: *водолей*, *водолазь*, *жерноковъ*, *росололивъ* и др.

В результате глаголы нередко выступают в качестве вершины терминологического словообразовательного гнезда. Приведем фрагменты такого гнезда:

<i>варити</i> →	<i>варение</i>	
	<i>варец</i>	
	<i>варница</i> →	<i>варничный</i> (варничный двор, варничный промысел, варничная снасть и пр.)
	<i>варя</i> (варя квасная, варя соляная)	
	<i>вар</i> →	<i>варовый</i> (бечева варовая, котел варовой)
	<i>варчий</i> (варчая снасть)	
	<i>сварити</i> →	<i>сваривати</i>
		<i>сварка</i>
		<i>свар</i> и т. д.

В ходе развития терминосистемы старорусского языка возникла потребность в детализации специальных понятий. Первоначально это достигалось с помощью фразовой номинации. При обозначении, например, вспомогательных орудий труда требовалось указать их назначение, с этой целью обычно использовались глаголы, описывающие производственный процесс. *10 творил, въ чемъ кирпичи дѣлать*. Заб. Мат., 924 – КДРС. *Три берда ветхих в чем сукна і холсты ткут*. Кн. отводн. 1688, Арх. Он., № 407, л. 7 – КДРС. *Делали двѣ лодеики что муку возят*. Кн. расх. Кир. м. № 381, 8. 1606 г. – КДРС. *Трубки бѣлого желѣза во что свѣчи салние льют*. Арх. Он. № 405, л. 4, 1688 – КДРС. Употребление обычного определения не всегда позволяло так точно описать предмет, ср.: *От трех трубок салних дал от дѣла 4 де*. Кн. прих.-расх. Ант.-Сийск. м. 1589, № 1, л. 235 – КДРС.

Для обозначения конкретного действия, его определенной фазы использовались приставочные глаголы. Объем статьи не позволяет показать все префиксальные образования, обозначающие различные производственные операции. Ограничимся отдельными примерами: *рубити* → *врубити*, *дорубити*, *зарубити* (строит.), *ковати* → *выковати*, *заковати*, *сковати* (кузн.), *шити* – *вышити*, *сшити*, *розшити*, *вшити*, *нашити* (порт., шитье) и т.д.

В старорусском языке складывались модели терминосочетаний с главным словом глаголом. Высокой частотностью в языке деловой письменности XVI–XVII в. обладают тавтологические СН, в которых наблюдается как бы избыточное обозначение действия: *засовати засов*, *заколити закол*, *забирати забор*, *замостити мост*, *изгородити изгородь*, *тес тесати*.

Как видим, идет постепенное расширение роли глагольной лексики в составе старорусских терминосистем, тематический аспект исследования свидетельствует об ее семантическом богатстве. Опираясь на классификацию глагольных лексем, предложенную в «Толковом словаре русских глаголов», выделим некоторые, наиболее многочисленные группы: глаголы физического воздействия на объект, среди них глаголы давления (*мяти, терети, растирати*), изменения положения (*гнутьи, здымати, плавити*), очищения и удаления объекта (*тесати*), глаголы обработки (*дубити, ковати, стругати, точити*), глаголы пропитывания (*изолифити, высмаливати*), глаголы соединения (*шити, вязати, сплотити*); глаголы созидательной деятельности, в частности, глаголы создания объекта в результате физического труда (*воздвигнути, выделявати, бити*) [5].

Проведенное исследование позволяет утверждать, что в ходе развития старорусской терминологии роль глагольной лексики постепенно возрастала. Для начального периода формирования терминосистем характерен синкретизм, нерасчлененность понятий, составляющих сигнификат глагольных лексем, известная неупорядоченность парадигматических отношений. С течением времени наблюдаются изменения в системе понятий, конкретизируются трудовые процессы, детализируются трудовые операции, что является стимулом для дальнейшего развития терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. – М.: Наука, 1974.
2. Чарыкова О.Н. Роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте. – Воронеж, 2000.
3. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М., 1994.
4. Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.
5. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. Л.Г. Бабенко. – М., 1999.

**НАЗВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОПЕРАЦИЙ, СВЯЗАННЫХ
С ИЗГОТОВЛЕНИЕМ, РЕМОНТОМ СУДНА И СУДОВОЖДЕНИЕМ
(на материале деловой письменности Русского Севера
XV–XVII веков)**

Изучение лексики судового дела, представленной в памятниках деловой письменности Русского Севера XV–XVII вв., свидетельствует о том, что на территории Русского Севера сложилась разветвленная терминологическая система судостроения и судовождения: наименования судов, их частей и деталей, наименования оснастки, профессий и трудовых операций. Если названия, образующие первые из перечисленных лексические множества, были изучены многими авторами [Андреева 1985; Баракова 1995; Богородский 1962, 1964, 1979, 1983; Панин 1985; Филин 1972 и др.], то наименования трудовых операций, связанных с изготовлением, ремонтом судна и судовождением, не анализировались вовсе. И это не случайно.

В терминообразовании ведущее место занимает имя существительное. Именно термины, выраженные именами существительными, образуют основную, центральную часть любой терминологии (сюда включаются и составные наименования, поскольку в них входят имена существительные). Как отметила в своей работе В.Н. Прохорова, «категория имени существительного по своим грамматическим и семантическим свойствам контрастирует с категорией глагола. ...Категория имени существительного, наименее многозначная, наиболее соответствует однозначности термина». По мнению ученого, важны также такие качества существительного, как номинативность, способность опредмечивать явления, действия, признаки, выражать постоянство признака [Прохорова 1958: 263]. Категория глагола, наоборот, в силу многих своих свойств, прежде всего семантической емкости, меньше всего отвечает признакам термина. Несмотря на это, нельзя говорить о том, что глагол вовсе исключается из процесса терминообразования. Он способен при определенных условиях развивать терминологическое значение, занимая в этом случае место на периферии терминологической системы. По мнению Н.А. Щегловой, основным таким условием развития в глаголе терминологического значения является его «соединение» с каким-нибудь существительным [Щеглова 1964: 53–54]. Наиболее характерен этот процесс для начального периода формирования любой термино-

логии. Многими исследователями специальной лексики было отмечено, что старорусские терминологии включают большое количество глаголов, которые выражают профессиональные действия, выполняют функции терминов [Сороколетов 1970: 346; Щеглова 1964: 50]. Терминология судового дела Русского Севера XV–XVII вв. не является исключением. В ее составе глаголы обозначают действия, связанные:

- 1) с обработкой дерева (*высѣчь, вытесать, отесать* и др.);
- 2) с изготовлением и ремонтом судна (*намоститъ, покрывать, конопатить, смолить* и др.);
- 3) с судовождением (*ходить, плавить, проводить, вздывать, спущать* и др.).

Подавляющее число глагольных наименований (32) относится к переходным, что связано со спецификой самих трудовых операций (направленность действия на изготовление или обработку тех или иных предметов – судов, частей, деталей судна, перемещение судов, грузов по воде и т.д.). Лишь семь глаголов (*ходить, идти, прийти, плыть, приплыть, приставать*), являющиеся наименованиями процесса перемещения, движения по воде, а также постфиксальные образования *павозиться* и *выкластись* (*выкладываться*) являются непереходными.

Значительная часть проанализированных глаголов тесно связана либо с терминологиями родственных, смежных промыслов (*вытесать, покрывать, набить, смолить* и др.), либо с общеупотребительной лексикой (*валить, идти, проводить, выгрузить* и др.), однако выделяются также глаголы, которые образовались в самой терминологии судового дела, т.е. генуинные (термин О.Н. Трубачева): *набоить, скобить, спичить, жаравить, отчаливать, павозить, павозиться, коротать*. Именно они представляют наибольший интерес, поскольку наличие их в судовой терминологии Русского Севера XV–XVII вв. позволяет подтвердить вывод о древности лексики судового дела и о высоком уровне ее развития [Борисова 2000: 217, 219, 221]. Проследим историю генуинных терминов-глаголов.

Генуинный термин *набоить* в материалах деловой письменности Русского Севера XV–XVII вв. представлен единственным примером: *Набоил* лотку, дал пят<ь> алтын от дѣла (Кн. расх. Корел. м. № 935, 32 об. 1559 г. – СлРЯ XI–XVII вв., X: 20). Термин *набоить* отличается соответствием обозначаемому понятию, а также точностью значения – ‘набивать доски на борта лодки с целью увеличения высоты бортов’ [Там же]. В словообразовательном отношении он

связан с древнерус. сущ. *набой* 'доска, прибиваемая на борт мелких судов для увеличения высоты борта' [Срезн., II: 266; Кочин: 200; СлРЯ XI–XVII вв., X: 20], 'доски, пришиваемые к борту карбасов и других судов для повышения мореходных качеств; у палубных судов – дополнительные пояса досок, нашиваемые на фаль и борт' [СРМС: 359]. Предполагаем, что термин *набоить* является севернорусским наименованием (единственный пример в КДРС), что подтверждается употреблением его в дальнейшем в указанном значении в пинежских архангельских говорах [СРНГ, XIX: 123].

Только в документах Русского Севера (Холмогоры) выявлен термин *скобить* 'скреплять скобой, скобами (обычно при обшивке судна)' [СлРЯ XI–XVII вв., XXIV: 215]: Того же дни дощаничекъ о съчанъкъ *скобити* и конопатити нанято дано шесть денег (Кн. прих.-расх. Холмог. сл. Ант.-Сийск. м. 1657 г. – РГАДА, ф. 1196, оп. 3, № 46, л. 18); И тѣ оба дощаника онѣ *скобил*, и на одномъ дощанике ис тѣх покрывал онѣ на носу палубы (Кн. прих.-расх. Холмог. арх. д. № 103, 62. 1687 г. – Сл XI–XVII вв., XXIV, 215). Значение 'скрепить, связать скобой, скобами' он сохранил и в XIX в. [Д, IV: 200]. Является суффиксальным образованием от им. сущ. *скоба* 'изогнутая под углом железная полоса или проволока, служащая для скрепления каких-либо частей' [Мангаз., 460]*. Полагаем, что оно возникло сразу с терминологи-

* По данным СлРЯ XI–XVII вв., в среднерусский период слово *скоба* употреблялось в значении 'изогнутая металлическая полоса, вбиваемая острыми концами во что-л. и служащая для крепления, прикрепления чего-л., для опоры при подъеме и т. п. // *скоба*, используемая для обшивки снаружи проконопаченных пазов речных судов, лодок и т. п.' [СлРЯ XI–XVII, XXIV: 213]: Ковал 30 *скоб* на лодью (Кн. расх. Тот. пр. 1598 г. – ВХК (I), с. 225, л. 6 об.); Куплено *скоб* к мелничному дощанику на починку на полтретья алтына (Кн. Унск. ус. Ник.-Кор. м. 1617 г. – ГААО, ф. 191, оп. 1, т. 1, д. 77, л. 25 об.).

Образованные на базе данного слова СН *скоба судовая*, *скоба конопатная* служили наименованиями разновидностей *скоб* по назначению [СлРЯ XI–XVII, XXIV: 213]. *Скоба судовая* – 'скоба, используемая для скрепления деталей обшивки (по размеру больше скобы конопатной)', *скоба конопатная* – 'скоба, используемая для обшивки снаружи проконопаченных пазов речных судов': Купил пол 3000 *скоб судовых* да 140 гвоздей тесовых, дал 13 алтын (Кн. расх. К.-Бел. м. 1567–58 гг. – Ник., OLXXXVI, л. 21); ... по записѣ передѣ теми судьями въ недоудѣлке въ пятистахъ *скобахъ* въ *конопатныхъ* да въ пяти *скобахъ судовыхъ* а широта четверть аршина (Явка кузнеца. 1627 г. – АХУ III, № 49, с. 52). Рассматриваемые СН отмечены в документах Мангазеи [Мангаз.: 460]. Синонимом СН *скоба конопатная* выступало СН *скоба пазовая*: За пятсотъ *скоб* лодейных *пазовыхъ* рубль (Арх. волог. дух. консистории 1664 г. – САСК (С), 80). В некоторых случаях атрибутивная часть подобных СН могла служить указанием на размер предмета, например: Иван Барсуков купил на Белѣозере 3000 *скоб судовых малых*, денег дал 33 алтына ... (Кн. расх. К.-Бел. м. 1605–06 гг. – Ник., CLXIX, л. 30 об.).

ческим значением (является гетуинным термином), обладает четкостью значения и семантической однозначностью.

По всей видимости, судовой термин *спичить* в среднерусский период бытовало тоже только на Русском Севере: Да лодью мастера пружили с валу и *спичили* и конопатили, и смолили, итого дано 3 руб. 20 алт. 2 ден. (Кн. прих.-расх. Унск. пр. 1597–1600 гг. – ВХК (I), 191). К сожалению, контекст не позволяет с достоверностью установить его значение, можно лишь предположить, что *спичить* – ‘чистить с помощью спиц пазы обшивки судна перед конопачением’ (Ср.: В деревяномъ анбаре желъзные снасти *спиц желъзныхъ чем люди чистять* шестьдесят пять (Солов. м. 1679 г. – РГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 591, л. 8 об.); Вновь же отведено якор неболшей четырнатцат спиць лодейных (Солов. м. 1698 г. – РГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 404, л. 7). Только в словаре А.Г. Преображенского рядом со словом *спица* отмечено наименование *спичить* ‘колоть, шпорить’ [Преобр.: 846].

Глагольный термин *жаравить* (*выжаравить*) в лексике судового дела Русского Севера употреблялся со значением ‘приподнимать судно с помощью рычагов’: Лодью *жаравили* о(т) жаравления: ѳ алтын (Кн. Унск. Ус. Ник.-Кор. м. 1609 г. – ГААО, ф. 191, оп. 1, т. 1, д. 39, л. 30 об.); Лодя корелка стоит в устье *выжаровлена* на бревнах (Кн. отводн. Ник.-Кор. м. 1652 г. – ГААО, ф. 191, оп. 1, № 418, л. 7). В лексикографической литературе не обнаружено указаний на употребление этого термина в старорусском языке. По данным словарей XIX в., он активно использовался в данный период уже с несколько иным значением: *жаравить* – ‘подводить под фундамент дома, при поднятии его, новые бревна вместо подгнивших’ (Подвыс., 43), *выжаравливать*, *выжаравить/что* – ‘сев.-вост. вздывать перевесом, журавом, рычагом; выздыбать; приподымать в постройке ту часть, которая опустилась, выравнивать подъемом’ и. т. д. [Д, I: 288]. В своем образовании лексема *жаравить* связана со словом *жеравецъ*, *жаравецъ* ‘приспособление для поднятия моста’, ‘приспособление для поднятия воды из колодца (колодезный журавль)’ [СлРЯ XI–XVII, V: 90]. По данным СРГК, в современный период данное слово сохранилось в говорах Мурманской области в форме *жаровить* ‘заменять нижние подгнившие венцы в основании деревянного дома’ [СРГК, II: 39]. С этим же значением слово *жаравить* известно архангельским говорам, а со значением ‘поднимать рычагом’ (в разных формах) приведено с пометами *Тотем. Волог., Север., Сев.-Вост., Верховаж. Волог., Свердл.* [СРНГ, IX: 72].

Выявленный в наших материалах судовой термин *отчаливать* использовался, полагаем, со значением 'отвязывать причальный канат': Дал Григорью Метлину 6 алт. 4 ден. павозок *отчаливал* (Кн. прих.-расх. Холмог. торго. 1594 г. – ВХК (I), 129). В лексикографической литературе он не выявлен. В деривационном отношении форма совершенного вида *отчалить* связана с глаголом *чалить* 'вязать; связывать, привязывать, закреплять' [Д, IV: 581]: К заметной лодье пошлю артел<ь> людеи, чтоб околот<ь> да *чалит<ь>* к острову (Грамотки, 207. 1698 г. – СлРЯ XI–XVII., V: 239).

В документах деловой письменности Русского Севера зафиксирован судовой генуинный термин *павозить* 'перевозить (груз) по мелководью в небольших вспомогательных судах' [СлРЯ XI–XVII, XIV: 113]: На два пути наймовал павозок, со л<ь> везли в первой пут<ь> и в середней, и из лод<ь>и *павозили*, дал 6 алтын (Кн. расх. Корел. м. № 943, 15 об. 1587 г. – Там же). С указанной семантикой он был отмечен (в форме *паузить*) в словарях XIX в. [Д, III: 5; Опыт, II: 50]. Отметим, что на Севере в XVII в. слово *павозить* употреблялось также в значении 'возить', т. е. входило в состав лексики извозного промысла. При этом указанное значение, на наш взгляд, является вторичным, что подтверждается более поздней фиксацией *павозить* 'возить' в памятниках Севера*. *Павозить* – суффиксальное образование от древнерусского существительного *павозокъ* 'род судна с мелкой осадкой, которое могло использоваться как вспомогательное, для разгрузки крупных судов на мелководье (на взморье – для связи с берегом), и как самостоятельное грузовое судно, что особенно касается паузов более крупного размера' [СлРЯ XI–XVII, XIV: 113].

Термин *павозиться* бытовал в значении 'перевозить свой груз, идти с грузом по мелководью в небольших вспомогательных судах' [СлРЯ XI–XVII, XIV: 113]: Вологжанин Агий Родионов Попов пришел из Архангельского города на дощанике с товарною кладью в Усть-Курью, работных людей было 30 ч. да носник и кормщик. Да *павозился* ис судна с товарною кладью в становье двумя павосками, наемных работных людей было 30 ч.; мерою дощаник 15 с. с четвертью (ТКУВ 1650–51 гг. – ТКМГ, II, 77); Да они же *павозилися* на Двине у Быковской мели павоском да на Сухоне дру-

* Ср.: За рѣчную павоску, что они дрова *павозили* из шалги к рѣки на мнстырских конех ... прибавлено по четыре денги члку на ндлю (Арх. Он. № 19, 123 об. 1658 г. – СлРЯ XI–XVII, XIV: 113).

гим же павоском *павозилися*, людей было нанято на павозки 26 ч. (ТКУВ 1650–56 гг. – ТКМГ, II, 233). В указанном значении он является общерусским [СлРЯ XI–XVII, XIV: 113]. *Павозиться* – постфиксальное образование от *павозить*.

Глагольное наименование *коротать*, по всей видимости, – севернорусское, отмеченное только в словарях А. Подвысоцкого и К. Бадигина. По мнению данных исследователей, *коротать* – ‘вытаскивать на припайный лед или ледяное поле, на коротуху’ [СРМС: 345; Подвыс.: 71]. В словаре А. Подвысоцкого отмечено, что *коротуха* – ‘замерзшая у берега часть моря’ (Подвыс., 345). Наш пример, однако, позволяет несколько уточнить значение. *Коротать* – ‘вытаскивать судно на припайный лед или берег’: Да лодью *коротали* на берег 23 алтына (Кн. расх. К.-Бел. м. 1606–07 гг. – Ник., ОСС, л. 6 об.). С тем же значением оно зафиксировано позднее в СРНГ, с пометой *Помор. Арх.*, но иллюстрация датирована 1885 годом [СРНГ, XIV: 368]. *Коротать*, полагаем, – генуинный термин.

В заключение отметим, что изучение судовых глагольных терминов наряду с другими терминами необходимо, поскольку позволит создать более полную картину становления и развития терминологии судового дела на Русском Севере в средневековье, кроме того, возможно, позволит дополнить наше представление о специфике термина в старорусском языке.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева 1985 – Андреева Е.П. Формирование промысловой терминологии в старорусском языке (рыболовецкая лексика Белозерья XV–XVII вв.): Дис. канд. филол. наук. Вологда, 1985.

Баракова 1995 – Баракова О.В. Таможенные книги как жанр деловой письменности русского языка XVII в. (на материале книг таможен Северного речного пути): Дис. канд. филол. наук. Вологда, 1995.

Богородский 1962 – Богородский Б.Л. О термине сопец, сапец – ‘руль’ // Псковские говоры. Вып. 1. Псков: Изд-во Псковского гос. Пединститута, 1962. С. 179–192.

Богородский 1964 – Богородский Б.Л. Русская судоходная терминология в историческом аспекте: Дис. докт. филол. наук. Л., 1964.

Богородский 1979 – Богородский Б.Л. О речном судовом термине барка // Псковские говоры. Л., 1979. С. 28–30.

Богородский 1983 – Богородский Б.Л. Лексика водников Северной Двины в Русско-английском словаре-дневнике Ричарда Джемса (1618–1619) // Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 3. Л., 1983. С. 40–47.

Борисова 2000 – *Борисова О.В.* Терминология судебного дела на Русском Севере (на материале деловой письменности XV–XVII веков): Дис. канд. филол. наук. Вологда, 2000.

Д – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Изд-во “Русский язык”, 1998.

Кочин – *Кочин Г.Е.* Материалы для терминологического словаря древней России. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937.

Мангаз. – *Цомакион Н.А.* Словарь русского языка мангазейских памятников XVII–первой половины XVIII века. Красноярск, 1971.

Опыт – *Бурнашев В.П.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. 1–2. СПб., 1843–1844.

Панин 1985 – *Панин Л.Г.* Лексика западносибирской деловой письменности XVII– первая половина XVIII в. Новосибирск: Наука, 1985.

Подвыс. – *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Пресбр. – *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1958.

Прохорова 1958 – *Прохорова В.Н.* О некоторых явлениях в образовании специальной терминологии русского языка в XVII веке // Сборник статей по языкознанию. М.: Изд-во МГУ, 1958. С. 261–280.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII веков. Т. 1–23. М.: Наука, 1975–1996.

Сороколетов 1972 – *Сороколетов Ф.П.* История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.). Л.: Наука, 1970.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1–4. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1994–1999.

Срезн. – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. М.: “Книга”, 1989.

СРМС – *Бадигин К.С.* Краткий толковый словарь по русскому мореплаванию на Севере (поморские слова и выражения) // По студенческим морям. М.: География, 1956. С. 318–444.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1–27. Л.: Наука, 1965–1992.

Филин 1972 – *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л.: Наука, 1972.

Щеглова 1964 – *Щеглова Н.А.* Терминологическая лексика оружейно-железодельного производства XVII–XVIII веков (по материалам памятников письменности Тульского края): Дис. канд. филол. наук. М., 1964.

Принятые сокращения

ГАО – Государственный архив Архангельской области.

КДРС – Картотека Словаря русского языка XI–XVII веков (Москва, Институт русского языка).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

АХУ I–III – Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1–3. – СПб., 1890–1908 (РИБ, т. 12, 14, 25).

ВХК – Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Под ред. А.Г. Манькова. – М.–Л., 1979.

· Ник. – *Никольский Н.М.* Кириллов Белозерский монастырь и его устройство. Т. 1–2. СПб., 1910.

САСК (С) – Суворов И. Сборник актов Северного края XVII в. Вологда, 1925.

ТКМГ I–III – Таможенные книги Московского государства XVII в. М.–Л., 1950–1951.

**НАИМЕНОВАНИЯ ИМИТАЦИОННЫХ СПОСОБОВ
ВЫШИВАНИЯ В ЛЕКСИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ШИТЬЯ
(на материале памятников деловой
письменности XVI–середины XVIII вв.)**

В предлагаемой статье рассматривается происхождение и семантическое содержание однословных и составных наименований (СН) способов вышивания, имитирующих другие материалы. Основными источниками работы послужили рукописные и опубликованные документы XVI–середины XVIII вв.: описные, переписные, кроильные книги церквей и монастырей, отводные книги «ризной казны», переписные книги патриаршей ризницы.

Данная лексико-семантическая группа интересна тем, что термины появляются примерно в одно и то же время (за исключением названия способа, имитирующего тканье), не ранее XVI в., так как в это время появляется тенденция к использованию вышивки перегруженной золотом, жемчугом и драгоценными камнями, а также к использованию привозных восточных материалов при шитье одежды и предметов церковного культа. Из-за высоких цен на такие ткани в XVI в. в русском шитье появляются технические приемы, точно воспроизводящие фактуру драгоценных тканей. Опираясь на изученные документы и этнографическую литературу, мы выделили 6 имитационных способов шитья: имитация тканей – аксамита, алтабаса, бархата, атласа; имитация орнамента металлических чеканных изделий; имитация тканого узора.

Аksamит был в ходу только в высшей феодальной среде. Особенности аксамита – орнамент, переданный вертикально поставленными петлями из золотых или серебряных нитей. Способы шитья, имитирующие аксамит, в памятниках деловой письменности XVI–середины XVIII вв. обозначались следующими лексическими единицами (ЛЕ): *шить аксамитомъ*, *шить по аксамитному*, *шить въ аксамить*, *аксамитить (оксамитить)*.

СН *шить аксамитомъ*, *шить по аксамитному*, *шить въ аксамить* отмечены нами в документах XVII–середины XVIII вв. разной территориальной приуроченности: ризы... оплечье шито по черному бархату аксамитом з звѣсками. – Оп. кн. Солов. м. 1676 // РГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 555, л. 259; ризы... оплечье шито золотомъ сученымъ в ряды і в клопецъ по аксамитному. – Оп. кн. Выс.-Петр. м. 1725 // РГАДА, ф. 1186, оп. 1, д. 2, л. 50–51 об.; по-

ручи шиты в аксамить низаны жемчугомъ. — Оп. кн. Солов. м. 1676 // РГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 555, л. 268.

Указанные синтагмы имеют грамматическую структуру *глагол + наречие*, которое является семантически стержневым компонентом СН. Наречия *по аксамитному, въ аксамить, аксамитомъ*, входящие в СН, образованы путем адвербиализации форм дат. пад. ед. ч. прилагательного *аксамитный* и вин. и тв. пад. ед. ч. существительного *аксамить (оксамить)*, отмеченного впервые в «Слове о полку Игореве»: ... помчаша красные дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты [Слово: 31].

Аксамить — заимствование из греческого языка, где название ткани указывает на способ ее приготовления (*εξ* — 'шесть', *mitos* — 'нить') [Срезн. II: 653; Ф I: 66]. Старорусское *аксамить* возникло в результате межслоговой ассимиляции начального *о-* последующему *-а-* [ЭСлРЯ I, вып. 1: 66–67].

Лексема *аксамитить (оксамитить)* частотна в памятниках XVII в.: скроен государю налатникъ тафта бѣла, под шитье: земля зашивать серебромъ, а травы аксамитить золотом и бархатить. — Кр. кн. 1629 // Забелин, 834. Впервые глагол *аксамитить (оксамитить)* появляется в конце XVI в.: Ферези... образцы по жолтому атласу аксамичены серебромъ. — Оп. им. Ив. Гр. 16. 1583 г. // СлРЯ XI–XVII, 1, 26; Ферези... образцы сдѣлати по червчатому отласу оксамитити съ золотом, бахрома шолкъ жолтъ. Оп. им. Ив. Гр. 16. 1583 г. // СлРЯ XI–XVII, 1, 81; Вершокъ... оксамичень золотомъ да серебромъ, по оксамиченью сажень жемчугомъ. — Плат. Бор. Фед. Год. 1589 // Срезн. II, 653.

Авторы «Словаря русского языка XI–XVII вв.», на наш взгляд, неоправданно расширяют семантическое содержание лексемы *аксамитить* — 'расшивать что-либо золотыми или серебряными нитями' (I, 26). Представляется более точным толкование, предложенное И.И. Срезневским, — 'делать под аксамит, наподобие аксамита' [Срезн. II: 653].

Термин *аксамитить* образован от существительного *аксамит* суффиксальным способом, возможно также, что он появляется в процессе универбации СН *шить аксамитом* и т. п. В результате универбации изменяется морфемное содержание мотивирующей основы. Суффикс *-и-* в данном случае совмещает основное значение процессуальности и частное значение 'делать подобно чему-либо'. Продуктивность данной модели подтверждается наличием в терминосистеме лексем *бархатить, лученчить* и др. (См. ниже).

ЛЕ *шить аксамитом, шить по аксамитному, шить в аксамить, аксамитить (оксамитить)* представляют собой номинативный ряд (НР), состоящий из двух- и однокомпонентных тождественных по семантике наименований.

Способ шитья, при котором воспроизводилась фактура ткани с густым ворсом – бархата, – в документах обозначался глаголом *бархатить (бархотить)*: скроень государю налатникъ тафта бѣла под шитье: земля зашивать серебромъ, а травы аксамитить и бархатить. – Забелин, 834. Форма данного глагола впервые отмечена в тексте 1503 г.: Двѣ вошвы шиты золотомъ да серебромъ бархочены [Срезн. I: 43].

Лексема *бархатить* образована от существительного *бархатъ (бархоть)*, известного в русском языке с конца XIV в. [Черных I: 75], заимствованного из ср.-в.-нем. *barchât* или нов.-в.-нем. *Barchent* [Ф I: 129], с помощью суффикса *-и-*, означающего 'делать подобным чему-либо': Полотенцо шолковое, на обѣ стороны бархачено. – Оп. казны Фил., 969. 1630 г. // СлРЯ XI–XVII, 1, 75.

Термин *заатлашивать (заотлашивать)* обозначал такой вид шитья, при котором вышивка воспроизводила фактуру атласа, гладкой шелковой ткани: плащаница... шито золотом и серебромъ заотлашивано шелкомъ лазоревым. – Оп. им. Ник. м. 1701 // ГА-ВО, ф. 496, оп. 1, д. 10, л. 58. Лексема образована от существительного *атласъ (отласъ)*, известного в рус. языке с XVI в., конфиксальным способом (*за-* + *атлас* + *-ива-*).

Отмеченный в более поздний период (XIX в.) глагол *атласить* в значении 'делать подобным атласу' [СлЦРЯ I: 15]; 'давать вид атласа' [Даль I: 28] и существование продуктивной словообразовательной модели *основа существительного + суффикс -и-* со значением 'делать подобным чему-либо' дает основания для реконструкции лексемы *атласить* в старорусском языке.

СН *шить по алтабасному* обозначало технический прием шитья, в результате которого вышивка имитировала фактуру *алтабаса* – персидской парчовой ткани [Ф I: 7]: стихарь... оплечье бархат золотной шить по алтабасному и аксамитному. – Оп. Воскр. м. 1685 // Шабельская, 12.

Способ шитья, с помощью которого воссоздавался орнамент металлических чеканных изделий [Маясова: 6] в исследованных документах обозначался следующими ЛЕ: *шить на чеканное дѣло, шить въ чеканъ, шить въ чеканѣ, чеканить*.

СН *шить на чеканное дѣло, шить въ чеканъ, шить въ чеканѣ* отмечены нами в памятниках XVII в.: стихарь бархатъ раз-

ныхъ шелковъ, оплечье шито золотомъ и серебромъ на чеканное дело. — Оп. Свяяз. м. 1614 // Шабельская, 120; ризы... оплечье шито золотом и серебром по черному бархату в чекан. — Вкл. кн. Тр. Серг. м., 190. 1671 г.; два лоскута шиты по кожъ золотомъ въ чеканъ. — Оп. Воскр. м. 1685 // Шабельская, 120.

В данных СН семантически стержневым компонентом являются наречия *въ чеканъ*, *въ чеканъ* и прилагательное *чеканное* в трехкомпонентном СН *шить на чеканное дѣло*.

Происхождение лексемы *чеканить* в значении 'вышивать, имитируя металлическую чеканную поверхность', связано с процессом семантической универбации СН *шить чеканомъ*, *шить въ чеканъ* и т. п. по продуктивной словообразовательной модели с присоединением к основе суффикса *-и-*, имевшего значение 'делать подобным чему-либо' (ср.: *аксамитить*, *бархатить*): Чюга отлась лазоревъ, чеканена. — Плат. Бор. Фед. Год. 1589 // Срезн. III, 1487. Возможно, развитие значения 'вышивать, имитируя металлическую чеканную поверхность' у слова *чеканить* происходит путем метафорического переноса на основании внешнего сходства результатов процесса чеканки по металлу и вышивания особым швом.

По мнению Н.П. Гринковой, закрепление за словом *чеканить* семантики, связанной с вышиванием, есть явление позднейшее. Более раннее значение этого термина было значительно шире, а именно: данные термины обозначали нанесение узора, знака, символа. Значение глагола *чеканить*, предложенное И.И. Срезневским, — 'выбивать узоры на ткани' — не отражает сущность явления, так как процесс выбивания рисунка на ткани красками (так называемая "набойка") практиковался не для готовых изделий, а для цельных отрезков ткани, как правило, дешевой, простой (сукно, холст и т. п.), поэтому в контексте "Чюга отлась кирпичной цвѣтъ, чеканена" [Срезн. III: 1487] слово *чеканена* может означать только 'вышита наподобие чеканки'.

ЛЕ *шить на чеканное дѣло*, *шить въ чеканъ*, *шить въ чеканъ*, *чеканить*, соотносимые с одним денотатом, но различающиеся своей образующей структурой, составляют номинативный ряд. Данный ряд характеризуется варьированием наименований, обусловленным процессом образования терминов, от трехкомпонентного *шить на чеканное дѣло* к двусловным *шить въ чеканъ*, *шить въ чеканъ* и далее к универбату *чеканить*. Вариативность компонента, несущего основную смысловую нагрузку, характерна для начального периода становления терминосистемы.

Один из древнейших способов шитья – имитация тканья, тканого узора, рисунка [Маслова: 30]. Этот способ обозначался такими ЛЕ, как *шить наборомъ*, *шить набирью*, *набирати*: Полотенцо бязинное шито по концомъ наборомъ шелки розными съ золотцемъ. – Оп. Свяяз. м., 13. 1614 г.; 3 сулки шиты шолки набирью, полотняны. – Кн. п. Моск. I, 300. 1578 г. // СлРЯ XI–XVII, 10, 19; Плащи набираны на софьяне, на софьяне на червчатомъ. – Росп. им. Н. Ром., 50. 1659 г. // Там же.

Глагол *набирать* известен в терминосистеме ткачества и имеет значение 'особым образом ткать' [СлРЯ XI–XVII, 10: 19]. При переходе в лексику художественного шитья происходит терминологизация семантики лексемы, развивается вторичное значение 'вышивать, имитируя тканый узор' путем метафорического переноса наименования процесса по сходству конечного результата: 'особым образом ткать' – 'вышивать, имитируя тканый узор'.

В структуре СН семантически стержневые компоненты СН *шить наборомъ*, *шить набирью*, наречия *наборомъ* и *набирью*, образованы путем адвербиализации форм тв. пад. ед. ч. существительных *наборъ* и *набирь*. Появление данных СН при наличии однословного термина можно объяснить близостью лексических систем ткачества и вышивания: зачастую мастерицы владели обоими ремеслами и соответственно профессиональной лексикой, поэтому возникала необходимость в точном, однозначном термине. Поэтому вышивальщицы использовали более точно называющие процесс СН с опорным глаголом *шить*, так по существующим моделям создаются СН *шить набирью* (ср. *шить гладью*, *низать насыпью* и др.) и *шить наборомъ* (ср.: *низать узоромъ*, *низать лѣсомъ* и др.): Полотенцо шито наборомъ узоръ шить шелки розными. – Оп. патр. ризницы 1631 // Викторов, 72.

Анализ названий имитационных способов вышивания показал, что в XVI–первой половине XVIII вв. лексика художественного шитья активно пополняется за счет формирования значительного количества СН, которые создаются в форме глагольных словосочетаний по следующим моделям: *глагольная форма + наречие* (*шить аксамитомъ*, *шить наборомъ*), *глагольная форма + сущ. в Вин. п. + прилагат.* (*шить на чеканное дѣло*). Продуктивен также аффиксальный способ образования терминов: *заатлашивать* < *атласъ*, *бархатить* < *бархатъ*. С помощью семантической деривации в данной ЛСГ образована лексема *набирать* ('особым образом ткать' – 'вышивать, имитируя тканый узор'). Выделенные нами номинативные ряды свидетельствуют о том, что

терминологическая система вышивания в XVI–первой половине XVIII вв. находилась в стадии формирования, отсутствовали единые модели для образования терминов.

Способы имитационного шитья в исследованных документах обозначаются исключительно глагольными формами или глагольными СН. Причину этому мы видим, во-первых, в том, что разветвленная система способов и приемов вышивания требовала наименования различным видам действий в процессе работы над вышивкой, во-вторых, в начальный период складывания терминологии различные виды вышивки (например, современный тамбур, гладь и др.) обозначались СН с грамматически главным компонентом с процессуальной семантикой (*шить набирью* и т. п.).

ЛИТЕРАТУРА

Викторов – Викторов А. Обзорение старинных описей патриаршей ризницы. М., 1875.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1982.

Забелин – Забелин И. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869.

Маслова – Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978.

Маясова – Маясова Н.А. Древнерусская живопись иглой. М., 1979.

Слово – Слово о полку Игореве. М., 1987.

СлЦРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языков, сост. Вторым отделением Имп. Академии наук. Т. 1–4. СПб., 1847.

Черных – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993.

Шабельская – Шабельская Н. Материалы и технические приемы в древнерусском шитье // Вопросы реставрации. Сб. УГРМ. Вып. 1. М., 1926.

ЭСлРЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. I–XVIII. М., 1974–1995.

Принятые сокращения

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

ГАО – Государственный архив Архангельской области

ГАО – Государственный архив Вологодской области

Оп. кн. Солов. м. 1676 – Описная книга Соловецкого монастыря 1676 г.

Оп. кн. Выс.-Петр. м. 1725 – Описные книги Высоко-Петровского монастыря 1725 г.

Оп. кн. Ник. м. 1701 – Опись имущества Николаевского Озерского монастыря 1701 г.

Оп. Свяж. м. 1614 – Опись Свяжского Богородицкого мужского монастыря 1614 года. Казань, 1852.

**РОСПИСИ БЕЛОЗЕРСКОГО РЫБНОГО ДВОРА 1674–1679 гг.
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ**

Оценка лексической содержательности росписей Белозерского рыбного двора XVII века определяется уникальностью самого социально-хозяйственного комплекса, каковым являлся рыбный двор. Это хозяйственный комплекс, включающий в себя участки земли, рыбные угодья, специальные сооружения-«сады» для подращивания и сохранения живой рыбы, хозяйственные постройки для хранения рыбных снастей и иного оборудования, погреба для хранения рыбы, жилые и административные помещения. В состав Белозерского рыбного двора входили государев рыбный двор на Белоозере (приказная изба, амбар, погреб, сушило, жилая горница, хлев, баня, пруд на посаде с садом и с избой), рыбный сад и водяная мельница в дворцовой волости на Иванове Бору, в той же волости сад у деревни Якулино, Устьсудская рыбная пристань с садом, Ковжская рыбная пристань с амбаром, избой и садом, государев Киснемский рыбный двор (изба, погреб, сад с избой), Крохинская рыбная пристань с амбаром и садом, сад в Пидемской заостровице с избой, Цыпинский ез с избой. Белозерский рыбный двор принадлежал царской казне. Этим объясняется регулярность и тщательность описания всего имущества, земли и речных угодий, входивших в состав двора.

Росписи Белозерского рыбного двора достаточно использованы историками (1). Лингвистами учтены лишь содержащиеся в них названия, связанные с рыболовством (2), однако не в полном объеме, поскольку ловля «дикой» рыбы и выращивание рыбы (что составляло славу Белозерского рыбного двора) – принципиально разные технологии, имеющие разный лексикон.

В предлагаемой статье представлены сведения о лексической содержательности описи («росписи») Белозерского рыбного двора 1679 года, в которую включен список росписи 1676 года. Это наиболее объемная (36 листов) рукопись из числа описей Белозерского рыбного двора, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (3).

Сам объект описания в росписи носит названия – «великого государя Белозерской рыбной двор» (л. 2) или «государевы рыбные ловли» (л. 4).

Анализируемый источник имеет несколько особенностей, значимых в аспекте лингвистического источниковедения.

Прежде всего обращает на себя внимание тематическое разнообразие предметной лексики в белозерской росписи.

Значительное место в тексте занимает описание построек и сооружений, предназначенных для разведения и длительного сохранения рыбы в живом виде. Главные названия – *рыбные сады* (л. 2), *сад* (л. 8) и их синоним – «*садовые строения*» (л. 5 об.): *сад на Ковской пристани у гсдрва онбара на реке Ковже забрань тыном стоячимь* (л. 15), *сад деревянои* (л. 17).

Рыбные угодья именуются с помощью терминов общерусского распространения, но местная география уточняется: *в заповедных киснемских тонях* (л. 6 об.), *на цылинском езу* (л. 8), *устьсудцкая рыбная пристань* (л. 8). Сам процесс рыбной ловли тоже получал наименования по месту ловли: *на устьшихонскую рыбную ловлю* (л. 8 об.); *устьсудцкие рыбные ловли* (л. 10).

Указано профессиональное название работников Белозерского рыбного двора: *записные рыбные ловцы* (л. 5 об.) – их было на белозерском посаде 30 семей.

В росписи обнаруживаются перечни разнообразных рыболовных ловушек и снастей: *мережи мердяные...мережи неводные* (л. 7 об.); *мережи переметные* (л. 8 об.); *пять мереж трегубичных* (л. 9); *мережа реткая на толстых тетивах* (л. 10), *мережа оханная* (л. 21), *две сети лычные* (л. 8); *неводок малои* (л. 19 об.), *семь мереж да матица неводные* (л. 9), *три охана пенковые* (л. 22 об.), *девять ветхих оханов четырнатцат повоздовъ...конат липовии* (л. 20 об.), *матица реткая трегубица неполная* (л. 21), *три удных переметов что взяты на гсдрвь Белоозерскои рыбной двор у рыбных ловцов которые ловили рыбу в гсдрве заповеднои воде в Шексне реке на себя безявочно* (л. 22 об.). См. еще описание ловушки под названием *керевод*: *керевод а в немь четыре мережи* (л. 9), ср. соответственно *мережи кереводные* (л. 8).

Особо укажем на редкий случай именования мережи собственным именем: *мережа прозванием Крылач с пуцыши (? – Г.С.) железными* (л. 21). Именование предметов хозяйственного назначения и домашнего обихода с помощью имени собственного – особенность речи севернорусичей в средневековую эпоху, см. еще примеры в нашей работе: (5).

Часть рыболовецких снарядов делалась из металла и относилась к «*железным заводам*»: *да железных заводов шесть пешень*

железных ловецких... тесник пазник острога железная двои подковы ловецких три костыля (л. 10 об.), крюк с петлею железною от крохинского саду...двацат заступов (л. 10 об.), пять багров железных ловецких (л. 11 об.), от пидемского саду векша железная воротовая (л. 12).

Далее идут названия видов рыбы и разновидностей рыбы как товарного продукта: *свежеи рыбы пять стерлядеи... судокъ среднеи да мелкие рыбы пять стерлядок три судочка два языка (л. 6 об.), осетры (л. 8), сухие снетки...мерзлые снетки (л. 22), судокъ и щукъ головных (л. 28 об.), судокъ больших и средних.* Обратим внимание на деминутивы *стерлядка, судочек, язык,* первые фиксации которых находим только в анализируемом источнике.

В росписи называются речные суда, используемые во время ловли рыбы, и различные судовые снасти: *прорезные суда, лотка, судно крытое (л. 7), судовые снасти, судовые скобы, бечевки лодочные (л. 7–7 об.), три снасти судовые тяглые пенковые (л. 8), лямка кожаная судовая тяглая (л. 12), три паруса лодочных (л. 21 об.), двои весла опашные да весло кормное лодочные (л. 22), пенковые три бечевки лодочные тяглые (л. 22 об.).*

Указываются предметы одежды рыбных ловцов: *восемь хамъгль кожаных ловецких одинацетеры водяницы (л. 10), две хамъглы кожаные третя хамгла привезена на гсдрвъ Белозерской рыбной двор (л. 21). Хамгла – кожаный рыбацкий передник, водяницы – кожаные рыбацкие рукавицы (4).*

Подробно описана такая административная постройка, как *приказная изба.* Приказная изба не только управляла государственными рыбными ловлями, но и учитывала сбор белозерских рыбных и денежных оброков, ведала приходом-расходом денежной казны и рыбы, которая шла на нужды приказной избы («обиходная рыба»). См.: *приказная изба с комнатою и с сенми (л. 2 об.), три чюлана, над сенми сушило, перед сенми крыльцо рубленое и лесница у крыльца шатрикъ на точеных столбах... крыт в два теса с скалами в зубецъ (лл. 2 об.–3), в ызбе печь кирпичная у избы труба дымоволочная деревянная (л. 3 об.).* Упомянуты предметы мебели: *в ызбе кругом лавки (л. 13 об.), стол а на столе два аршина сукна анбурского красного (л. 21 об.).*

Столь же подробно описывается *анбар, сушило, сени забраны стамым забором и покрыты драню и скалами погреб рубленой над погребом напосребица...у двери замок висячей большой (л. 9 об.), перед сушилом мостъ на столбах и покрыт драницами и скалами (л. 10), анбарець (л. 20 об.).* При описании жилых

изб и хозяйственных строений упоминаются *горница на подклете* (л. 12 об.), *в сенях чюлан дощаной...под повалышеи онбаръ з закромы...конюшно а на верху сеновня* (л. 13), *баня с сенми и з дымоволочною деревяною трубою* (л. 13); *перед избою мостъ на реже* (л. 15 об.), *на дворе поваренка да сараецъ малои* (л. 23).

Входили на территорию рыбного двора через ворота: *у рыбного двора ворота о трех точеных вереях створные покрыты те ворота шатром тесом на шатре ветреница железная у ворот кольца и скобы и защелчки железные забранъ тот двор лежачимъ забором* (л. 12–12 об.)

В материалах росписи обнаруживаются названия сельскохозяйственных орудий: *сохи косульные и с отрезами...сохи сошные с лошками пять кос* (л.16).

Многочисленны названия хозяйственной утвари и различных предметов, связанных со специфическим бытом белозерских рыбаков: *тчан, рогожа, ужище, драничный короб, шанданов три железных три деревяных з жестяными трубками* (л. 7–7 об.) – ср.: *шесть подсвешников деревяных с трубками железными* (л. 21 об.), *тюшакъ, коробка, два щипца железных, две иглы рогожных железные* (л.7–7 об.), *свечи салные, две кадки под икры, под осетры корыто* (л. 8), *котел медной з дугою железною* (л. 8 об.); *безмень гиря и трубка медные...боровской мелницы четыре пятника колесных...ушатъ с кровлею фонар слудяной болшеи* (л. 12), *в бане клещи железные* (л. 13 об.), *три просека два кирка третей ломаной две жабки...три насеки три пятника два веретена в длину по аршину...два кольца железные ...рогатина* (л. 19 об.).

Вторая особенность анализируемого источника – обстоятельность, конкретность, детальность описания предмета, независимо от его размера и хозяйственной ценности. Вот как выглядит номенклатура терминов, использованных при описании построенного в 1674 г. нового сада на речке Киснемке: *верхняя плотина...рублена...клетками в четыре стены в угол ...промеж клетками ворота в воротах и перед воротами сверху речки Киснемки слана отстилка а на отстилку сыпано камене в воротах же построены две решетки...нижняя плотина... промеж клетками делан спускъ воде* (л. 24–24 об.), *перед заплотою в саду слана отстилка* (л. 25). Достаточно детально описана мельница на реке Гремихе в дворцовой волости на Иванове Бору: *онбар, жернова, мелничная заплота, колеса мелничные, колеса водяные, вал с ободами без пятников (с пятниками), вал про-*

стои, по пяти ступ на валу, пест с оковами, оков пестовой, пестовище (л. 18 об.—19). А вот как перечислены все детали, связанные с окнами и с дверьми приказной избы: *восемь окошек больших на косяках три окошка волоковых у тех волоковых окошек двенадцат прутов железных во шти окошках решетки железные и обиты полстми у всех осми окошек больших затворы на железных крюках да восемь скоб за что отворяют окна запорных дватцат четыре скобы железных в пяти окошках окончины слудяные з белым железом в тех же хоромех три двери на косяках и на железных крюках у тех двери замки нутряные пятеры двери малых на железных крюках у двери пять чепочекъ с пробоями железными* (л. 3—3об.).

Третья особенность кирилло-белозерской актовой письменности, представленная не только в данном документе, — это указание на функцию, на назначение предмета, что имеет особую ценность при определении семантики предметного слова, так как известно, что функциональное назначение предмета, сделанного человеком для своих нужд, часто является основой семантической структуры названия этого предмета. См. эти особо ценные для лексиколога примеры: *сад деревянной под живую рыбу* (л. 8 об., здесь и далее указание на функцию выделено нами — Г.С.), *сад на живую рыбу* (л. 14), *два деревянные сада под живую рыбу* наплавные (л. 23 об.), *четыре гири железных ловецких что бывает у ловцов у поездов* (л. 10 об.) *серпъ железной чемъ из воды в садахъ волоченъ лес* (л. 15), *острога да коза железные чемъ лучат рыбу* (л. 20 об.), *четыре якоря железные...снасть большая лычная ветха что бывает у якоря* (л. 16 об.), ср.: *снасть новая пенковая изошла къ якорям* (л. 22), *крюк изломлен на дереве чем уголе из печи гребуть...пилы большие...три топора две тупицы долото клевец пятно чем пятнаны мяса* которые высыланы к Москве ...*двои клещи да лошка железных что зделано для сыску серебряной руды крюк железной чемъ из воды дереве вынимають ...три кирки три теслы двои железа ножные третие железа ручные стул с чепью железною замось висячей* (л. 11—11 об.); *плаща железная печнаго заслона ...пят багров что зделаны от пожарного времени* (л. 11 об.), *две бочки еловых под живую рыбу* (л. 16 об.), *шесть коробов драничных для отпуску к Москве сухих снетков грохот для приему мерзлых снетков* (л. 22), *точило* (л. 22 об.), *да трои возжи которыми привязывают парусы к лодкамъ* (л. 22 об.).

Приведенные материалы достаточно выразительно демонстрируют лексическую содержательность текста росписей Белозерского рыбного двора, относящихся к второй половине XVII века. Уникальная белозерская роспись убедительно представляет и замечательные типовые свойства севернорусских хозяйственных актов: богатство словарного состава, детальные описания предметов и подробное описание их функционального назначения. Эти качества в совокупности позволяют достаточно точно устанавливать и состав специальной терминологии различных промыслов и ремесел и описывать семантику этих наименований.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Имеются в виду работы Е.А. Рыбиной, В.С. Барашковой, М.Б. Булакова и др. См. также публикацию источника: Барашкова В.С. и др. Писцовая книга езовых дворцовых волостей Белозерского уезда 1585 г. // Крестьянство севера России в XVI в. Вологда, 1984, с. 32–129.

2. См., например: *Андреева Е.П.* Формирование промысловой терминологии в старорусском языке (рыболовецкая лексика Белозерья XV–XVII вв.). АКД., Л., 1985.

3. РГАДА, ф. 1599 – Белозерский рыбный двор, оп. № 1, ед. хр. № 197. Далее в ссылках на рукопись указываются только листы. Примеры приводятся в упрощенной записи, приближенной к современной графике. Роспись была издана С.В. Судаковой по снятой нами копии в кн.: *Деловая письменность Русского Севера XVII века.* – Вологда, 1986. – С. 23–41. Описи Белозерского рыбного двора имеются и в Санкт-Петербургском отделении Института истории, см. например, опись 1683 г (к.2, №14).

4. История этих слов более подробно рассмотрена нами в работах: *Лексические диалектизмы в севернорусских актах XVI–XVII вв. (названия рукавиц)* // Севернорусские говоры. Вып.4. Л.: ЛГУ, 1984; *Формирование одной лексической группы в русском бытовом словаре XVII в (названия передников)* // Развитие семантической системы русского языка. Калининград, 1986.

5. *Судаков Г.В.* Живое русское слово. Вологда, 2002. С. 72.

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОВА КРЕСТ
В ПРОМЫСЛОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА
XV–XVII вв.**

В XV–XVII вв. на всей территории Руси, включая Русский Север, продолжалось активное развитие промыслов и ремесел. Это было связано с ростом городов, появлением крупных торговых центров (Вологды, Тотьмы, Белоозера, Архангельска, Великого Устюга и др.), расширением хозяйственно-экономической деятельности монастырей (Кирилло-Белозерского, Спасо-Прилуцкого, Антониева Сийского, Соловецкого и др.). Памятники деловой письменности этого периода фиксируют специальную лексику, ее количественный и качественный состав свидетельствует о том, что к XVII в. складывается особая функциональная разновидность старорусского языка – промыслово-ремесленная терминология [Чайкина Ю.И.]

Терминологическая лексика соседствует в письменных источниках разных жанров с обширным кругом лексики церковной. Особого внимания с этой точки зрения заслуживают такие документы, как описи церковного и монастырского имущества, благословенные и храмозданные грамоты, переписные и приходно-расходные книги монастырей.

Данная статья представляет собой попытку проследить функционирование слова *крест* в различных терминосистемах старорусского языка. Основным источником исследования явились материалы “Словаря промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.” Словарь ставит перед собой цель зафиксировать специальные значения слова как элемента терминосистемы того или иного промысла, поэтому в словарных дефинициях уделяется внимание, прежде всего, предметно-логической соотнесенности слова и реалии, в ряде случаев используется энциклопедическое описание.

Как особая группа в словаре выделяется лексика церковная, включающая в себя названия предметов церковного быта, одежды церковнослужителей, элементов интерьера храма и т.д. Соответствующие реалии являются продуктами разных промыслов – иконописного, ювелирного, столярного, плотницкого и переплетного дела, художественного шитья и др. Каков критерий объединения этой лексики? На наш взгляд, это не только связь денота-

тов с одной понятийной (сакральной) сферой, но и особая структура лексического значения: специфическое соотношение предметно-понятийного и этнокультурного компонента в семантике. Речь идет о словах и составных наименованиях, для которых культурный потенциал чрезвычайно важен, этнокультурный компонент и предметно-понятийный, формирующий специальное значение, накладываются друг на друга.

Слово *крест*, как и многие элементы церковной лексики, связано с тремя сторонами жизни средневекового общества: религиозной, эстетической и ремесленной.

Знаменательна история этого ключевого для православия слова: первоначально **krǣstъ* означало «Христос» и произошло из древне-верхне-немецкого *Krist*, *christ*; вероятно, затем появилось значение 'распятие', откуда и возникло значение 'крест' [Фасмер II, 374]. Таким образом, изначально слово *крест* воплощало в себе «таинство искупления, совершенного крестной смертью Спасителя» [Дьяченко, 270].

Слово *крест* в группе церковной лексики занимает особое место, поскольку имеет важное символическое значение, связанное с целым комплексом культурных понятий. Крест — один из древнейших сакральных символов в мировых мифопоэтических и религиозных системах, главный символ христианства. Согласно канонам православия, образ креста многозначен. Прежде всего, это священное средоточие христианского мира, символ Нового Завета, победы над смертью. Во-вторых, крест означает единство видимого и невидимого мира: «как четыре оконечности креста сосредоточиваются в середине и здесь соединяются, так точно силой Божиею держится высота, глубина, долгота и широта, то есть вся видимая и невидимая тварь» (Новая скрижаль, 49).

Заметим, что символика голгофского креста в восточно-византийской и впоследствии православной традиции играет более важную роль, чем в западной. Как показывает М.Ф. Мурьянов, именно в православии очень важен ритуал воздвижения креста и его применение в качестве наверхия любого сакрального архитектурного ансамбля — им увенчиваются купол храма, иконостас, киот, хоругвь, арочная роспись, архиерейский посох, головной убор патриарха [Мурьянов, 312].

Слово *крест* функционирует в составе терминосистем разных промыслов: ювелирного, иконописного, художественного шитья, строительного, кузнечного дела.

В строительной терминологии слово *крестъ* имеет значение 'символ христианской религии, наверхше церковного купола': А на церквах *кресты* и главы поясны *белым железом*, боровки и кровли крыты тесом. Кн. отп. Горицк. м. 1661 – Кириллов I, 263. И чтоб им тот *крест* снять и на клин учинить главу по удобству и *крест* поставить. Челоб. Верхопаденг. пуст. 1693 – ГААО, ф. 1025, оп. 1, № 526, л. 2.

В памятниках деловой письменности находим специальные указания на порядок воздвижения креста: На той соборной церкви шеи и главы и *кресты по чину построили* и *бѣлым желѣзомъ кресты* и главы были *обиты*. Порядн. УВ 1680 – АХУ I, 528. При помощи составных наименований (*крестъ деревянный*, *крестъ медный*) или фразовой номинации (*крестъ опаян белым железом*) дается подробное описание самой реалии: указание на ее материал или способ изготовления: По левую страну придѣл Юанна Богослова верхи шатровые, *кресты* и главы *паяны белым железом*. Кн. описн. К.-Бел. м. 1668 – ЗОРСА II, 339. Вологжанин посадцкой челоуѣкъ Васильѣй Беличев *паял* какъ ставили на соборную церковь новой *крестъ* и на главѣ у *креста* верхъ онъ же Василий все *запаявал*. Гр. Вол. 1664 – САСК (С), 86.

Выделение мотивировочного признака 'материал' или контекстное окружение актуализируют в структуре ЛЗ лексемы *крестъ* семы предметно-понятийного характера: Храм клетчатой неvyšокъ, а *крест* *деревенной* сверху храму обвалился. Дело Важ. 1631 – СГКЭ II, 721. На монастыре церковь холодная Успение Пречистые Богородицы каменная, покрыта белым железом, глава чешуйчатая, *крест мѣдной*. Кн. описн. К.-Бел. м. 1668 – ЗОРСА II, 127. Выдано вологжанину золотарю Афонке ... в дѣло *листового золота* на соборную церковь на *крестъ*. Кн. выд. Сп.-Прил. м. 1699 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 149, л. 9.

В качестве вспомогательного компонента могли выступать прилагательные, указывающие на форму реалии. В христианской традиции известны различные типы крестов, русская православная церковь располагала тремя: четырех-, шести- и восьмиконечным. В исследуемых документах встречается преимущественно составное наименование *крест четвероконечный*: *Кресты* на все верхи зделать *четвероконечныя*, каким обрасцом и мерою велят. Порядн. Шенкур. 1697 – ГААО, ф. 1026, оп. 1, № 4, ст. 3. А по розобрании оных настоящей и приделной церкви над престольным мѣсте построить каморочки *древяные рубленые четвероугольные* в длину и поперег полтора аршина по два вершка и по-

крыть тесом на четыре ската по полатному, чтоб те престолные места были б под теми каморочками, а на верху тѣхъ каморочек водрузить *святые кресты четвероконечные*. Пам. Шенкурск. в. 1679 – ГААО, ф. 1025, оп. 2, д. 208, л. 5. Определение *святой крест* подчеркивает сакральный характер реалии. Актуализацию этнокультурного компонента лексического значения также видим и в других контекстах: А *кресты* на тех церквах поставить *четвероконечные по преданию* св. Апостол и св. Богоносных Отец и по *древнему обычаю* подобием таковы, каковъ крест златый на Москвѣ на соборной церкви Благовещения Пресв. Богородицы на большой главѣ. Гр. Шадренск. 1690 – ИИАО III, 476.

Кроме того, крест как важнейший символ христианства является главным элементом интерьера храма, частью иконы, предметом, без которого невозможно совершение церковных обрядов.

Признаки номинации крестов, представляющих собой элементы интерьера храма и предметы церковного быта, разнообразны.

В данной группе выделяется название креста Голгофы. Реалия, которая является столь важной для организации пространства храма, в памятниках описана подробно за счет указания ряда признаков – 'расположение в храме', 'размер', 'характер изображения': У лѣваго крылоса *крсть болшей мѣстной* на немъ *писано образ распятия господа нашего Иисуса Христа* в возглавии написан образъ Гда Саваофа по сторонам у креста в ручках образы пресвятыя бцы и святаго апостола Иоанна богослова. Оп. Фер. м. 1747 – ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 1663, л. 74.

Крест как важнейший предмет церковной утвари обозначается при помощи словосочетаний, в которых в качестве мотивировочного признака выступает 'назначение реалии' или 'характер изображения', что позволяет выделить этнокультурный компонент как ведущий в структуре лексического значения: На престолѣ жъ *крест благословенной*, обложен серебром. Кн. описн. Княг. у. 1672 – ЗОРСА I, отд. 3, 144. (*благословить* – 'перекрестить, осенить крестом, иконой или десницей'; Д I, 94). И онъ, попъ савинъ, у меня дьячка руку зубами кусалъ и поднявъ с земли *осеняльнѣй крестъ*, и тѣмъ *осеняльнѣмъ крестом* мнѣ дьячку голову *прошиб*. Гр. Вол. у. 1700 – ОСВ VIII, 116. *Крест воздвизальной*, обложен серебром позолоченым. Сотн. УВ 1630 – МИГУВ, 39. ('крест, которым благословляют молящихся в праздник Воздвижения; СлРЯ XI-XVII, 2, 285). Выменил *крест поклонной* кремлевой дал 3 деньги. Кн. прих.-расх. К.-Бел. м. 1567 – Ник., ОХСIV. Выменил три *креста распятие* дал 10 алтынъ Кн. прих.-расх. К.-Бел. м.

1567 – Ник., ОСХХIII. Купил...12 *крестов Страсти Господни* промену 3 алтынъ. Кн. прих.-расх. К.-Бел. м. 1605 – Ник., OCLXXXV.

Как показывают приведенные примеры, в отдельных контекстах на первый план выходят предметно-понятийные семы: крест рассматривается как один из предметов описи имущества, является предметом купли-продажи.

В терминологии иконописи слово *крест*, как правило, употребляется в составных номинациях. При этом у лексемы формируются новые оттенки значения. Как элемент терминологической системы иконописи лексема *крест* обозначает следующие реалии: 1. Икона-складень в виде креста: *Крестъ золотой складной с мощми на немъ рѣзано образъ распятия Гдня позади образа положение во гроб Гда нашего Иисуса Христа*. Оп. Фер. м. 1747 – ГАВО, ф.496, оп.1, №1663, л. 83. 2. Декоративный элемент иконы, украшение, подвеска на иконе: *Да у тово жъ образа крестъ аспидной, обложенъ серебромъ и позолоченъ и со ставками зъ жемчюги*. Переп. соб. УВ 1608 – АХУ I, 146. (*аспид* – 'яшма, пестрый плитняк'; Д I, 27). *Да у тово жъ образа два маниста, а на нихъ крестъ раковинной, серебромъ обложенъ*. Переп. соб. УВ 1608 – АХУ I, 145. У того же образа на гойтанъ *крестъ прямой коробчатой*. Росп. церк. вещей УВ 1665 – АХУ I, 399. В лексике иконописи этнокультурный компонент значения слова *крест* выражается средствами широкого контекста, поскольку лексема обычно соседствует со словом *образ*.

Лексема *крест* функционирует и в терминосистеме художественного шитья. Большое количество примеров указывает на то, что крест является вышитым изображением, элементом вышивки на одежде священнослужителей и различного рода покровов: *Воздухъ... въ срединѣ тѣхъ крестовъ три запоны въ золотѣ в нихъ по десяти искръ алмазныхъ*. Оп. кн. Холмог. соб. 1701 – ГААО СИФ, л. 148 об. *Покровъ... на немъ крестъ четвероконечный кружива кизылбашского травчатого шелкового съ серебромъ*. Оп. кн. Холмог. соб., 1701 – ГААО СИФ, л.81. *Пелена средина красного отласу на ней крестъ золотомъ шить*. Оп. им. Клон. п. 1696 – ГААО, ф. 831, оп. 1, д. 37а, л. 4. Контекст дает представление о данных реалиях, которые могут быть украшены золотом, драгоценными камнями, жемчугом.

В памятниках присутствуют названия крестов, символизирующих причастность человека к христианской религии. В качестве мотивировочного признака номинации нательных крестов выступает 'материал': *Куплено 43 креста мѣдных 9 денег*. Кн. прих.-

расх. К.-Бел. м. 1607 – Ник., ОССЛIII. Выменил 90 *крестов крѣмлевых*, да купил 30 черенков шадровых дал 2 алтына з деньгою. Кн. прих.-расх. К.-Бел. м. 1567 – Ник., OLXXXVIII (*кремлевый* – 'сделанный из плотной, смолистой, мелкослойной древесины, не дающей при сгибе трещин и надломов'), Кроме того, содержится прямое указание на назначение реалии: *Три креста ношебныхъ* – взято рубль 10 д. Переп. соб. УВ 1618 – АХУ I, 174.

Характеризуя функционирование слова *крест* в промысловоремесленной терминологии, следует обратить внимание на тот факт, что лексема является вершиной словообразовательного гнезда. Производные от нее слова также включаются в состав промысловой лексики.

По нашим наблюдениям, производные от слова *крест* прилагательные и наречия используются в качестве мотивировочных признаков различных составных наименований, указывая на назначение реалии (Досматривать сосудовъ церковныхъ служащихъ святыхъ литоргѣи дискаса и потира и звезда и блюдо и блюдо *крестьное* и богородичное... *блюда крестьное* и богородичное оловяные же. Гр. Вол. 1676 – ОСВ VIII, 44.) или ее форму (Съ розвалу бочка *крестовая* на четыре лица, на тех бочках поставить пять глав. Наемн. Минецк. пог. 1700 – АЮБ II, 521. Над рундуком бочку възделать иконе стоять, крыть бочка *чешую крестовую*. Порядн. Устькул. в. 1680 – САС III, 424. А на четверне рубить бочка четвероконечна *накрест*. Рядн. У.-Вымь 1683 – ИИАО IV, 73).

Зафиксированы следующие однословные номинации в словообразовательном гнезде с вершиной *крест*.

1. *Крестечник*. Слово образовано по общему для всей промысловой лексики словообразовательному типу: *реалия* → *тот, кто занимается изготовлением реалии* (На шевальню роздал оброку годового за платие портным мастером и *крестечником* и ложешником и токарем и сапожником и кожевником 31 рубль 30 алтынъ безъ гривны. Кн. прих.-расх. К.-Бел. м. 1567 – Ник., OLXXX.)

2. Субстантивированное прилагательное *крестовая* – название помещения по совершаемому действию (*крестовая* – 'молельня, образная'; Д II, 191): Да в деревянныхъ в *крестовой*, в задней и в сторонней кѣляхъ ивъ сѣняхъ подволоки велѣтъ перебрать. Гр. Вол. 1694 – ОСВ VII, 101.

3. Сложное существительное *крестохранительница* (вместилище того, что названо первой основой): Въ *крестохранитель-*

ницѣ крестъ воздвизальной серебряной чеканной золочень. Кн. п. Уст., 49. 1683.

Проведенный анализ позволяет рассматривать лексему *крест* как полифункциональный термин, на что указывает его использование в терминосистемах различных промыслов.

При этом наблюдается частная реализация общего сакрального значения слова 'символ христианской веры' (СлРЯ XI-XII). Это объясняется расширением сферы употребления лексемы *крест*, включением ее в состав специальной лексики. Речевое употребление обуславливает подвижность сем в структуре лексического значения, в результате чего актуализируются либо семы предметно-понятийного характера, либо этнокультурный компонент.

ЛИТЕРАТУРА

Чайкина – *Чайкина Ю.И.* Об одной функциональной разновидности старорусского языка // Филологические науки, 2001, №1.

Мурьянов – *Мурьянов М.Ф.* Статьи Тита Бострского в Изборнике 1073 г. // Изборник Святослава 1073 г. : Сборник статей.–М., 1977.– С. 312

Принятые сокращения

АХУ I – Русская историческая библиотека. Т. XII, XIV. Акты Холмогорской и Устюжской епархии. Спб., 1890 – 1894.

АЮБ II – Акты, относящиеся до юридического быта России. Т. II. Спб., 1864.

ГААО СИФ — Государственный Архив Архангельской области. Справочно-информационный фонд

ГАВО — Государственный Архив Вологодской области

Д – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1981–1982.

Дьяченко – *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений): Репринтное воспроизведение издания 1900 года. М., 1993.

ЗОРСА – Записки отделения русской и славянской археологии Императорского археологического общества. Т. I-II. СПб, 1860-1861.

ИИАО – Известия Императорского Археологического общества. Вып. I-IV. СПб., 1861-1863.

МИГУВ – Устюг Великий. Материалы для истории города XVII- XVIII столетий. М., 1883.

Ник. – *Никольский Н.М.* Кириллов Белозерский монастырь и его устройство. Т. I. СПб., 1910

ОСВ – Описание свитков Вологодского Епархиального Древлехранилища. Вып. I-XIII. Вологда, 1899-1917.

РГАДА – Российский Государственный Архив древних актов

САС III – Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы. Вып. III. Вологда, 1973.

САСК (С) – Суворов И. Сборник актов Северного края XVII в. Вологда, 1925.

СлРЯ XI-XVII – Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1–23. М., 1975–2001.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд. М., 1986–1987.

**СИСТЕМА СОСТАВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ
С ОПОРНЫМИ СЛОВАМИ ЦЕРКОВЬ, ХРАМ
В «СЛОВАРЕ ПРОМЫСЛОВОЙ ЛЕКСИКИ СЕВЕРНОЙ РУСИ
XV–XVII вв.»**

Строительная лексика в «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» представлена целым рядом тематических групп: названия жилых и хозяйственных построек, городских, оборонительных укреплений, названия зданий культового назначения, названия строительных материалов, трудовых процессов, а также лиц, занимающихся строительством.

Значительную часть строительной терминологии в словаре составляет парадигма «Культовое зодчество». Центральными лексемами данной тематической группы, имеющей сложную иерархическую организацию, являются *церковь* и *храм*. Слова обозначают здание культового назначения и, следовательно, служат основой для формирования целого ряда видовых наименований; уточняют значение терминов других тематических групп (*храмовые бревна, церковный лес* и др.); кроме того, они способны участвовать в дефинициях терминов, с которыми вступают в отношения часть – целое:

АЛТАРЬ, м. Строит. *Восточная часть православного храма с престолом, отделенная иконостасом.*

ГЛАВА, ж. Строит. *Купол церковного здания в виде сферы или шара с конусообразно вытянутым верхом.* («Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» – Вып 1).

Слова *храм, церковь*, заимствованные соответственно из старославянского и греческого языков, появились в русской письменности в значении 'здание для богослужения' одновременно – в XI в. [Срезн. III: 1397, 1444]. Наиболее распространенной в XVI–XVII вв. стала лексема *церковь*, так как слово *храм* долгое время обозначало не только культовое здание, но и дом, комнату [Срезн. III: 1397; ср. *хоромы, хоромина*].

Письменные источники Северной Руси XVI–XVII вв. показывают, что при назывании здания для богослужения данные слова употреблялись как изолированно, так и в качестве главного компонента СН: В Чирцовъ пустыни поставлен *храм Живоначальные Троицы* (Гр. несудим. Мезенск. у. 1619, 3); А на погосте *церковь Верховные Апостолы Петр и Павел*. (Сотн. с кн. писц. Каргон. у.

1561–1562, 378); А в волостях *храм холодной* ветхой Николая Чюдотворца (Росп. ц. стр. Солов. м. 1635, 2); А на монастыре *соборная церковь* Воскресение Христово (Кн. отписн. Горицк. м. 1661, 263).

Анализ составных наименований (СН) с опорными словами *храм, церковь*, позволяет выделить ряд мотивировочных признаков, лежащих в основе семантики сочетаний:

1. Материал, из которого построено здание (дерево – камень).
2. Статус церкви (соборная – приходская).
3. Наличие – отсутствие отопления в здании.
4. Архитектурный тип церкви, определяемый, как правило, видом ее верхней части.
5. Вид нижней части церкви.

При описании здания для богослужения лексемы *храм, церковь* могли сочетаться как с одним, так и с несколькими прилагательными, обозначающими тот или иной мотивировочный признак.

Двукомпонентные СН можно представить следующим образом:

Ц (X) + М (материал)
Ц (X) + С (статус)
Ц (X) + О (отопление)

Ц (X) + А (архитектурный тип)
Ц (X) + Н (вид нижней части)*

Памятники севернорусских территорий XVI–XVII вв. свидетельствуют о том, что указание на материал, используемый при постройке церковного здания, – одно из необходимых условий описания его в документе. В зависимости от того, была церковь деревянной или каменной, определялись особенности ее архитектурного облика.

В картотеке словаря зафиксированы следующие СН с мотивировочным признаком 'материал': *храм деревяной, церковь деревяна, церковь деревяная*: В Саблине конце храм Рождество Ивана Предтечи деревяной (Кн. доз. Тот. 1620, 163); А на погосте церковь деревяна во имя Рождество Христово. (Кн. пер.-доз. Вол. у. 1589–1590, 117); Село Хрепелево, а в нем церковь деревяная (Кн. писц. Устюж. у. 1685, 186).

* В приведенных ниже схемах приняты следующие сокращения: М – 'материал', С – 'статус', О – 'наличие отопления', А – 'архитектурный тип церкви', Н – 'вид нижней части церкви'. Собственные наименования церкви в словаре не учитываются.

По размерам, значимости в жизни прихожан, статусу в церковной иерархии церкви делились на соборные, приходские, монастырские, кладбищенские, всеградские, домовые и т. д. К этой группе можно отнести название церкви, построенной на деньги населения: *церковь ружная* (от *руга* – из гр. гуга 'плата' – 'оклад денежный или хлебный, делаемый кому-либо для содержания', САР V, 1087). Данная группа представлена СН *храм приходской (приходский), церковь приходская (приходная), церковь соборная, храм ружный, церковь ружная*: Мѣстной образ Благовѣщение Святѣй Богородицы...и иные которые были образы были въ том приходском храму...дали (Дан. Устюж. 1614, 94); И сколько тех дворов, которые живут за властями и за монастырем и за приходскими церквами...жилые дворы б пустыми не писали (Наказ о пер. Тот. 1646, 79); Место церковное Николы Чюдотворца да место церковное Благовещения Пречистые Богородицы, церкви приходные, строение было мирское (Кн. доз. Белоз. 1617–1618, 52); На Беле ж озере на посаде соборные церкви Василия Кесарийского (Кн. доз. Белоз. 1617–1618, 48); Место церковное пусто Живоначальные Троицы, храм ружной, строение было мирское (Кн. доз. Белоз. 1617–1618, 59); В городе жъ церкви ружные: церковь Воскресение Христово да придѣль Василия Парийскаго (Кн. город. Вол. 1627–1628, 21).

Третью группу двукомпонентных СН с мотивировочным признаком 'наличие-отсутствие отопления' образуют сочетания *храм теплый, церковь теплая, храм холодный, церковь холодная, храм студеный, церковь студеная*: Дал... да теплый храм с трапезою Иван Богослов у Тотемской соли (Дан. Тот. 1579, 203); Селцо Кобылино, а в нем церков теплая Павел Обнорский (Сотн. с кн. писц. Вол. у. 1588–1589, 181); Порядилися делать холодного храму Живоначальные Троицы (Порядн. Троицк. в. 1661, 131); Срубить мне, Карпу на Щекинском погосте холодная церковь (Порядн. УВ 1672, 422); И они де обещались в тои пустыни воздвигнути студеной храм (Благослов. Важск. у. 1623, 690); Да другая церковь студеная верховных апостоль Петра и Павла (Вып. из кн. писц. Умбск. в. 1584–1585, 272).

По особенностям устройства верха, внешнего вида деревянные церкви делились на клетские, шатровые, ярусные, кубоватые, пятиглавые, многоглавые. В севернорусской деловой письменности XVI–XVII вв. существовали СН с опорными словами *церковь, храм* для обозначения сооружений только первых двух типов: *церковь клетски (клетки, клецки), храм клетци (клецки), храм*

клетчатый; церковь шатровая, церковь вверх шатром, церковь вверх.

Наречие *клетски* (*клетски*), образованное от прил. *клетский* – ‘прямоугольной формы’ [СлРЯ XI–XVII, 7: 167], употреблялось только в сочетании со словами *храм, церковь*, функционировало на всей территории Руси: Другой храм с трапезою клетски Николы чудотворца (Кн. отписн. Белоз. у. 1568, 128); В том же переулке церковь во имя Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа клетски с трапезою (Кн. писц. Тот. 1676–1679, 159).

Для обозначения данного типа храмов в качестве мотивировочного компонента СН выступает также прилагательное *клетчатый*: Храм Живоначальные Троицы клѣтчатой ветх (Оп. Авнежск. м. 1612, 383).

При описании церквей шатрового типа используются СН *церковь вверх шатром, церковь вверх* (*вверх*, наречие – ‘с суживающейся верхней частью, со сводом /об архитектуре церковных строений/’; СлРЯ XI–XVII, 2, 28): На том же монастыре церковь святого Ивана Златоустаго, вверх шатром (Кн. доз. Белоз. 1617–1618, 64); *церковь шатровая*: А в монастыре церковь во имя Пресвятыя Богородицы шатровая, о штинатцати стенах (Оп. Авнежск. м. 1642, 433).

Кроме того, сооружение шатрового типа обозначается СН *церковь круглая* (ср. *колокольная круглая*: Колокольная рубленая круглая, о осьми углах, верх шатровой 3 главой (Кн. писц. Тот. 1676–1679, 149)

Составные наименования для обозначения церквей других архитектурных типов в исследованных источниках Русского Севера не зафиксированы.

Двукомпонентные СН с мотивировочным признаком ‘вид нижней части церкви’ представлены сочетаниями *церковь поземная, церковь низменная, церковь на воротах*: Та церковь разобрать и сдѣлать вновь поземная, в вышину до сводов трех сажень (Гр. Вишерск. м. 1661, 177); Село Лубянцы, а в нем церковь Воздвиженья Честнаго Креста, рублена в угол низменная, крыта под один верх дранью (Кн. описн. Княг. у. 1672, 156); А в монастыре церковь на воротах Сергей Чудотворец (Кн. писц. Ант.-Сийск. м. 1587, 5). Значения данных СН можно представить в виде суммы сем: *церковь поземная, церковь низменная* – ‘церковное здание’ + ‘не имеющее’ + ‘нижней части’ (‘построенное непосредственно на

земле'). *Церковь на воротах* – 'церковное здание' + 'с нижней частью' + 'в виде ворот'.

Наименования церковного здания не ограничиваются двукомпонентными СН.: выделяются трех-, четырех- и пятикомпонентные наименования храма.

Семантическое содержание большинства трехкомпонентных наименований с главным словом *церковь* (*храм*) можно представить следующим образом:

$$\text{Ц (X) + М + А}$$

Сочетания, обладающие такой структурой, являются самыми распространенными в письменных источниках XV–XVII вв.; данный порядок компонентов строго зафиксирован. Это обусловлено тем, что архитектурный тип церкви зависел в первую очередь от материала, из которого изготовлено здание (дерево).

В рассматриваемую группу входят следующие сочетания: *храм деревян клетски*, *церковь деревяна (древяная) клетски* (*клетци*, *клецки*, *клетци*), *церковь деревяна в клетки*, *храм деревян вверх*, *церковь деревяна (древяная) вверх*, *церковь деревяна (древяная) вверх шатровая*, *церковь деревяна (древяная) шатровая*, *церковь деревяна (древяная) вверх шатром*, *церковь деревяная о пяти верхах*, *церковь деревяная о пяти главах*: У моря на лѣтней стороне въ Яренги церковь Николы чудотворца деревяная клетски с трапезою (Кн. отводн. Солов. м. 1635, 740); А впереду церковь деревяна в клетки во имя св. Великомученицы Параскевы (Кн. писц. Кунгурск. 1684, 115); А в селе храм Николо чудотворец деревян вверх (Кн. писц. Усольск. у. 1582, 8); А на монастыре церковь деревянна въверхъ шатром (Кн. писц. Ант.-Сийск. м. 1587, 5); Церкви обе были деревянные вверх шатровые (Кн. писц. УВ 1676–1678, 57); А на монастыре церковь Покров Святыя Богородицы древена шатровая (Кн. писц. Яренск. у. 1646, 5); В остроге ж церковь Прокопия Праведного деревяна о пяти верхах (Сотн. с кн. писц. УВ 1630, 6); Другая церковь деревянная о пяти главах с папертью (Кн. писц. Тот. 1676–1679, 164).

К трехкомпонентным наименованиям церковного здания также относятся сочетания, имеющие семантическую структуру, выраженную формулой Ц (X) + О + А (*храм теплый клетчатый*, *церковь теплая клетци*, *храм холодный клетский*): Да на монастыре храм другой теплой клетчатой (Кн. отписн. Чухченем. м. 1615,

496); Да на погосте церковь теплая клетцки Рождество Христово (Кн. пер.-доз. Вол. у. 1589–1590, 106); Храм холодный Воскресения Христова клетцки, да другой храм теплой Дмитрия Прилуцкого (Кн. писц. Тот. 1623–1625, 133).

В четырех- и пятикомпонентных наименованиях мотивировочные признаки сочетаются по-разному. Семантику многочленных номинаций церковного здания можно представить в виде моделей:

1. Ц(Х)+М+С+А
Ц(Х)+М+С+Н

3. Ц(Х)+М+А+В
Ц(Х)+М+А+Н

2. Ц(Х)+М+О+А
Ц(Х)+М+О+В*
Ц(Х)+М+О+Н

4. Ц(Х)+М+С+А+В
Ц(Х)+М+О+А+Н
Ц(Х)+М+О+А+В

Приведенные модели показывают, что мотивировочный признак 'материал', выраженный относительным прилагательным *деревянный*, является обязательным компонентом всех СН с главным словом *церковь (храм)*, он предопределяет наличие других мотивировочных признаков (например, каменная церковь не может быть клетской или шатровой).

Первую группу многокомпонентных наименований образуют следующие термины: *церковь деревяна ружная клетцки*; *церковь деревяна ружная вверх*; *церковь деревяная соборная о пяти главах*; *церковь деревяная соборная на взмостве*. Церковь ружная Преображение Господа нашего Иисуса Христа деревяная клетцки с трапезою (Кн. доз. Белоз. 1617–1618, 40); А на монастыре церковь ружная святого Илии Пророка деревяна вверх с папертми (Сотн. с кн. писц. Устюж. 1567, 141); Троицкой монастырь... а в нем соборная церковь Живоначальные Троицы деревяная о пяти главах (Кн. отписн. Троицк.-Устьшехон. м. 1660); А на монастыре церковь Рождество Пречистые Богородицы соборная древена на взмостве (Сотн. с кн. писц. Устюж. 1567, 137).

Во второй группе, куда входят сочетания *церковь деревяная теплая клетски (клетцки)*, *церковь деревяная теплая (холодная) вверх (шатровая)*, *церковь деревяная холодная о семи верхах* и

* В ряде случаев описание церкви дополнялось указанием на особенности верхней части здания, в частности, было необходимо уточнить общее количество глав церкви. Соответствующий мотивировочный признак в приведенных схемах обозначен буквой «В».

под., здание описывается с точки зрения наличия-отсутствия в нем отопления: Да церковь теплая Козьма и Дамиян деревяны клетцки (ПКЕВ 1585,38); Да теплая церковь с трапезою вверх древена Благовещение Пречистые Богородицы (ПКЕВ 1585, 129); В Лальском же острогъ церковь Николы чудотворца студеной деревяной верх шатровой (Кн. писц Усольск. у. 1625, 18); Церковь святой великомученицы Парасковей, нареченныя Пятницы, деревяная холодная о 7 верхах (Кн. писц. УВ 1676–1683, 83).

К третьей группе относятся СН, где мотивировочный признак 'архитектурный тип' дополняется описанием особенностей нижней или верхней части здания: *церковь древена клетски на подклетах* (ср. *церковь поземная*); *церковь деревянная клетски о трех верхах*: На площади у торгу церковь Вознесения Господа Бога, да церковь Богоявление Господа Бога древена клѣцки на подклѣтѣхъ (Сотн. с кн. писц. УВ 1630,9); Церковь Вознесения Христа деревянная клетцки о трех верхах (Кн. писц. Тот. 1676–1679, 135).

Пятикомпонентные наименования позволяли исчерпывающе описать строение церковного здания, то есть указать на особенности его внешнего вида: Да в старом же городище соборная церковь Покров Пречистые Богородицы деревяная клѣтцки о трех верхах (Сотн. с кн. писц. УВ 1630, 1); А на монастыре церковь теплая с трапезой и с келарскою Введение Пречистые Богородицы древена вверх на подклете (Сотн. с кн. писц. УВ 1630, 39); Церковь теплая деревянная клетцки о две главы Всемилоостивого Спаса вход в Иеросалим (Кн. писц. Тот. 1676–1679, 1).

В анализируемых сочетаниях постоянным является мотивировочный признак 'материал'. Наиболее активно участвуют в формировании номинаций церковного здания лексические единицы, обозначающие архитектурный тип, вид верхней (нижней) части здания. Лексемы с мотивировочными признаками 'статус' и 'отопление' в составе наименований употребляются нерегулярно. Это связано, прежде всего, с жанровыми особенностями памятников. На роль церкви (церковный статус) указывалось в документах, отражающих жизнь общины, процессы купли-продажи земли (данные, жалованные, купчие грамоты). В таких источниках лексема *церковь* (*храм*) обозначала не только здание, но и субъект общественных отношений. Более подробно говорится о храмах в писцовых книгах городов, описях церковных и монастырских строений, то есть в документах, где упоминаются церкви, играющие большую роль в жизни прихожан, поэтому в этих источниках

регулярны не только двучленные СН (С+П), но и сочетания более сложной структуры (трех-, четырех-, пятикомпонентные). Писцовые и переписные книги сельских местностей (уездов, волостей, монастырских вотчин) называют храмы только в связи с описанием погоста и близлежащих деревень, вследствие чего подробная информация о внешнем виде, устройстве здания в большинстве случаев отсутствует. В таких памятниках более активны двух-трехчленные наименования.

Порядок компонентов в проанализированных сочетаниях строго не зафиксирован, однако можно отметить некоторые закономерности.

1. В многочленных наименованиях церковного здания в качестве первого компонента в большинстве случаев выступает лексема *церковь (храм)*, реже слова, указывающие на статус церкви (*соборная, приходская*), и наличие-отсутствие отопления (*теплая, холодная*). Данные характеристики не зависели от того, деревянная церковь или каменная, чего нельзя сказать об архитектурных особенностях храма. В связи с этим в многочленных наименованиях церковного здания компонент 'архитектурный тип церкви' (*клетцки, вверх, клетчатый, шатровая* и т.д.) всегда следует за компонентом 'материал' (*деревяная, деревяной*).

2. Имя собственное – название храма, в многочленных устойчивых сочетаниях не закреплено за определенным местом, но можно отметить, что чаще оно употребляется после слов *храм, церковь*, занимает вторую позицию (см. таблицу). Как правило, порядок компонентов в составе многочленных наименований определяется значимостью их для формирования семантики СН, количество их обусловлено функционированием номинации в лексико-семантической системе старорусского языка.

Позиция в наименовании	1	2	3	4	5
Компонент					
Церковь (храм)	78%	21%	–	–	–
Название церкви (ИС)	–	42%	35%	10%	19%
Материал	–	6%	43%	42%	–
Статус	16%	6%	3%	–	–
Отопление	6%	25%	6%	7%	16%
Архитектурный тип	–	–	13%	41%	65%

В условиях отсутствия единой терминологии, литературных норм, в группе рассмотренных номинаций наблюдается варьирование языковых средств: «для начального этапа становления любой терминосистемы характерна синонимия как процесс подбора наиболее приемлемого слова» [Даниленко: 234]. Среди анализируемых СН можно выделить ряд лексических единиц с тождественной семантикой: *церковь – храм; храм холодный – храм студеный; церковь приходская – церковь приходная; церковь клетки – церковь в клетки; церковь вверх шатром – церковь вверх – церковь шатровая; церковь поземная – церковь низменная* и др.

Подобная иерархическая организация наименования строения, находит отражение и в других словарных статьях. Спецификой строительной терминологии является однотипность описания постройки: содержится указание на материал, используемый в строительстве (ср.: *колокольня брусаяная*), архитектурные особенности, где характеризуется нижняя или верхняя часть строения, (ср.: *башня воротная, башня проходная, башня глухая; изба наземная, изба плоская, изба поземная, изба на змосте, изба на подклѣте*), его форма (ср. *башня круглая; колокольня в четырех углах, колокольня круглая о осми стенах, колокольня о шести стенах, колокольня (рублена брусом) о четырех стенах, колокольня рубленая в замок на четыре угла*), некоторые особенности устройства (*анбарь глухой, анбарь двоедверный, анбарь двойной, анбарь двоежирный, анбарь двоестенный, анбарь о два житья, анбарь парникъ*). Кроме того, за счет формирования составных наименований может расширяться или изменяться семантика слова, возникает новое специальное значение. (ср. **ИЗБА** – 1. *Деревянная постройка, предназначенная для жилья.* 2. *Постройка производственного назначения* **Изба варничная, изба дрововозная, изба кожевенная, изба кожевная, изба кузничная, изба меховая, изба сапожная, изба токаренная, изба формовая, изба чулочная, изба шваленная).**

ЛИТЕРАТУРА

Даниленко – Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977.

САР – Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Т. I–V. — СПб., 1806–1822.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII веков. — Вып. 1–23. — М.: Наука, 1975–1996.

Срезн. — *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. — Т. I–III. — СПб., 1893–191.

Источники

Благослов. Важск. у. 1623 — Благословенная грамота патриарха Филарета Введенской Уздренской пустыни на постройку храма Николая Чудотворца

1623 г. // Сборник грамот Коллегии экономии. Т. II — Л., 1929 — С. 690.

Вып. из кн. писц. Умбск. в. 1584–1585 — Выпись из писцовой книги Умбской волости 1584–1585 гг. // Сборник грамот Коллегии экономии. Т. I — Л., 1929 — С. 272.

Гр. Вишерск. м. 1661— Царская грамота в Великий Новгород о построении вновь церкви в Вишерском монастыре на счет государевых дворцовых новгородских доходов 1661 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. IV. — СПб., 1837 — С. 177.

Гр. несудим. Мезенск. у. 1619 — Акты Сийского монастыря. — Архангельск, 1913. — С. 3.

Дан. Тот. 1579 — Данная в Троице-Сергиеву лавру попа Василия Михайлова на Тотемский Борисоглебский монастырь 1579 г. // Вологодские епархиальные ведомости. — 1869. — № 11. — С. 445.

Дан. Устюж. 1614 — Данная воеводы Ивана Урусова Успенскому монастырю в Устюжне Железопольской 1614 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. III. — СПб., 1836 — С. 94.

Кн. город. Вол. 1627–1628 — Боярская городовая книга г. Вологды 1627–1628 гг. // Сборник материалов для исторического и церковно-археологического описания Вологодской губернии (По документам и рукописям Московского главного Архива Министерства иностранных дел и его библиотеки). Сост. И. Токмаков. — Вып. 1. — Вологда, 1889 — С. 5–22

Кн. доз. Белоз. 1617–1618 — Дозорная книга города Белоозера "письма и дозору" Г.И. Квашнина и подьячего П. Дементьева (подгот. Ю.С. Васильевым) // Белозерье I. — С. 37–76.

Кн. доз. Тот. 1620 — Дозорная книга Тотьмы 1620 г. // Тотьма I. — С. 163.

Кн. описн. Княг. у. 1672 — Описная книга церквей Княгининского уезда 1672 г. (Сообщение иеромонаха Макария) // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Археологического общества. — Т. I. — С. 140–156.

Кн. отводн. Солов. м. 1635 — Отводная книга Соловецкому монастырю 1635 г. // Сборник грамот Коллегии экономии. Т. I — Л., 1929 — С. 730–754.

Кн. отписн. Белоз. у. 1568 — Отписная книга 1568 г. Белозерского уезда // Шумаков С. Обзор "Грамот Коллегии экономии". Вып. II. Тексты и обзор белозерских актов (1395–1758 гг.). — М.: Изд. Императорского об-

щества истории и древностей Российских при Московском ун-те, 1990. — С.128.

Кн. отписн. Горицк. м. 1661 — Отписная книга Воскресенского Горицкого девичьего монастыря 1661 г. отписчиков Кириллова монастыря черного попа Матвея и старца Герасима Новгородца игуменье Марфе Товарищевых (Подготовка к публикации Ю.С. Васильева) // Кириллов I. — С.261–288.

Кн. отписн. Троицк.-Устьшехон. м. 1660 — Отписная книга Троицкого Устьшехонского монастыря отписчика сына боярского Вологодского архиерейского дома Федора Блинова игумену Иоанну 1660 г. (подготовлена Ю.С. Васильевым) // Белозерье I. — С.93–107.

Кн. отписн. Чухченем. м. 1615 — Отписная книга пристава г. Архангельска Троице-Сергиеву монастырю на Николаевский Чухченемский монастырь

1615 г. // Сборник грамот Коллегии экономии. Т. I — Л., 1929 — С.496–497.

Кн. пер.-доз. Вол. у. 1589–1590 — Переписная дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589–1590 гг. (подготовил Н.И. Федышин) // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы. Вып. I — Вологда, 1971 — С.6–183.

Кн. писц. Ант.-Сийск. м. 1587 — Писцовая книга Антониева Сийского монастыря 1587 г. // ЧтОИДР. — 1878. — Кн. 3. — Отд. 2. — С. 5–30

Кн. писц. Кунгурск. 1684 — Кунгурская писцовая книга 1684 г. // Шишонко В. Писцовые книги Пермской губернии Соликамского и Кунгурского уездов. — Пермь, 1872. — С. 1–115.

Кн. писц. УВ 1676–1678 — Писцовая книга Устюга Великого 1676–1683 гг. // Устюг Великий. Материалы для истории города XVII–XVIII вв. — М., 1883. — С. 41–43.

Кн. писц. Устюж. у. 1685 — Пугач И.В. Писцовая книга Устюжно-Железопольского уезда 1685–1686 гг. // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского севера. — Вологда, 1992. — С.169–189.

Кн. писц. Яренск. у. 1646 — Писцовая книга Яренского уезда 1646 г. // ГАВО, ф. 883, оп. 1, № 22.

Наказ о пер. Тот. 1646 — Наказ из Устюжской чети о переписи Тотмы 1646 г. // Акты писцового дела. — М., 1977. — С.79.

Оп. Авнежск. м. 1612 — Мелетий, иеромонах. Исторические сведения об упраздненном Авнежском Троицком монастыре Вологодской епархии // Вологодские епархиальные ведомости — 1869. — № 12 (Прибавления). — С. 445–447.

ПКЕВ 1585 — Писцовая книга езовых волостей и государевых оброчных угодий Белозерского уезда 1585 г / Сост. В.С. Барашкова, З.В. Дмитриева, Л.С. Прокофьева. Под ред. А.Г. Манькова. — М.—Л., 1984. — 223 с.

Порядн. Троицк. в. 1661 — Порядная запись плотников Бориса Васильева сына Галактионова, Ондreja Титова сына Миронова и Константина Фомина сына Коростылева с церковным старостой Леонтием Парфеньевым и всеми крестьянами Троицкой волости на ремонт Троицкой

церкви // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Межвузовский сборник. – Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1989. – С. 131–132.

Порядн. УВ 1672 – Порядная запись устюжанина плотника Карпа Сметанина с причтом устюжского собора на постройку церкви в Щекинском погосте 1672 г. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы. Вып. II – Вологда, 1971 – С. 422–424.

Росп. ц. стр. Солов. м. 1635 – Роспись церковных строений Соловецкого монастыря 1635 г. // РГАДА, ф. 1201, оп. 5/1, № 47, л. 2.

Сотн. с кн. писц. Вол. у. 1588–1589 – Источники истории г. Вологды и Вологодской губернии. Список с писцовой книги г. Вологды 1629 г. – Вологда.: Типолитография Шахова, 1904. – С. 131–134.

Сотн. с кн. писц. Каргоп. у. 1561–1562 – Сотная на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я.И. Сабурова и И.А. Кутузова 1556 г. (подготовлена Ю.С. Васильевым) // Социально-правовое положение северного крестьянства. Досоветский период. – Вологда, 1981. – С. 95–136.

Сотн. с кн. писц. УВ 1630 – Сотная книга Устюга Великого 1630 г. // Устюг Великий. Материалы для истории города XVII–XVIII вв. – М., 1883. – С. 1–41.

Сотн. с кн. писц. Устюж. 1567 – Сотная с книги И.И. Плещеева и Григория Зубатова Никитина сына Беспятого на посад Устюжны Железопольской 1567 г. (подг. к печ. Ю.С. Васильевым и Н.П. Воскобойниковой) // Социально-правовое положение северного крестьянства. Досоветский период. – Вологда, 1981. – С. 136–178.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЗОНЫ ИСТОРИЧЕСКОГО КОРНЕВОГО ГНЕЗДА ГЛАГОЛА БРАТЬ

В данной статье рассматривается понятие «лексико-семантическая зона» применительно к единице исторического словообразования – историческому корневому гнезду.

Историческое корневое гнездо может иметь одну или несколько лексико-семантических зон, способных эволюционировать или же, наоборот, подвергаться инволюции.

Термин «лексико-семантическая зона», точнее, «семантическая зона» использовался в работах по исторической лексикологии для характеристики особенностей системной организации специальной лексики¹, в работах по общей морфологии при рассмотрении имени и глагола, точнее, при исследовании семантических граммем названных частей речи², в работах по словообразованию данный термин употреблялся для характеристики «непрерывного семантического пространства родственных связей слов, стоящих во главе словообразовательных гнезд» в составе лексического гнезда³. В современном словообразовании встречается и другой вид зоны – частеречная зона гнезда (СГ). По мнению Е.А. Карпиловской, «в частеречную зону гнезда входят слова, принадлежащие к одной части речи и связанные отношением формальной выводимости»⁴.

В нашей работе термин «лексико-семантическая зона» употребляется в другом значении, мы впервые используем его для описания лексико-семантической структуры исторического корневого гнезда и его эволюции.

Вершина ИКГ может быть однозначным или многозначным словом. При моносемии вершины в ИКГ формируется только одна лексико-семантическая зона, которая может эволюционировать или инволюционировать в истории языка. Если вершина ИКГ остается полисемантической на всем протяжении истории данного гнезда, то в каждый хронологический период она создает возможность параллельного образования нескольких частных словообразовательных гнезд. Производные различных частных СГ мотивируются разными лексико-семантическими вариантами (ЛСВ) исходного слова (вершины) ИКГ. Таким образом создаются различные лексико-семантические зоны ИКГ.

Однако лексико-семантические зоны общего СГ⁵ могут быть образованы на основе полисемии не вершины гнезда, а производных слов, находящихся на I и II ступенях словообразовательной производности. В таком случае общее СГ имеет общую и частные лексико-семантические зоны.

Таким образом, лексико-семантическая зона исторического корневого гнезда (ЛСЗ ИКГ) – это фрагмент ИКГ, под которым предполагается система производных слов в ИКГ, соотносительных с определенной номинативной сферой, например, терминологией рыбного промысла, терминологией рукоделия (ткачества, вышивания, шитья) и т.д.

В истории русского языка в структуре ИКГ глагола БРАТЬ, по предварительным данным, сформировалось 19 лексико-семантических зон: "собирательство", "ткачество", "вышивание", "шитье", "строительство из дерева", "рыболовство", "типографское дело", "выборы", "брак", "сбор налогов", "военная служба", "религия", "физиология", "перемещение в пространстве", "приобщение объекта", "грабеж", "воровство, кража", "захват военной добычи", "пушно-меховой промысел".

Чтобы более полно представить состав перечисленных лексико-семантических зон, рассмотрим несколько классификаций.

Группируя лексико-семантические зоны по тематическому принципу, мы видим, что они делятся на зоны, характеризующие материальную и духовную культуру человеческого общества. К первой группе относятся следующие лексико-семантические зоны: "собирательство", "ткачество", "вышивание", "шитье", "строительство из дерева", "рыболовство", "типографское дело", "сбор налогов", "приобщение объекта", "пушно-меховой промысел". Ко второй группе относятся такие лексико-семантические зоны, как "выборы", "брак", "военная служба", "религия", "грабеж", "воровство, кража", "захват военной добычи". Если лексико-семантические зоны "выборы", "брак", "военная служба" и "религия" характеризуются наличием определенных нравственно-этических норм, то другие зоны: "грабеж", "воровство, кража", "захват военной добычи" – их не содержат. В отдельную группу входят две ЛСЗ: "перемещение в пространстве" и "физиология". Они не относятся ни к материальной, ни к духовной культуре.

С точки зрения функционирования в языке все перечисленные выше лексико-семантические зоны делятся на три группы. В первую входят те ЛСЗ, которые не имеют ограничения сферы употребления: "перемещение в пространстве", "физиология", "приоб-

щение объекта", во вторую – терминосистемы: "ткачество", "вышивание", "шитье", "строительство из дерева", "рыболовство", "типографское дело", "выборы", "сбор налогов", "военная служба", "религия", "пушно-меховой промысел". Промежуточное положение занимают терминосистемы, имеющие широкую сферу бытования, например, лексико-семантическая зона "собирательство".

Количественный состав лексико-семантических зон является весьма различным. На одном полюсе расположена ЛСЗ "собирательство", содержащая в разные периоды своего развития от 16 до 111⁶ лексем, на другом – ЛСЗ "вышивание", включающая в себя в разные эпохи от 1 до 8 лексем.

Следующим принципом классификации лексико-семантических зон является характер словообразовательных отношений и словообразовательной структуры. Лексико-семантическая зона может соотноситься как с одним словообразовательным гнездом, так и с несколькими словообразовательными гнездами. Кроме того, ЛСЗ может иметь смешанную словообразовательную структуру, то есть она может состоять из производных, относящихся к фрагментам разных СГ внутри ИКГ или же из производных, часть которых относится к определенному СГ, часть – к фрагменту (или фрагментам) другого словообразовательного гнезда (гнезд) в составе ИКГ. Может быть и такой вариант, когда какая-то ЛСЗ представлена в ИКГ отдельным словом или словами.

Например, на старорусском диахроническом ярусе к лексико-семантическим зонам, состоящим из производных одного СГ, относятся следующие: "сбор налогов" (40 слов): *брати* 'взимать, отчуждать' (СРЯ XI–XVII, 1, 320–321), *выбрати* 'собрать, взять' (СРЯ XI–XVII, 3, 178), *выборъ* 'сбор, взимание' (СРЯ XI–XVII, 3, 180–181), *побрати* 'собрать, получить в каком-либо количестве, взимая со многих лиц' (СРЯ XI–XVII, 15, 134–135), *поборщикъ* 'сборщик подати' (СРЯ XI–XVII, 15, 133), *побирчи* 'сборщик податей' (СРЯ XI–XVII, 15, 127), *поборный* 'относящийся к побору' (СРЯ XI–XVII, 15, 132), и другие; "собирательство" (38 слов): *собирати* 'получать, добывая, беря в разных местах (поднимая с земли, срывая и т.п.), соединять в одном месте' // О сборе плодов урожая, растительных продуктов разного рода' (СРЯ XI–XVII, 23, 71–72), *сборщикъ* (посошный) 'лицо, ответственное за сбор посохи' (СРЯ XI–XVII, 23, 87–88), *сборщиковъ*, прил. 'относящийся к сборщику' (СРЯ XI–XVII, 23, 88), *сборщицишко* 'уничиж. к сборщикъ' (СРЯ XI–XVII, 23, 88), *сбирание*, *собираание* 'что-либо собранное' (СРЯ XI–XVII, 23, 70–71), *сборъ*¹ 'собираание, сбор', *сборъ*²

'то, что собрано (собрание, сборник)' (СРЯ XI–XVII, 23, 77) и другие; "рыболовство" (5 слов): *заборь* 'рыболовное сооружение из свай, забитых в дно реки, перегораживающее реку поперек' (СРЯ XI–XVII, 5, 137), *заборецъ* 'уменьш. к заборь' (СРЯ XI–XVII, 5, 137), *заборишко* 'уменьш.-уничижит. к заборь' (СРЯ XI–XVII, 5, 137), *заборный* 'прил. к заборь' (СРЯ XI–XVII, 5, 138), *заборщикъ* 'старший на промысле (при ловле семги забором)' (СРЯ XI–XVII, 5, 138); "ткачество" (6 слов): *брати*² 'ткать узорами' (СРЯ XI–XVII, 1, 321), *забирати* 'начинать изготавливать узорную (браную) ткань' (СРЯ XI–XVII, 5, 133), *забрь* 'ткань' (СРЯ XI–XVII, 5, 133), *забрчатый* 'тканый узорами, браный' (СРЯ XI–XVII, 5, 134), *забрчатина* 'узорная ткань домашнего производства' (СРЯ XI–XVII, 5, 133), *набирати* 'особым способом ткать узор' (СРЯ XI–XVII, 10, 19); "вышивание" (5 слов): *набирати* 'расшивать особым шитьем – набором' (СРЯ XI–XVII, 10, 19), *набрь* 'вид вышивки' (СРЯ XI–XVII, 10, 19), *наборь* 'вид вышивки' (СРЯ XI–XVII, 10, 21), *наборный* 'имеющий украшения из металлических блях, пластинок' (СРЯ XI–XVII, 10, 22), *наборчатый* 'то же, что наборный'. Из производных нескольких СГ состоят ЛСЗ "строительство из дерева" (СГ с вершиной *забрати* 'загородить, перегородить, построить, кладя бревна (или доски, жерди) в паз' (СРЯ XI–XVII, 5, 139), СГ с вершиной *заборь* 'забор, ограда из досок или бревен' (СРЯ XI–XVII, 5, 137), и слова *отобрати* 'отделить деревянной перегородкой, сделать деревянную перегородку' (СРЯ XI–XVII, 13, 286), и ЛСЗ "религия" (СГ с вершиной *собиралися* 'сходиться, съезжаться, сосредоточиваться в одном месте' // 'Устраивать собрания' (СРЯ XI–XVII, 23, 72), СГ с вершинами *соборь*_{11a} 'Синедрион, высшее судилище у древних евреев'; *соборь*_{11b} 'Совет, совещательный орган при царе'; *соборь*_{11r} 'собрание, съезд высшего духовенства для обсуждения церковных дел, собор'; *соборь*_{11d} 'собрание высшего духовенства при патриархе'; *соборь*_{11e} 'собрание монастырской братии (черный соборь)'; *соборь*_{11ж} 'собрание представителей и сословных групп для решения важнейших вопросов управления государством в России к. XVI–н. XVII вв.; *соборь*_{11з} 'собрание представителей городского населения как орган самоуправления в некоторых городах Западной Европы; *соборь*_{11и} 'собрание, сход, совещание вообще' (СРЯ XI–XVII, 16, 23) и ЛСЗ "выборы".

Из производных целого СГ и производных слов, относящихся к фрагментам нескольких гнезд, состоят лексико-семантические зоны "наборное дело" (СГ с вершиной *набирати* 'составлять текст

из типографских литер, делать набор' (СРЯ XI–XVII, 10, 19), в которое входят производные *наборъ*, *наборный*, *наборщикъ*, *наборщиковъ* и СЦ: *разобрати* 'пересматривая, разделить, распределить каким-либо образом' (СРЯ XI–XVII, 21, 232–233) → *разборъ* 'разбор литер по ящикам кассы после напечатания нескольких листов текста' (СРЯ XI–XVII, 21, 142–143) → *разборщикъ* 'служащий Печатного двора, проводящий разбор литер по ящикам кассы после напечатания нескольких листов текста' (СРЯ XI–XVII, 21, 143–144) и "перемещение в пространстве" (СГ с вершиной *брати* 'переносить, перемещать' (СРЯ XI–XVII, 1, 320–321) и производными *братина* 'сосуд в форме горшка, в котором подавались [разносились – И.Р.] напитки' (СРЯ XI–XVII, 1, 321), *братинка* 'небольшая братина' (СРЯ XI–XVII, 1, 322), *братиночка* 'уменьш. к братинка' (СРЯ XI–XVII, 1, 322) и другие, а также СЦ: *выбратися* 'выбраться' (СРЯ XI–XVII, 3, 182) → *выбиратися* 'несов. к выбратися' (СРЯ XI–XVII, 3, 178), *обратися* 'собратися' (СРЯ XI–XVII, 12, 143) → *обиратися*, 'собираться, сосредотачиваясь в одном месте' (СРЯ XI–XVII, 12, 55), *перебратися* 'переправиться (через что-либо)' (СРЯ XI–XVII, 14, 212) → *перебиратися* 'перебираться, переходить (куда-либо)' (СРЯ XI–XVII, 14, 210) и другие. Только с фрагментами отдельного СГ соотносится ЛСЗ "военная служба":

```

брати → vybrati → | vybrati
|
|  выборъ
|  выборщикъ
|  выборный (ИП) → выборный (ИС)
|  избранецъ
|  побрати → поборъ
|  прибрати → | прибрatися → прибиратися
|               |
|               |  прибирати → прибиратися
|               |  приборъ
|               |  приборщикъ
|               |  приборный (ИП)
|  разобрати → | разбирати
|               |
|               |  разборщикъ
|               |  разборъ → разборный
|  собрати → сборщикъ → сборщиковъ

```

Производные лексико-семантических зон "захват военной добычи" и "грабеж" соотносятся с производными одного СГ. Одним словом представлена не названная ранее ЛСЗ "суд" – *прибирати*

'готовить дело для судебного разбирательства' (СРЯ XI–XVII, 19, 93–94).

Четвертый принцип классификации лексико-семантических зон – это отношение лексико-семантических зон данного гнезда к лексическому составу всей семантической зоны языка. Согласно данному принципу лексико-семантические зоны ИКГ делятся на две группы. В первую входят ЛСЗ, где определенная номинативная сфера уже сформировалась. Во вторую – те, которые частично содержат лексик-у зоны.

Пятый, главный принцип классификации лексико-семантических зон ИКГ – это характер эволюционных процессов, происходивших в зонах. В соответствии с данным принципом ЛСЗ делятся на зоны, в которых отмечается развитие лексического состава, и зоны, характеризующиеся затуханием. Причем, по нашим данным, зон второго типа в ИКГ глагола *брать* больше, чем первого. Эволюция ЛСЗ ИКГ глагола *брать* изображена на диаграмме, которая представлена далее на с. 236.

Таким образом, в данной статье нами рассмотрено понятие «лексико-семантическая зона» в научной литературе и представлена наша трактовка данного термина применительно к историческому корневому гнезду. Кроме того, выделено пять принципов, которые способствуют систематизации исследуемого материала.

Итак, лексико-семантическая зона ИКГ – это один из фрагментов, который ранее не выделялся в структуре данного типа гнезда. Структурирование по лексико-семантическим зонам позволяет подробнее рассмотреть номинативный потенциал исторического гнезда и его эволюцию.

Эволюция лексико-семантических зон ИКГ глагола БРАТЬ.

Т (диахрон.) ярусы																				
XX-XXI вв. соврем.	30	2	1	9	3	18	10	16		7	5	1	9	8	6	10	15			
XIX в.	111	7	8	25	27+ 10*	42	21	40		44	18	1	17	29	13	10	19			
старорус.	38	6	5	5	40	23	32	11		14		4	15	11	5	15	9	3		
древнерус.	16	2	2	2	20	7	19	4					12							
прасл.	19	26	4	3	2	12	9	5	3	3	10	4	3							
	действ. примощ.	соби- рате- льство	тве- чест- во	выши- вание	шитье	сбор- нало- гов	выбо- ры	брак	пере- меще- ние	физн- оло- гия	гра- бёж	воров- ство, кража	захват воен- добы- чи	рели- гия	стро- ите- льство из дерева	рыбо- лов- ство	воен- ная служ- ба	типо- граф- ское дело	пушно- мехо- вой промы- сел	ЛС ЗОНЫ

* слова даны в словаре Даля с пометкой - "стар."

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цыцылкина Л.А. Лексика церковного деревянного зодчества Северной Руси XVI–XVII веков (К проблеме лексико-семантического поля) / АКД. Вологда, 1998.

2. Плуныян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М., 2000

3. Тихонов А.Н. Лексические и словообразовательные гнезда как единицы сравнительного изучения восточнославянских языков // Теоретические и методические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. М., 1994. – С. 148–161, 157.

4. Карпиловская Е.А. Конструирование глагольных зон СГ (на материале украинских глаголов звучания). Дисс.... канд. филол. наук. Киев, 1986. – С. 14

5. В каждый исторический период гнездо, образованное на основе исходного слова (вершины), считается нами общим.

6. Такое большое количество лексем в ЛСЗ в XIX веке объясняется тем, что основным источником для сбора материала был «Толковый словарь...» В.И. Даля, содержащий, как известно, много диалектных слов.

МЕТОД ГНЕЗДОВАНИЯ СЛОВ В РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Изучение структурных особенностей слов в русских говорах предполагает сопоставление этих слов с другими однокоренными словами, функционирующими в диалектной системе, то есть структурирование и анализ *диалектных корневых гнезд*. Метод гнездования слов достаточно давно применяется в исследованиях по русской диалектологии в связи с решением различных задач диалектной лексикологии и грамматики. В данной работе рассматриваются различные опыты гнездования слов. Ее цель – проанализировать различные подходы к использованию гнездового метода, охарактеризовать методику формирования и описания диалектных корневых гнезд (далее ДКГ), рассмотреть проблемы использования гнездового метода в диалектологии и возможные варианты решения этих проблем.

Первым значительным опытом гнездования слов является «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (1863–1866 гг). Будучи самым полным словарем русского языка (более 200 тыс. слов), он вместил в себя все многообразие лексики живого разговорного языка первой половины XIX века и явился «энциклопедией русской жизни», сокровищницей народной мудрости, народного быта, обычаев и традиций [1].

Наиболее удобным для расположения слов В. И. Даль считал совмещение алфавитного и гнездового принципов построения словаря: «Именной и голый список всех азбучных слов, по азбучному порядку, крайне растянут и утомителен... Расположение по корням – и опасно, и недоступно... Я избрал путь средний: все одногнездки поставлены в кучу, и одно слово легко объясняется другим» [Д, XXXV]. Это, по мнению В. И. Даля, было закономерным решением, так как «... за исключением малого числа речений, примешавшихся со стороны и забившихся, по азбучному праву, меж чужой им семьи, все остальные, целыми купами, показывают очевидную семейную связь и самое близкое родство...» [Д, XIX]. Выбрав алфавитно-гнездовой принцип расположения слов, автор словаря получил возможность толковать не отдельное слово, а целый семантико-символический комплекс, дать концептуальное описание многих ключевых понятий русской духовной и материальной культуры. Так, в словарной статье слова *белый* толкуются родственные ему слова: *белесый, белизна, белок, бельмо, бельё,*

белить, белила, белокурый и др. Среди слов этого гнезда – фольклорные *белоярова пшеница* и *бел-горюч камень*, названия животных, птиц, рыб и растений (*белек, белорыбица, белуга, белка, белоус*), наименования людей по роду занятий (*белошвея, беломойка* 'прачка', *белоторговец* 'торгующий панским (привозным, дорогим) товаром', *белопашец* 'крестьянин, свободный от податей и повинностей'). Здесь же толкуются устойчивые сочетания слов: *белые стихи* 'стихи без рифм, мерные строки', *'белая горячка* 'внезапное помешательство при видимом, впрочем здоровье, сумасшествие с перепоею, коли кто допьется до чертиков', *беленько вам* 'привет прачке, как хлеб-соль, бог на помощь' и др. Комментарии автора и иллюстрации словарных статей позволяют проникнуть в глубину народного восприятия белого цвета и связанных с ним явлений: *«Народ называет белым веру свою царя и отечество»*, *«На белой Руси не без добрых людей»*, *«Черное к белому не пристанет»*, *«Рубаха черна, да совесть бела»*, *«Всякому свое и не мыто бело»* и др.

Являясь сторонником демократизации языка, В. И. Даль последовательно защищал идею создания литературного языка на народной основе. «Пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный, – пишет автор в «Напутном слове», – у нас еще нет достаточно обработанного языка, и ... он должен выработаться из языка народного» [Д, XIV]. В словаре В. И. Даля впервые в русской лексикографической традиции на равных основаниях толкуются общенародные и диалектные слова.

Рассуждая об особенностях слов отдельных наречий русского языка, В. И. Даль обращает внимание на единство корневого и аффиксального фонда общеупотребительной и диалектной лексики русского языка: *пеу'н* 'петух' (нвг.), *даси'* 'дашь' (нвг.), *поли'ца* 'полка' (твер.), *ро'бить* 'работать' (олон., влгд.), *сдиво-ва'ться* 'удивиться' (перм.) и др. [Д I, LI–LII]. Формирование общерусских лексических гнезд в составе словаря позволяет, по мнению автора, «просмотреть сряду слова, самые близкие и сродные, чтобы освоиться с основным значением слов этого корня, ... оглянуть закон и порядок словопроизводства, чтобы осмыслить речь свою...» [Д I, XIX]. Говоря о том, что областные слова «выросли на русском корне, много способствуют уразумению и обогащению языка» [Д I, XXIV], В. И. Даль впервые начинает рассматривать их не изолированно, а в качестве компонентов единой словообразовательной системы русского языка. Так, в результате

сопоставления с диалектными словами проявляется морфемная и словообразовательная структура многих общеупотребительных слов.

Ва'жный, стар. **ва'жкий**, **важко'й** юж. 'увесистый, тяжелый, веский'; 'уважительный, значительный, требующий особого внимания, уважения'; осанистый, знаменитый, величественный, степенный, гордый'; кур. тмб. 'отличный, прекрасный, превосходный' [Д I, 159]. — Ср.: **Ва'га** вор. кур. сар. 'тяжесть, тягота, вес' [там же].

Верзи'ла, об. 'рослый, но неуклюжий человек; оглобля, верста, коломенская верста, долговязый, долгай, жердяй'. [Д I, 181]. — Ср.: **верзи'ть** и **верзти'**, юж. 'говорить или делать что продолжительно, но беспутно, бестолково'; 'врать, лгать, говорить пустяки' [там же].

Ту'ловище 'тело без головы, без рук и без ног, кроющее (тулящее) в себе полости: грудную, брюшную и тазовую, со всеми черевами их'. *Не туловище к рукам-ногам, а руки-ноги к туловищу приставлены.* **Ту'ля** 'часть шапки и шляпы, покрывающая голову сверху ...' [Д IV, 442]. — Ср.: **ту'лить** что, **туля'ть**, **тули'ть** юж. зап. 'крыть, покрывать, слонить, заставлять, выставлять для закрышки, скрывать, прятать' [там же].

Наблюдая за словообразовательными связями общерусских и диалектных слов, В. И. Даль замечает: «Рассматривая эти родственные отношения ближе, мы находим, что такая связь представляет в нашем языке особый и общий закон, который дает нам неизменные правила образования слов...» [Д I, XIX]. Конкретизируя характер таких связей, автор словаря описывает последовательность расположения в гнезде производных слов. Эта последовательность во многом сохраняется в современных словообразовательных словарях литературного языка и отдельных территориальных диалектов. См., например, СГ глагола *тулить* в интерпретации Л. А. Шелеповой [2].

ту'лить → крыть, укрывать, скрывать, прятать' (юж., зап.)	ту'л(о)	ту'лово 'туловище' → (вят., арх., волог.)	ту'ловище
	'туловище' (волог.) →		
	ту'л(а) 'скрытое, недоступное место для защиты или заточения'		
	ту'литься, ту'ляться		
	'скрываться, сторониться людей, избегать' (волог., смол., олон.); 'прятаться' (арх., пск.)		
	вту'лить,	вту'ло	вту'лка
	втуля'ть →	'втулка' (вят.) →	
	'вкладывать внутрь' (пенз.)	вту'литься, втуля'ться	
		'прятаться' (пск.)	

зату'пить → 'прикрыть, скрыть' (арх., сарат., ворон.)	зату'ла → 'растягиваемая рыбаками на лодке заслона (арх.)	зату'лка 'место, где можно спря- таться (сарат.), 'перед- ник' (моск.), 'запор' (ряз., сарат.)
уту'пить, утуля'ть → 'скрыть, спрятать'	уту'лка, уту'лок 'втулка' (юж., зап.) уту'льчивый 'робкий'	

Включение диалектных слов в состав гнезд «Толкового словаря великорусского языка» позволяет выявить диалектные особенности морфемной синтагматики. Они проявляются в более широкой сочетаемости общеязыковых морфем в структуре диалектных слов: *певу'н* ярс., влд., *пе'вень* юж., дон., *пе'вел* орл., *пеу'н* нвг., кстр., *пету'н* пск., твр., смл. [Д, III, 550], а также в возможности их сочетаемости с диалектными морфемами различного ареала употребления: *быга'ть* прм., влгд., вят., сиб. 'просыхать, сохнуть, чахнуть на ветру' [Д, I, 148] – *вы'быга'ть* [Д, I, 280], *добыга'ть* [Д, I, 446] *забыга'ть* влгд. [Д, I, 556], *обы'гать* сиб. [Д, II, 2,636], *подбы'гнуть* вост. [Д, III, 162], *пробы'гать* сев., вост. [Д, III, 470].

Вслед за словарем В. И. Даля алфавитно-гнездской способ расположения словарных статей повторили многие диалектные словари конца XIX–начала XX века.

Переболокать, гл. дейст. Тоже «*Переболокчи*» – *переодеть одежду на себе, сменить одежду*. «На дню *переболокалась* не один раз. – Подболочка сыра, надо *переболокчи*» [Васнецов, 202].

Переболочь

Бучить, отбучить, взбучить. *Бить, дуть, колотить*. Спину набучили, долго припомнит. [Герасимов, 23]

Описывая гнезда своего словаря, В. И. Даль решительно отказывается от собственно корневого принципа, справедливо считая, что «корнесловный словарь может только повершит ряд словарей вполне обработанного розысками языка, как особый ученый труд, по заготовленным запасам ..., потому что знание корней образует уже по себе целую науку и требует изучения всех сродных языков» [Д XIX]. Построению таких гнезд и изучению характера исторических связей родственных слов посвящены этимологические исследования, важную часть которых составляет диалектная лексика. Она служит необходимым фоном этимологических

Диалектная и общерусская лексика может рассматриваться на равных основаниях в структуре этимологических гнезд. Недифференцированный подход к изучению семантико-словообразовательных связей однокоренных слов позволяет изучить динамику лексического состава и структуры этих гнезд в русском языке, описать особенности семантико-словообразовательных связей слов на отдельных этапах развития русского языка. Данный подход реализуется в работах Л. В. Соколовской (гнездо с вершиной -лук- // -луч-), Н. В. Галиновой (гнезда слов со значениями «гнуть, вертеть, вить») [5], на страницах «Этимологического словаря славянских языков» и «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера.

Исторические связи слов могут изучаться и на материале более частных совокупностей территориальных диалектов. Так, в «Материалах для диалектного этимологического словаря» А. С. Герда определяются время и источники появления слов в системе ладого-тихвинских говоров. В составе гнезд этого словаря рассматривается только территориально ограниченная лексика говоров исследуемой группы.

Ба'сельник, ба'сельница. *Умелый рассказчик, сказитель.* Кириш., Люб. + Онеж.: *сплетница* Кад.; арх. **ба'сельница** *сплетница* Кон.; волог. *Вож.*; СРНГ: **ба'сельник** Кадн., Волог., Кирил., Новг. *Собств. Новг.* От *басить говорить, болтать*; ср. в ЭССЯ **basiti* [Г., 95,89].

Бу'райдать. *Петь, шептать, говорить во сне.* Лод.; СРНГ: **бурайдать** *ворчать* олон. и **бурандаты** *ворчать* Кириш.; СРНГ: Сев., Лодейноп., Ленингр. *Собств. новг.* от рус. **бурчать** по продуктивной модели образования глаголов на **-андать (-айдать)** [там же, 97].

Формально-семантические связи слов в современных русских говорах также являются предметом описания в работах диалектологов и требуют выявления и описания диалектных корневых гнезд. Решение этой задачи связано с решением нескольких проблем.

Первую проблему составляет *определение лексического состава гнезда*. В зависимости от конкретных задач диалектологических исследований в него могут включаться или все этимологически родственные слова, или только те, у которых на синхроническом уровне выделяется общий корень, или только такие из них, которые связаны отношениями линейной словообразовательной производности. Точное соблюдение этих условий не все-

гда возможно в силу крайней сложности отождествления диалектных корней и определения характера отношений однокоренных слов в диалекте. Так, в «Опыте диалектного гнездового словообразовательного словаря» в качестве вершин одного словообразовательного гнезда рассматриваются слова *бачить* и *баять* [Опыт, 21], *блудить* и *блукать* [Опыт, 39], в качестве производного от *будать* 'бодать' рассматривается глагол *забусти* (← *бусти* 'бодать' [СРНГ, 3, 307]). Это может считаться нарушением общего принципа составления словообразовательного словаря, но вместе с тем позволяет выявить важные особенности функционирования однокоренных слов в диалекте, в частности, системность их недеривационных отношений.

Выявление отношений недеривационного типа в диалектном корневом гнезде порождает еще одну проблему его описания – необходимость учета как деривационных, так и недеривационных связей однокоренных слов. В соответствии с этим появляется необходимость разграничивать различные структурные части гнезда: *деривационную*, все компоненты которой связаны отношениями словообразовательной производности, и *недеривационную*, в которую войдут непроизводные однокоренные слова (как правило – вершины самостоятельных словообразовательных гнезд внутри корневого). Такие гнезда, в противоположность собственно словообразовательным (деривационным), могут быть названы гнездами смешанного типа (см., например, КГ с вершиной *-куч-* // *-куч-* в вологодских говорах).

куч/и/ть →	кучить-ся → 'усиленно просить, докучать просьбами' [СВГ, 4, 27] напро- кучить 'наскучить' [СВГ, 5, 62]	до-кучиться → 'добиться сво- его' [СВГ, 2, 38]	докуч-а'-ться 'добиваться' [СВГ, 2, 38] докуч-ива-ться 'добиваться' [СВГ, 2, 38]
		по-кучиться 'попросить' [СВГ, 7, 133]	
до/куч/а'ть →	докуч-а 'неприятность' [СВГ, 2, 38]		

Следующей важной проблемой изучения ДКГ является определение *степени его полноты*. Наиболее продуктивным для изучения диалектных гнезд будет недифференцированный подход к определению лексического состава. Он позволяет представить полный набор единиц и отношений однокоренных слов в гнезде и тем самым составить адекватное представление о его функцио-

нировании в говорах. Вместе с тем для изучения недифференцированного состава ДКГ часто не хватает лексикографических данных. Поэтому таким исследованиям должны предшествовать или составление полного словаря исследуемых говоров, или специальные экспедиционные наблюдения, направленные на выявление полного состава отдельных ДКГ.

Полнота ДКГ зависит также от того, на каком уровне диалектной системы рассматривается ДКГ, иначе говоря, от *степени его сводности*. Как правило, в диалектологии рассматриваются гнезда сводного типа, объединяющие данные всей диалектной системы или группы говоров. Не менее перспективным может быть и другой подход: изучение одного ДКГ с последовательным определением его состава и структуры на разных уровнях диалектной системы. Это позволит представить реальное функционирование гнезда в условиях конкретного говора или в индивидуально-речевом употреблении.

Характерной особенностью функционирования слова в говорах является его формально-семантическое варьирование и, соответственно, варьирование основ и морфем в его составе. Это также порождает ряд проблем структурирования и описания ДКГ. Так, например, в «Опыте диалектного гнездового словообразовательного словаря» отдельно рассматриваются гнезда фонематических вариантов корня (КГ₁) и словообразовательные гнезда, образованные от одного производящего в его различных значениях. (КГ₂).

КГ ₁ : БОДА'ТЬ, БОДЛА'ТЬ, БОСТИ', БУДА'ТЬ. Бодать [Опыт, 42–43].	
БОДА'ТЬ	
I. 1. ЗА-БОДА'ТЬ. Довести действие до нежелательного результата.	
2. БОД-НУ'-ТЬ (-а- отсек.). Однократно совершить действие.	
3. БОД-ОВА'-ТЬ (-а- отсек.). Совершать действие длительное время.	
II. 1. БОД-А'Ч (-а- отсек.). Животное по склонности к действию.	
2. БОД-У'ЧК-А (-а- отсек.). Животное по склонности к действию.	
III. 1. БОД-ЛИ'В-ЫЙ (-а- отсек.). Склонный к действию.	
2. БОД-У'Ч-ИЙ, БОД-У'Щ-ИЙ (-а- отсек.). Склонный к действию.	
3. БЫД-А'Ч-ИЙ (-а- отсек.). Склонный к действию.	
БОСТИ'	
I. 1. ЗА-БОСТИ'. Довести действие до нежелательного результата.	ЗАБОСТИ'-ТЬ. ЛТ ЗАБОСТИ'.
2. ИЗ-БОСТИ'. Интенсивно совершить действие.	
3. БОСТИ'-СЬ. ЛТ БОСТИ'.	
4. БОСТИ'-ТЬ-СЯ. ЛТ БОСТИ'.	

БУДАТЬ	
I. 1. ЗА-БУСТИ' (д/с, -а- отсек.). Довести действие до нежелательного результата.	
2. БУДАТЬ-СЯ. ЛТ БУДАТЬ.	
II. БУД-А'Ч (-а- отсек.). Животное по склонности к действию.	1. БУДА'Ч-КА. Животное по склонности к действию. 2. БУДА'Ч-И-ТЬ. Совершать характерные для животного действия. 3. БУДА'Ч-ИЙ. Склонный к действию.
III. БУД-У'Ч-ИЙ (-а- отсек.). Склонный к действию. ЛТ БУДА'ЧИЙ.	

КГ ₂ : ГЛУХО'Й ₁ . Полностью или частично лишенный слуха [Опыт, 126-127].		
I. 1. ГЛУХ-ОВА'Т-ЫЙ. Обладающий в уменьшенной степени качеством.		
2. ГЛУ'Х-ОНЬК-ИЙ. Обладающий в уменьшенной степени качеством.		
IV. 1. ЗА-ГЛО'Х-НУ-ТЬ (у/о). Приобрести признак.		
2. О-ГЛУШ-И'-ТЬ (х/ш). Наделить признаком.		
3. О-ГЛО'Х-НУ-ТЬ (у/о). ЛТ ЗАГЛО'ХНУТЬ.		
V. 1. ГЛУХ-А'РЬ. Птица по подобному признаку.	1. ГЛУХАР'-А'Т-А. Детск.	
	2. ГЛУХАР'-И'Х-А. Жен.	
	3. ГЛУХА'Р-ИЙ. Принадл. предмету.	
	4. ГЛУХАР'-И'Н-ЫЙ. Относящ. к предме- ту.	ПО-ГЛУХАРИ'Н-ОМУ. Адverb. признак.
	5. ГЛУХАР'-О'В. – ЛТ ГЛУХА'РИЙ.	
2. ГЛУХ-Н'-А'. Лицо по признаку.		
ГЛУХ-О'Н'-А. Лицо по признаку.		
ГЛУХ-Ы'Н'-А. Лицо по признаку.		
3. ГЛУХ-О'ТИН-А. Лицо по признаку.		
4. ГЛУХ-О-НЕМОЙ. Лицо, характеризующееся признаками.		
ГЛУХО'Й ₂ . Безветренный.		
V. ГЛУШЬ (х/ш). Определенный признак.		
ГЛУХ-ОТ-А'. Определенный признак.		
VI. ГЛУ'Х-О. Адverb. признак.		
ГЛУХО'Й ₃ . Густо, сплошь заросший.		
IV. ЗА-ГЛУШ-И'-ТЬ (х/ш). Наделить признаком в нежелательной степени.		
V. 1. ГЛУШ-И'Н-А (х/ш). Место по признаку.		
2. ГЛУШ-НЯ'К (х/ш). Место по признаку.		
3. ГЛУХ-ОТ-А'. Место по признаку.		
ГЛУХО'Й ₄ . Совершенно закрытый.		
IV. ЗА-ГЛУШ-И'-ТЬ (х/ш). Наделить признаком.		
VI. 1. ГЛУ'Х-О. Адverb. признак.		

2. В-ГЛУ'Х-У, В-ГЛУХ-У'. Адверб. признак.
3. НА'-ГЛУХ-О. Адверб. признак.
ГЛУХО'Й ₅ . Безлюдный, находящийся в глуши.
V. 1. ГЛУШ-И-Н-А, ГЛУШ-ИН-А' (х/ш). Место по признаку.
VI. ГЛУ'Ш-Н-О (х/ш). Адверб. признак.

Подводя итоги описания гнезд однокоренных слов в работах по русской диалектологии, следует заметить, что одну из существенных проблем представляет графическая интерпретация ДКГ и их разноаспектный комментарий. В качестве одного из вариантов возможного описания диалектного корневого гнезда далее приводится ДКГ с корнем *-бог-* // *-буг-* // *-быг-* в русских народных говорах.

бы'гать →

'сохнуть, высы-
хать на ветру, на
морозе
(обычно о белье)
(влгд., перм.,
свердл., вят.,
том., тобол.,
яросл., забайк.,
сиб., алт., ирк.,
енис.);

'портиться на
ветру' (влгд.,
вят., перм., сиб.);
'таять' (забайк.,
амур.),
'тратиться' (за-
байк.);
'протрезвляться'
(сиб.) [СРНГ,
3,339]

вы'быгать →

(*вы'богать*,
вы'бугать)
'просохнуть на ветру
или морозе' (перм.,
урал., челяб.,
вят., влгд., сиб.,
енис., том.)
[СРНГ, 5, 250, 254,
257]

за-бы'гать →

'потерять свежий вид, обветрить-
ся' (влгд., сиб., забайк. + тобол.,
сиб., вят.) [СРНГ, 9, 287-288]

о-бы'гать →

'вывертиться
на морозе'
(кемер., то-
бол. + новосиб.,
бурят., ирк.)
[СРНГ, 22, 281]

от-бы'гать
24, 125]

**пере-бы'гать*

→
по-бы'гать →
'посохнуть' (влгд.)
[СРНГ, 27, 212]

выбы'г-ива-ть₁

'просыхать на ветру, на морозе'
(перм., урал., челяб., вят., влгд.,
сиб., енис., том.) [СРНГ, 2, 250]
выбы'гать-ся
'высохнуть, просохнуть на ветру'
(влгд.) [СРНГ, 2, 250]

забыгА'ть₁ 'сохнуть'
(урал., том., сиб.)
[СРНГ, 9, 288]

обыгА'ть₁

'просыхать на ветру' (сиб., тобол.,
енис., бурят., якут., ирк., том., амур.)
[СРНГ, 22, 281]

обы'гать-ся 'подсохнуть' (красноярск.,
том., сиб. + челяб., тобол., новосиб.,
курган., кемер.) [там же]

обы'г-л(ый)₁ 'слегка занесенный снегом
(о следе зверя)' (урал.) [СРНГ, 22, 282]

'подсохнуть на ветру' (новосиб.) [СРНГ,

перебыгА'ть 'просыхать, подсыхать (о
сене)' (влгд.) [СРНГ, 26, 37]

побыгА'ть 'просыхать' (петрогр.,
хабар., перм., енис.) [там же]

*бы'з/ну/ть →	под-бы'згать →	подбызАть ₁	'просыхать' (сиб., камч., амур., читин., бурят., ирк., краснояр.) [СРНГ, 27, 347]
	'подсохнуть' (сиб., вост., урал., свердл., влгд. + новосиб.) [СРНГ, 27, 347]	подбы'з-ива-ть ₁	вост 'просыхать' [там же]
	вы'-бызнуть (см. вы'бызгать) →	выбы'з-ива-ть ₂	
	за-бы'знуть (см. забы'згать) →	забыз-а'-ть ₂	
	о-бы'знуть (см. обы'згать) →	обыз-а'-ть ₂ обы'з-л(ый) ₂	
	под-бы'знуть (см. подбы'згать) →	подбыз-а'-ть ₂ подбы'з-ива-ть ₂	

Комментарий

1. *Характер вершины ДКГ, особенности его лексического состава.* Вершиной ДКГ является диалектный корень -бог-/-буг-/-быз- (быгалны 'сохнуть'(коми) [СРНГ, 3, 339]), значение которого связано с изменением качественного состояния ('становиться сухим, жестким, твердым'). Гнездо составляют 20 глаголов инхоативной семантики (бы'згать 'сохнуть' и его производные) и 1 отглагольное прилагательное (обы'злый 'слегка занесенный снегом'). В ДКГ не входят слова с формально соотносительными корнями -бог- // -буг- // -быз- общеславянского происхождения (обуга'ться, обыга'ться, обога'ться 'укрываться' [СРНГ, 22, 281] ← *bъgati [ЭССЯ, 3, 115]). Все слова данного ДКГ имеют севернорусский ареал распространения.

2. *Структурный тип ДКГ.* Данное гнездо имеет смешанную структуру. Большая часть его компонентов связана деривационными отношениями и образует словообразовательное гнездо с вершиной бызгать (СГ¹). Кроме них, в ДКГ выделяются глаголы с суффиксом -ну- (вы'бызнуть, забы'знуть, обы'знуть, под-бы'знуть), по соотношению с которыми в ДКГ может быть реконструирована и другая вершина словообразовательного гнезда (СГ²) – непроизводный глагол *бы'знуть (ср. мо'кнуть, мерзнуть). Таким образом, компоненты ДКГ связаны как деривационными отношениями (бы'згать → вы'-бызгать → вы'бызгать-ся), так и отношениями недеривационного типа (бы'згать – *бы'знуть). Словообразовательные гнезда внутри ДКГ имеют однотипную структуру, включают в себя две ступени производности, на первой из которых образуются глаголы совершенного вида (о-бы'згать), на второй – соотносительные с ними имперфективные (обыз-А-ть), возвратные глаголы (обы'згать-ся), а также отглагольное прилагательное (обы'з-л-ый). В структуре СГ отмечаются

случаи словообразовательной синонимии (*от-бы'гать*, *под-бы'гать* 'подсохнуть на ветру') и множественности словообразовательной структуры слов (*подбыгАть₁* и *подбыг-а-ть₂*).

3. Семантика ДКГ. Все компоненты ДКГ имеют общий инхоативный компонент значения. Развитие производных значений глагола *бы'гать* ('портиться на ветру', 'протрезвляться') мотивировано его основным значением ('сохнуть, высыхать на ветру, на морозе'); полисемия производящего слова наследуется его производными (*вы'-быгать* 1) 'просохнуть на ветру, на морозе', 2) 'отрезвиться'). Следует также отметить, что семантика компонентов ДКГ более разнообразна в говорах территорий позднего заселения, что, возможно, обусловлено активностью межъязыковых контактов. Знаком + присоединяются сведения о распространении слов в их производных значениях (*вы'-быгать* 'отрезвиться', *о-бы'гать* 'отдохнуть, оправиться на свежем воздухе' и др.).

4. Выводы. Корневое гнездо с вершиной *-бог-* // *-буг-* // *-быг-* объединяет семантически соотносительные слова с общим заимствованным корнем инхоативной семантики. В структуре ДКГ отражаются общезыковые структурные особенности русских глаголов: наличие в них общих морфемных показателей инхоативного значения (*забыг-ну-ть*, ср. *замерз-ну-ть*), продуктивность общезыковых словообразовательных типов и др. Вместе с тем данное гнездо имеет диалектные черты. Оно имеет севернорусский ареал распространения и характеризуется формальной вариантностью корня (*вы'-быг-ать*, *вы'-бог-ать*, *вы'-буг-ать*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Вендина Т.И. В. И. Даль и русская диалектная лексикография // В. И. Даль и русская региональная лексикология и лексикография. Ярославль, 2001. – С.7.
2. Шелепова Л.И. Особенности словообразовательной системы говоров и этимология // Историческое и диалектное словообразование Алтая. Барнаул, 1985. – С. 164–165.
3. Шанский Н. М. О реконструкции промежуточных словообразовательных звеньев. // ФН. – 1962. – №4.
4. Кузнецова А.И. Принципы морфемного анализа и построение словаря морфем // СМ, 16.
5. Галинова Н.В. Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значениями 'гнуть', 'вертеть', 'вить' в говорах Русского Севера. Екатеринбург, 2000.

Принятые сокращения

ДКГ – диалектное корневое гнездо

КГ – корневое гнездо

СГ – словообразовательное гнездо

ЛТ – лексически тождественно

Васнецов – *Васнецов Н.М.* Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1907.

Г – *Герд А.С.* Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры. Вып. 6–10. СПб, 1995–2002.

Герасимов – *Герасимов М.К.* Словарь череповецкого уездного говора. СПб, 1910.

Д – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка.: Т. 1–4. М., 1978.

КрЭС – *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.

Опыт – Опыт диалектного гнездового словообразовательного словаря. Томск, 1982.

СВГ – Словарь вологодских говоров. – Вып. 1–8. Вологда, 1983–2001

СМ – *Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф.* Словарь морфем русского языка. М., 1986.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–35. М., СПб, 1965–2002.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Вып. I–XVII. М., 1974–1992.